

**Галлея**

**Эзотерический роман**

**Они среди  
нас**

Краснодар, 2005

**УДК 130.3**  
**ББК 87.7**  
**Г – 64**

**Г. П. Гоманюк**

**Г – 64 ОНИ СРЕДИ НАС. Г. П. Гоманюк (Галлея).**  
Краснодар, «M&D production»  
(ИП Вольная Н. Н.), 2005 г., 200 с.: ил.

**УДК 130.3**  
**ББК 87.7**

©Галлея, 2005.  
© «M&D production» (ИП Вольная Н. Н.,  
свидетельство № 30423110350002), 2005

ISBN 5-902830-01—X (ИП Вольная Н.Н.)

## **ПОСВЯЩАЕТСЯ УСТРЕМЛЕННЫМ**

Ступень — Преображение Сознания.

Ступень — Соединение с Высшим Знанием.

Ступень — то Сфера Новая, Реальность,  
которой овладели ныне Вы.

Ступень — Творенье Духа и мечты

(Мечта для вас не что иное, как медитация Души в  
процессе познавания Мироздания, в процессе созидания миров и в таинстве Святом Самопознание).

Вершина — Творчество! Основа всех основ!

**Учителя Света**

### **ОТ АВТОРА**

*Я напряженно вслушиваюсь в потребность своей души, которая, как птица, трепещет, пытаюсь вылететь из груди, потому что ей тесно. Наверное, это оттого, что она знает путь к звездам. Пространство влечет ввысь и притягивает в предчувствии горизонтов божественного.*

Автор выражает благодарность за вдохновение

**Владимиру Петровичу — Святославу**

Спасибо за помощь Л. Ефимовой и моему сыну Вадиму Иванову, которые помогли мне довести работу до завершения.

*В любви и служении*

**ГАЛЛЕЯ**

## Об авторе

Автор книги считает, что человек даже не предполагает какими невероятными возможностями он обладает. Волей и воображением, работой души он может жить в том мире, который способен создать, потому что человек сотворец Бога. «Галлея» псевдоним Галины Петровны Гоманюк, заслуженной артистки, доцента университета культуры и искусств.

Галлея — это комета, которая периодически возвращается, чтобы вспыхнув осветить землю и снова уйти. Этот псевдоним словно предназначен автору, которая говорит:

Уйдем, чтоб снова возвратиться,  
Чтоб обести другое «Я»,  
Чтоб снова муками родиться,  
Чтоб снова приняла земля.

Так бесконечно поднимаясь,  
По лестницам шагаю я,  
Чтобы сознание просветлялось,  
Наполнив разумом меня.

Книга оставляет впечатление сияющего букета красок и чувств, которые переливаются индивидуальностью автора. Читая книгу, я прихожу к мысли, феномена ее проникновения в библейские слова «Как вверху, так и внизу». В ее убежденности, которая захватывает.

И мы верим в то, что «Они живут среди нас».

**Член союза писателей России**  
**Татьяна СОКОЛОВА**

**Люди не знали, что, по плану Творца, на землю были отправлены в воплощение более пяти тысяч душ «лучистых людей», сознание которых было выше сознания землян.**

**Небесные силы рассчитывали, что в процессе общения и смешанных браков человечество будет быстрее развиваться. «Лучистые» рождались в определенных семьях, росли, почти ничем не отличаясь от других детей, разве только были более чувствительными и болезненными, так как их организм труднее приспосабливался к земным вибрациям. После пяти лет эти дети начинали быстро развиваться, обнаруживая живой ум и постоянное радостное пребывание духа. Переживая возраст подростков, они изначально были лишены таких качеств, как агрессивность, зависть, месть, и безошибочно узнавали своих, тех, с кем чувствовали себя комфортно, кто на уровне подсознания знал, что человек приходит в жизнь с определенной целью, запланированной Творцом. Они растут с уверенностью в существование Высших сил, и за счет этого наделены мощным чувствованием, которое диктует преобразование мира. Вырастая, они, как и все, учатся, приобретая профессию, о которой мечтают с детства, готовя свою природу к овладению любимым делом. Среди них люди всех профессий, но жизнь их сложнее, чем наша, потому что они глубже мыслят и дальше видят.**

**Они такие же, как мы, и не такие.**

Она улыбалась своим ощущениям. Эльфы ветра ласкали тело, и она растворялась в тихой радости бытия. Горячий песок как бы прожигал насквозь, наполняя теплом. Не хотелось открывать глаза, хотелось отдаваться этой неге, этой стихии, этой вечности. «Так было, так есть, так будет, — протекало в голове. — Я лепесток, летящий на ветру. Я соткана энергией вселенной».

С закрытыми глазами она медленно поднялась и пошла к воде. Стоило только войти в море, как веселые ундины лизнули ее ноги, поднимаясь, все выше, завладевая разгоряченным телом. Они щекотали ее, покалывая свежестью, и она смеялась, разбрызгивая их ладошками, кувыркаясь, ныряя и фыркая от удовольствия. Она ясно видела сверкающие личики ундин. Эти сущности воды имели форму удлинённой капли нежнейшего прозрачно-голубого цвета. Они любят играть с людьми, поглощая, похлопывая, даря забвение от тревог и забот.

«Спасибо, вы напсили меня влагою, покоем, я люблю вас», — передавала она свои мысли воде и в ответ ощущала не сравнимые ни с чем объятия. Объятия ундин, которые поддерживали ее и бережно подталкивали к берегу.

Выходя на берег, она увидела полулежашую молодую женщину, облокотившуюся на целлофановый пакет. Женщина лузгала семечки, сплевывая на песок. Рядом, среди этого мусора играл ее малыш. Он старательно строил домик из железных банок из-под пива, которые

забыли выбросить взрослые. Сердце сжалось. Женщина поймала ее взгляд и безразлично отвела глаза в сторону. Лея подняла голову к солнцу и увидела, как резвятся в оранжевых лучах зелено-золотые саламандры, сущности солнца. Как вибрирующий теплый воздух то опускает их, то опять поднимает к своему истоку — солнцу. Лея знала о существовании Высших сил, знала, что на землю направляют лучи солнца Высокодуховные сущности по имени Гелиус и Веста. Она знала, что во всем божественном мире все трудятся, все живое и все находится во взаимной зависимости. Она медленно шла, размышляя над тем, что необходимо об этом говорить еще и еще. Как достучаться? Как говорить о том, что так понятно, так очевидно? Подставляясь нежному ветерку, она почувствовала легкую золотую паутинку на лице, потом на плечах. Слово невидимый плащ пытался окутать своим переливом, и она на телепатическом уровне получила сообщение: «Он уже в пути». Сообщение было таким неожиданным, что она словно проснулась. Кто он?

С Бэрм они расстались три недели назад. За пять лет совместной жизни он так и не смог вместить в себя ее странность. То, что случилось накануне, отдалило их окончательно. Вернувшись поздно с очередного банкета (уж такая у него была работа), он решил разбудить Лею, но это оказалось невозможно. Это случалось не в первый раз, и раздражению его не было предела. Безжизненное тело жены пугало и отталкивало его. Утром как ни в чем не бывало она пыталась шутить и успокаивать его, но он никак не реагировал. Она не раз пыталась объяснить мужу о выполнении важного дела, что тогда нельзя ее беспокоить, но он посмеивался. Лея пыталась объяснить ему, что никто не приходит на Землю просто так, что каждый должен определить свою необходимость жизни, наблюдая за окружающим миром. Пристально и отчужденно он посмотрел в ее уставшие глаза и объявил о том, что принял решение. Он уходит. Лею беспокоило только то, что теперь его никто не сможет сдерживать и его жизнь, проходившая в удовольствиях, окончательно потеряет смысл. Будучи хорошим руководителем, он не задумывался глубоко о жизни. Лея прощала ему многое, потому что знала,

что его Монада, то есть зарождение самой сущности, которой предстояло жить тысячелетия, формировалась на планете Марс, это воинственная натура, у которой преобладала логика. Чувства и сострадание были на последнем месте. Она понимала, что его сознание пока не способно вместить в себя предназначение. Наверное, ему придется много раз воплощаться на земле, чтобы открыть для себя то, что уже знала Лея. Она настолько устала, что не смела впускать в сердце ссору, и без того у нее произошла большая потеря энергии. Накануне вечером ей было сообщено, что на окраине города по названному адресу умирает ребенок и что ему нужна энергия, чтобы пережить кризис удушья. Чтобы спасти ребенка, Лея должна была оставить свое физическое тело и отправиться на помощь в тонком, невидимом энергетическом теле. Врачебная помощь была бессильна. Всю ночь Лея окутывала энергией сердечко ребенка и поддерживала мягкие ткани горлышка, чтобы не перекрылся доступ воздуха в легкие. Ребенок был спасен, и это главное. Радость от выполненного дела восстанавливала силы. Если бы все люди понимали что, отдавая, они всегда получают обратно.

Тело ломило, ей необходим был отдых.

\*\*\*

Проходя мимо прохожих, она различала их ауры, которые искрились бордово-коричневым цветом и сгущались на базарчике. Она знала, что нужна защита от агрессии людей. Мысленно поместив золотой диск над солнечным сплетением, она произнесла мантру:

О, Света диск с высот Небес,  
Во всем совершенстве сойди,  
Да озарит мою ауру свободы Свет,  
И любовь и защита Владык!

На базарчике Лее необходимо было пополнить запасы продуктов. Она видела, как одни овощи и фрукты излучали розоватую, голубоватую энергию, другие — сероватую и темную. Думалось, что гномы, отвечающие за почву, трудятся день и ночь, прося у Творца влагу, чтобы



дождевые черви рыхлили землю, оживляя, очищая, напитывая ее воздухом, но человек продолжает удобрять землю химикатами. Она подошла к яблокам, излучающим сероватую энергию, и спросила, откуда они. Продавец ответил: из собственного сада. Он говорил об этом убежденно и даже радостно, расхваливая свой товар, не уступая покупателям в цене. Лея видела, что яблоки нездоровы, в них много свинца, который дает цвет идущего от них грязно-серого свечения, и сорваны они вдоль дороги, где непрерывно мчатся машины. Неужели они не видят? Она попыталась высказать свое мнение о качестве яблок, но вызвала этим недовольство окружающих. Хорошо, что, подходя к базару, поставила защиту. Не теряя равновесия, закупив фрукты и овощи с розоватым и голубоватым свечением, она отправилась домой.

\*\*\*

Лее почему-то вспомнился университет, филфак и академия искусств, где она училась, столица... Как Бэр спешил к ней с технологического, как ухаживал. На душе было некомфортно, но она чувствовала, что какая-то часть жизни прожита и закономерно отпадает, это надо было осознать разумно. Она обладала духом воина и приняла обстоятельства, которые поставили ее перед фактом, она обладала врожденным качеством— «отсутствием привязки». Она знала, что на все Воля Бога. Периодически Лея должна была восстанавливать силы. И на этот раз она легла, закрыла глаза и стала медленно втягивать бело-серебристую струйку воздуха, который наполнял сначала грудь, потом живот, раздувая его и фиксируя количество благодатной праны, чтобы затем выдохнуть медленно, с интервалами, задерживая дыхание и заряжая организм. После трех продолжительных вдохов она восстановилась. Почувствовав внезапно чье-то присутствие, открыла глаза и, к своему удивлению, увидела маленький белый воздушный шарик, который, словно солнечный зайчик, играл сам с собой. Он то поднимался, то кружился над нею и совершенно неожиданно, резко опустившись, щелкнул ее по носу. Улыбаясь, она протянула руку и попыталась ощутить его ладонью,



как вдруг услышала легкое потрескивание и нежное журчание, которое хорошо поняла: «Ты была моей мамой на Сириусе. Я вернулся». Неожиданное счастье охватило все ее существо. Словно откуда-то издалека всплывали картины, о которых она не помнила. Память восстанавливала подробности другой ее жизни. Непередаваемая радость наполнила ее грудь, отражая цвета радуги, в которых плясал шарик, прижимаясь к ее животу.

— Мой Им, я снова дам тебе жизнь!

Перед взором проходили ее воплощения, которые ей дано было помнить, и Им был большой ее радостью. Он прожил семь лет по времени Сириуса. Его забрали на более высокие вибрации, больше она ничего не знала. Теперь надо было обдумать, как глубоко сосредоточиться, чтобы считывать информацию Има, не принося ему вреда, пока он находится в ее теле. То, что Им должен снова родиться у нее, говорило о многом, и это знак, и то, что она сохранит ему жизнь, наполняло ее особой ответственностью. Теперь ее жизнь приобретала другую окраску.

\*\*\*

Вечерело, и она наблюдала с балкона, как огромный огненный шар солнца, приближаясь к горизонту, окрашивал небо фиолетово-розовым цветом, захватывая спокойные теплые воды моря. Это время дня было самым важным, именно эти фиолетовые лучи влияли на ее энергетику. Они утончали вибрации, и она могла входить в глубокую медитацию, наблюдая другие формы жизни. Сегодня она знала, что эти фиолетовые лучи помогут ей связаться с Имом. Она проделала необходимый ритуал с дыханием, затем резко расслабилась, восстановила в своей памяти лицо Има, и ее мысль стала сигналом для телепатической информации: «За восемнадцать недель у нас будет несколько встреч. Потом связь прервется, будут закрепляться мои четыре тела (физическое, астральное, эфирное и каузальное), сегодня будет первая встреча». Сердце билось учащенно, она почувствовала слабость. Вибрации были слишком высокими. Лицо ее покрылось испариной. У нее не было сил двигаться.

Чем дольше она была среди людей, тем больше уплотнялись ее вибрации, тем больше требовалось сил, чтобы распознавать и удерживать сигналы. Обычно, перед тем как услышать информацию, она видела в воздухе шары различного цвета: то зеленые, то оранжевые, а иногда ленты разного цвета, которые развевались на ветру, словно давая предупреждение. Тогда она старалась уединиться, расслабившись, сконцентрироваться. В это время всегда чувствовалось сильное напряжение в теле, что выражалось в болевых ощущениях, в острых прострелах с правого плеча через грудь в селезенку. Иногда давило грудь, перехватывало горло и сводило лопатки. Если она мало бывала одна, то не успевала восстанавливаться. Агрессия окружающего мира людей втягивала ее в свою плотность, и она расплачивалась длительным недомоганием, поэтому была вынуждена изолировать себя на время. Для подруг она была яркой, несколько необычной и многогранной натурой, но никто не подозревал, как дорого стоило ей общение с ними. Немного отдохнув, она осознала, что сегодня во сне будет на Сириусе с Имом. Нужно было подготовиться. Отключив телефон, приняв ванну, она поставила спокойную, классическую музыку, закрыла глаза и неторопливо начала выполнять движение Ци-Гун. Состояние окончательно нормализовалось. Приготовив свежий овощной сок и поужинав, она села читать книгу «Гермес Трисмегист» — об основателе герметизма и науки Древнего Египта. Развитое воображение и способность легко переключаться давали ей возможность входить внутрь событий, о которых она читала, глубоко проникая в мысль, которая открывала секреты бытия:

«Бог — Творец мира и всего, что он содержит, Сам правит этим миром совместно с человеком. Человек знает себя и знает мир, и он должен различать то, что есть в его распоряжении, и то, чему должно воздавать культ; обращая к Богу свои хвалы и молитвы, он должен чтить мир (по-гречески мир называется «космос»), который есть Его образ, и помнить, что он сам (человек) есть второй образ Бога; ибо у Бога два образа — мир и человек. Благо же человеческое есть соединение с Богом».

Эта книга свободно продается в магазинах города, но как же мало людей интересуется подобной литературой.

Ей даны особые способности, но она знала, что их легко потерять, если не совершенствоваться. Бог дал, Бог и заберет.

Перед сном, воздав молитвы Творцу, она стала думать о своем сокровище, которое внутри нее и с которым предстоит сегодня путешествие туда, откуда они пришли тысячи лет назад. Душа наполнялась радостным предчувствием и праздничным ожиданием сонастроая со Святым Духом. Необходимо было еще сделать «Призыв к огненному дыханию». Лея представила себе фокус из двух скрещенных треугольников с наложением на них имени Бога, затем установила в уме непрерывный поток света, направляющегося через макушку головы и спускающегося по кристальной струне в сердечный энергоцентр. Когда она высвободила свет, то ощутила, что ум и сердце способны управлять этой энергией, поддерживая космическое сознание в творческом напряжении. Сделав три вдоха и выдоха, на счет восемь она представила Има и услышала радостный смех, смех того Има, родного и далекого, который был ей очень дорог. Лея увидела его таким, каким сохранила память. Она знала законы, что человек, уходящий из жизни в детстве, проживал отрочество, юность и зрелость на тонком плане. Видеть это на вибрациях Лее было недоступно. Им остался тем же, будто и не было веков, разделяющих их. Она не могла насмотреться... На его голове была шапочка, украшенная алмазами и жемчугом, на шее висел амулет из циркония, в руках держал кристаллический кварц. На ее удивление он ответил: «Я обучался в Египте, в священной обители Луксор, у Возлюбленного и дорогого моему сердцу Учителя Сераписа Бея. Украшения, которые ты видишь, говорят о моей сегодняшней принадлежности к космическому лучу, где я обучался чудотворению. Сегодня пятница — это день четвертого луча, и я смогу сделать невозможное. Видишь кристаллический кварц? С помощью него мы через три секунды будем на Сириусе». Не успел он произнести эти слова, как Лея уже стояла, зачарованная розовым небом Сириуса,

таким же розовым океаном, который плескался, играя волной, зазывая в свои прекрасные воды. Недалеко от берега шелестели голубые пальмы, величаво стоявшие среди голубых кустарников. Светло-синяя травка, сочная и густая, оттеняла причудливые, ярко-оранжевые цветы, словно ковер, покрывающий пепельную землю. Недалеко паслись кони, они были красивого кораллового цвета и напоминали кентавров, у которых были янтарные глаза. Послышался шум крыльев и разговор, Им и Лея обернулись, к ним летел огромный орел, и шли хозяева этой планеты. Они были высокого роста со светло-золотистой кожей. Поражали воображение их удивительно лучистые коричнево-зеленые глаза: вокруг зрачка расходилась светло-бурая кайма, переходившая в зелено-янтарную оболочку, очерченную темно-зеленым кругом. Широко расставленные, они светились восторгом и радостью встречи. Им приветливо улыбнулся, словно давним знакомым, и еще сильнее прижал к груди кварц, а Лея зачарованно рассматривала их светлые одежды цвета топленого молока с золотым орнаментом на левом рукаве. Тот, что был повыше, с большим почтением пригласил следовать за ними, говоря, что если бы они знали о предстоящей встрече, то устроили бы достойный прием. Не успел он договорить, как подъехала машина, похожая на бокал с крыльями. Им подал руку Лее, и она легко вошла и села на чудесное белое сиденье. Когда все уселись, машина помчалась без водителя, что немало удивило Лею. Эта странная машина где-то ехала колесами, а где-то перелетала, а по прозрачно-розовому озеру величественно плыла, оставляя за собой геометрически точно расчерченные круги на воде. Сидеть в ней было комфортно, а прозрачные дверцы и пол давали возможность рассматривать необычность окружающего мира. Того, кто был повыше, звали Дэй, а того, кто пониже, Ури. Они привезли их в необыкновенное строение. В просторных залах прямо из земли росли изящные кусты цветов, наполнявшие воздух нежнейшим ароматом. Прекрасные картины в фантастическом стиле, развешанные по стенам, потрясали своей фантазией и непривычными красками. Белая мебель овальной формы за-

вершала особую композицию жилья сирианцев. Дей и Ури, наблюдая за Леей, улыбались своими перламутровыми зубами, затем, понимаясь обменявшись взглядом с Имом, удалились, оставив их наедине.

— Не беспокойся, мы с тобой сюда еще придем и полюбуемся красотой, среди которой жили, а сейчас я должен ответить на твои вопросы, — сказал Им и сел у ног матери.

— Расскажи, чему ты учился в Луксоре?

— Чистоте, дисциплине и радости.

— Это трудно?

— Если через любовь, то нет.

— А для чего конкретно это изучалось?

— Для того чтобы научиться не блуждать в лабиринте человеческих сомнений, страхов, нерешительности. Человек должен научиться жить в мире, не принадлежащем ему.

— Им, мои вибрации грубеют. Чем больше я общаюсь с людьми, тем больше моя душа становится похожа на них.

— Знай, дорогая, что каждый через это проходит. И помни, ты наделена Бого-силой, Бого-любовью, Бого-победой. Главное не забывать свой исток и то, что поддерживает жизнь: земля, вода, воздух и огонь.

— Мне так много надо сказать, так много узнать, но хочется тебя обнять, — сказала Лея, прижимая Има к себе.

Целуя мать, Им, торопясь, шептал:

— Нам отпущено семь встреч, они будут короткими, иначе не выдержат твои вибрации. Через четыре месяца связь прекратится, ты будешь отдыхать, пока я не появлюсь на свет. Моя память будет заблокирована после рождения, поэтому обдумывай вопросы, и я смогу тебе многое поведать.

— Ты все-таки вернулся!

— Не мог иначе, я нужен на Земле.

— Мне очень трудно, Им.

— Я знаю. Сознание людей в своей массе не эволюционирует и тянет Землю назад. Вселенная сочувствует земле, которая стонет. Надо трудиться.

Послышались шаги и хлопанье крыльев. Они поняли: пора. Вошел Дэй с необыкновенным букетом не поземному переливающимся голубых и оранжевых цветов, обрамленных белыми веточками, и протянул их Лее.

Через несколько секунд они мчались в необычной машине, и Лея жадно охватывала взглядом поразительные красоты Сириуса. Доехав до того места, где встретились с Дэем, Ури и орлом, они улыбнулись друг другу и... Лея открыла глаза: она не чувствовала усталости, на кровати рядом с ней лежал восхитительный букет цветов. Поставив их в воду, она наблюдала, как они меняют свой цвет, приближаясь к земному. Вспоминала разговор с Имом, мысли, которые он всколыхнул, требовательно стучали в виски, и она размышляла: «Почему люди думают, что они приходят на землю просто родиться и, отжив отпущенное время, уйти навсегда? Почему считают, что жизнь — это сплошное страдание? Неудачи, боль, обиды, которые люди наносят друг другу, — вот что рождает безрадостность и болезни. Земля — это огромный учебный центр, где надо научиться любви, терпению и единству. Только в физическом теле можно пережить, отстрадать и, получив урок, измениться». Эти мысли постоянно занимали ее. На Земле надо думать о Земле. Человек обязательно живет в определенной стране, и, прежде чем отвечать за вселенную, надо научиться отвечать за ту страну, где родился, за улицу, на которой живешь ты, твои близкие, за друзей, за тех, без кого твоя жизнь бедна.

Человечество самоуничтожается через стрессы и агрессию, через потерю смысла жизни, через бездуховность, и в результате у людей затухает сознание. Эти мысли нарушали равновесие, и она, резко отключившись, проделала дыхательные упражнения. Лея знала: самообладание — дисциплина духа. Нарушение гармонии вызывает понижение вибраций, что влечет за собой потерю канала связи. Потерять канал — значит не справиться с возложенной ответственностью.

Она вспомнила встречу с Имом, и сердце ее сладостно затрепетало от счастья: он здесь, он в ней. Она знала, что только ее радостное пребывание поможет Иму правильно развиваться и сохранить часть даров, отпущенных



Святым Духом. Им будет стараться открыть Лее как можно больше, потому что с рождением его память будет заблокирована. Ему придется как бы заново открывать для себя все. Чем старше он будет становиться, тем ответственнее надо будет Лее наблюдать за ним. Многое зависит от того, с какими детьми он будет общаться в детском саду, в школе. Высшие силы в лице ангелов, архангелов наблюдают за людьми, но особо — за «лучистыми». Вмешиваться в дела людей не имеют права по закону Свободной воли. Через вещие сны людям многое подсказывается, и, если способны это чувствовать и принимать, они могут избежать многих неудач.

Почувствовав особую бодрость, Лея выскользнула из постели и выпорхнула на балкон. Распахнув окна, вознесла в небо молитву Творцу. График ее занятости был четко распланирован. Сегодня она должна была провести благотворительную беседу с пожилыми людьми. Проблемы пенсионеров — проблемы общие, и Лея должна была найти слова, которые что-то изменили бы в их душах.

\*\*\*

Народу было человек пятьдесят. Лея смотрела на потухшие, измученные болезнями лица и думала, как провести беседу так, чтобы они ощутили реальную помощь. В их лицах она читала недоверие, любопытство, обреченную агрессию. Заметив спокойно сидящую у окна женщину, Лея обратилась к ней:

— Какие у вас красивые глаза, в них внимание и уверенность. Как на вас приятно смотреть.

Женщина подумала, что эти слова обращены не к ней, и обернулась, но за ее спиной никого не было, и, смутившись, она чудесно улыбнулась. Присутствующие стали оглядываться, а Лея продолжила: «С возрастом у человека определяется выражение лица, и его отношение к окружающему миру отражено на нем. Стареют животные, а люди мудреют. Мудрость их в том, чтобы не чувствовать себя старыми, чтобы слушать свою душу, у которой нет возраста». Зал оживился. Мужчина, который сидел слева от Леи, заерзал и, усмехнувшись, буркнул: «Если бы».

— Ага, — подхватила Лея, — значит, вы хотите ощущать себя молодыми, это прекрасно, и это главное. Главное, хотеть. Именно желание — двигатель поступков. Главное, поверить в силы, которые внутри нас, в силы, которые человек усыпляет, не пользуясь ими. Силы, которые щедро дают Святители, если их об этом попросить.

Лея рассказала о великих русских Светочах Иоанне Кронштадтском, Серафиме Саровском, Сергии Радонежском, о том, как, пребывая в гармоничном состоянии духа — другими словами, принимая любые обстоятельства, с которыми сталкивает жизнь, они крепили душевно, накапливая огромную силу энергии Духа. Эта энергия не исчезла после их ухода из земной жизни, она здесь, рядом с нами, только надо обратиться к ним, попросить о помощи, а для этого нужна вера.

Рассказывая о жизни святых, она говорила, как с возрастом они становились красивее внешне, их лица преображались так же, как души. Главное, вместить в себя то, что агрессия, которая начинается с молодости, разрушает душу, обессиливает тело и накладывает на лицо маску злобы, недоверия, покинутости. Она убеждала, что их доброта и принятие обстоятельств тоже прибавляют силы и что добрая энергия останется для внуков. Она будет их уберечь от ошибок, поддерживать.

Она многое не могла им сказать, потому что их сознание не воспримет этих сообщений и вызовет недоверие. Зал слушал с интересом, и Лея рассказала о рекорде Гиннеса, установленном академиком, самым старым хирургом в мире Федором Угловым, который в сто лет оперирует, сохранив зрение, память, координацию. Он никогда ничем не злоупотреблял и сейчас обливается холодной водой, имеет молодую жену и ведет активный образ жизни. В зале появилось оживление.

«Старость есть старость», — продолжал бурчать мужчина слева. На что Лея ответила:

— Все живое в мире подчинено единому космическому закону: рождение, расцвет и увядание. Это надо принять сознанием. Ученый А. Ашофф произвел вскрытие четырёмстам людям, умершим в возрасте от 65 до 100 лет, и утверждал, что человек погибает не от старости,

а от болезней. Вот и задумайтесь, когда эту болезнь вы пустили в жизнь. А пустили вы ее тогда, когда ревновали, мстили, ненавидели, не прощали.

Равнодушных не было, пожилые люди словно помолодели, они обменивались мнениями, их лица посветлели. Они задавали вопросы и почти сами на них отвечали. Настало время обеда, а они все не расходились, прося еще о встрече. Попрощавшись, Лея благодарила Бога, что он помог направить мысль так, чтобы увлечь этих людей, освободить их от уныния и дать надежду на то, что, найдя путь к себе, поменяется отношение к миру, и их жизнь обретет смысл, давая пример тем, кто идет за ними.

\*\*\*

В дверь позвонили, Лея знала, что пришла Тина, и заранее приготовила вкусные печеные яблоки с корицей. Молодые женщины обнялись, и Тина села за рояль. Ее длинные прекрасные пальцы, бегающие по клавишам, и прямая спина придавали торжественность музыке, которую она виртуозно импровизировала. Под эту музыку Лея любила читать стихи. Нередко в такие минуты она видела Тину, бегущую по холмам планеты Херон, именно на этой планете формировалась ее Монада. Слегка сжатые губы Тины говорили о своевольном и властном характере. Получая удовольствие от музицирования, они любили играть и петь часами. Тине нравилась в Лее открытость, какая-то детская распахнутость души. Ее всегда озадачивало, как она горела во всем, к чему прикасалась, и удивлялась, как она могла восстанавливаться. Лее же нравилось в Тине сдержанность и то, что на многое в жизни они смотрели похоже.

— Лея, мне иногда не по себе, когда я вижу, как светятся и блестят твои глаза, они притягивают к себе, по моему, мужчины идут за тобой толпами.

Они рассмеялись озорно, как девчонки, Лея поднесла палец к губам. Тина настороженно спросила:

— Что-то случилось?

Лея засветилась радостью и, нежно, положив руки на живот, сказала:

— У меня будет ребенок.

Тина ожидала всего, но эта новость ее потрясла.

— Ты будешь растить его одна?

— Да.

— И ничего не скажешь ему?

— Нет. Он всегда был занят собой.

— Какой срок?

— Как такового срока еще нет, но он во мне.

— Фантазерка.

Лея счастливо улыбнулась, прося Тину играть.

— Ты будешь танцевать? О, как я люблю, когда ты танцуешь. Помнишь, что творилось, когда ты танцевала возле горящего костра на берегу? Я даже помню лицо Бэра: он смотрел на тебя с вожделением, тем самым говоря, что ты его собственность.

Лея не слушала Тину, она повязала на бедра шифоновый шарф поверх шелковых шароварчиков, одним движением водрузила на голову бархатную шапочку со страусиными перьями и начала танцевать. Экзотические танцы были ее хобби. В эти минуты от нее невозможно было оторвать глаз, в эти минуты она была неземная. Тина зачарованно извлекала из клавиш нежнейшую музыку, а Лея, покачивая медленно бедрами, погружалась в глубокую медитацию, уносилась в храм богини Кали. Она видела круг из золотых колонн, сидящую на троне в прозрачных одеждах в розовом свете сказочно красивую Кали. Ей слышались бубенцы, под которые она танцевала в окружении танцовщиц ритуальный танец. Лея кружилась и, будто крыльями, двигала своими удивительно гибкими руками. Это был танец не тела, а души. Танец благодарности богине Кали за порученную ей жизнь Има.

— Лея, ты закружилась, — вдруг не выдержала Тина.

Лея резко остановилась, несколько мгновений стояла неподвижно, потом почувствовала тошноту. Тина забыла, что во время медитации нельзя с ней заговаривать. Лея тяжело переносила, когда ее неожиданно будили, если она спала, или останавливали в танце. Именно тогда шел мощный выхлоп накопленной энергии и она слабела. Тина увидела, как бледнеет подруга, и поспешила исправить положение.

— Ты чудо, Лея, прости, я опять забыла, что тебя нельзя останавливать, отвлекать, но я сделала это потому, что тревожусь за тебя.

Лея беспомощно улыбнулась: теперь ей надо было восстанавливаться несколько часов. Тина уложила Лею и тихонько вышла.

Жизнь Леи была непрерывна, так как она продолжалась и во сне. Ей надо было постоянно следить за тем, чтобы не происходило резких перемен в ее самочувствии. Ей нельзя было нарушать внутреннее равновесие души. Мама предупреждала ее: «Никогда не позволяй, чтобы тебя беспокоили, если ты расслаблена, окликивали или звали, позаботься об этом, предупреди близких тебе друзей». Лея вспомнила, как в детстве во сне она могла ходить ночью по краю мебели, как перепрыгивала со спинки стула на другой стул, стояла на окне балкона. Мама знала об этой странности дочери и как могла оберегала ее детство.

Теперь ее очередь. Теперь Лея будет оберегать Има. Она улыбнулась и погрузилась в глубокий сон.

\*\*\*

Школа искусств, где раз в неделю работала Лея, давая консультации по исполнительскому мастерству, была расположена в благоухающем уголке за городом. Если бы люди знали, что судьба каждого человека под присмотром и каждому даются такие условия, которые необходимы его душе! Человек же сетует на жизнь и не хочет принимать обстоятельства. Лея внимательно наблюдала за детьми, от которых струился слабый свет. Через ауру она чувствовала воздействие мыслей и чувств. Чем интенсивнее аура светлых тонов, тем способнее ребенок.

Если от ребенка или взрослого струится светложелтый, почти золотистый свет, то он обладает большой интуицией и с годами у него укрепится способность к развитию духовного роста.

Если аура нежно-розовая, ребенок способен выплескивать из себя любовь к окружающему миру.

Если цвет нежно-фиолетовый, то ребенок способен анализировать, осознавать свои поступки и становиться лучше.

Ну а если аура насыщена пурпуром, ребенок очень талантлив и находится под тщательным присмотром Сил Света.

Зеленая аура говорит о здоровье.

Голубой цвет говорит об идеальном восприятии мира и внутренней силе.

Если человек злится, то вокруг него багровые вспышки, ну а черные вспышки в ауре говорят о негативных мыслях, которые мешают восприятию Божественного света. Чистые цвета ауры мутнеют, когда мысли негативные.

Определение ауры — очень сложное дело, и нужно много работать над тем, чтобы видеть ее и верно определять, так как аура непостоянна, как пульс. Лея многое видела на уровне чувствознания и спешила помочь каждому ребенку, с которым работал основной преподаватель. Хрупкая и совсем юная Мара, учитель вокала, излучала светлые тона. С ней было легко и просто, она тонко чувствовала замечания Леи и с радостью принимала их. Лея, видя чакру горла ребенка, безошибочно определяла, когда он работает не на связках, а на горле, когда тональность, выбранная преподавателем, усложняет исполнение. Работая над текстом песен, Лея увлекала содержанием произведения и работала над воображением ребенка. Развитие воображения очень важно в жизни человека. На тонком плане он живет воображением, силой мысли. Ах, если бы все могли это понять! Постоянно работая с людьми, Лея не должна была отождествляться с человеческим сознанием — слишком много искаженной энергии. Ее задача была постоянно очищаться, привлекая указами и велениями фиолетовое пламя, которое способно трансмутировать всю отрицательную энергию, накопившуюся за целый день.

\*\*\*

Сегодня она готовилась ко встрече с Имом. Август дарил незабываемые цвета заката солнца, и Лея, устремив глаза в небо, чувствовала, как фиолетовые лучи проникают сквозь нее, напитывая необходимой энергией. Она стала подсчитывать, сколько дней ее беременности. Итак, мужское и женское протоядра, сливаясь,

через день образует зиготу, покрытую блестящей оболочкой. Затем зигота делится восемь раз, и первое время клетка растет вовнутрь себя, а потом выходит наружу. Затем появляется трубка, проходящая прямо через центр клетки, образуя север и юг. Идет формирование «тетраэдра». Вокруг «тетраэдра» создаются электромагнитные структуры, то есть живое поле Мер-Ка-Ба. Дальше начинается процесс создания Яйца жизни, которое фиксирует восемь бессмертных клеток. Деление клеток идет интенсивно, и строго геометрическая форма превращается в комок, который уже наделен сознанием. На все это требуется восемь дней. Если бы люди знали, что восемь дней беременности — это уже живое существо внутри тела, которое наделено сознанием и которое надо оберегать. Это уже жизнь, которая включает в себя план Творца, жизнь, которая направлена на Землю с определенной целью. Если бы женщины знали, они бы не смели прерывать жизнь. Воистину мудры слова: «Незнание — это невежество».

Значит, именно на восьмой день Им сообщил, что он вернулся. Для Леи было важно точно рассчитать время, когда он зашевелится, потому что тогда она не имеет права его тревожить. Вот почему опасно ошибиться, и надо быть готовой еще раз все проанализировать.

Теперь нужно дождаться захода солнца, хорошо отдохнуть, отключив телефон и все, что могло ей помешать.

Приняв ванну, она выпила сок, выполнила дыхательные упражнения и легла. Устремив глаза в небо, которое хорошо было видно в распахнутые окна, Лея расслабилась, ей нужно было поспать. Встреча должна состояться на рассвете, с первыми лучами солнца. Засыпая, она шептала слова Владыки Кут-Хуми: «Из сердца нашего Единого Творца течет Родник животворящей силы, дабы все смертное Бессмертным напоить — сияющим напитком вечных знаний».

\*\*\*

На встречу Лее легкой походкой шел юноша высокого роста в голубой чалме, украшенной сапфиром и лазуритом. Одет он был в белый хитон, а в руке держал

посох с большим бриллиантом. У Леи перехватило дыхание, мелькнула мысль: «Кто это?». Глаза его она знает. Юноша улыбнулся и сказал:

— Сегодня вторник, Владыка первого луча решила показать тебе, каким я был на тонком плане после ухода с Сириуса, обучаясь в Индии пять веков назад.

Лею обожгло, она едва не лишилась чувств, вибрации первого луча оказались столь сильны, что Им вынужден был прийти на помощь. Прикоснувшись посохом к ее лбу, он тихо сказал:

— Помни, ты хотела видеть меня по доброй воле, ты верила в эту встречу. Теперь собери все свои силы и слушай: мы живем, чтобы найти силу в себе, в своих талантах, в своем священном труде. Об этом нужно думать каждый день.

Он наклонился, обнял мать, поцеловал и прошептал:

— Я обещал тебе полюбоваться Сириусом.

— О-о-о, — только и успела произнести Лея, как почувствовала себя глубоко в розовых водах океана, прямо на нее плыл синий дельфин, а верхом на нем Им, тот Им, которому было семь лет. Здесь они общались телепатически, вспоминая, как тогда, давно, они могли путешествовать под водой среди скал и рифов, как рвали прекрасные фиолетовые водоросли, водяные ромашки, сплетая из них причудливые одежды, как бегали по берегу, играя в догонялки.

— Я помню моего отца, а ты?

— Ты мне задал слишком трудный вопрос.

Что-то вытолкнуло их на берег, и они услышали, как хлопает крыльями орел.

— Задавай вопросы, время уходит.

— Расскажи мне о Земле!

— Земля находится в середине Вселенной и напоминает человека, лежащего на спине лицом к небу, и состоит из стольких частей, сколько членов имеет человек. Ее голова — на юге Вселенной, правое плечо — на востоке, ноги — под созвездием Медведицы.

— Как это влияет на человека?

— Люди, живущие на голове Земли, имеют прекрасно развитую верхнюю часть головы, хорошие волосы, но пониженное зрение и заторможенность в восприятии. Восточные — предрасположены к борьбе (влия-



ние восхода солнца), западные— защищены от опасностей, часто сражаются левой рукой, но восприятие их ясное. Те, кто живет под Медведицей, обладают крепкими и выносливыми ногами, сильными и быстрыми ступнями, но имеют холодный темперамент. Те, кто живет в середине, имеют меньше всего изъянов, среди них много людей высокого ума.

— Им, дорогой, я забыла, куда направляются люди, прости, не так выразилась, души, освободившиеся от тела?

— Покидая тело, каждая душа направляется в то место, которое ей запланировано в пространстве от Земли до Луны, потому что от Луны до вершины Неба живут Великие Сущности.

— Скажи, а ветер влияет на души?

— Нет. Движение воздуха не создает препятствий. Души проходят сквозь воздух, не смешиваясь с ним.

— Им, почему ты спросил об отце?

— Потому что в данное время он воплощен на Земле, ему двадцать семь лет.

Лея была так потрясена, что, очнувшись, медленно приходила в себя. Она не помнила отца Има с Сириуса, но сердце ее дрогнуло.

\*\*\*

Лея собиралась вместе с Тиной и ее мужем Вэлом на вечеринку к их друзьям. Хорошо отдохнув после работы, она была в особо приподнятом настроении и на звонок в дверь отреагировала мгновенно. Тина и Вэл, над чем-то смеявшись, поведали, что на вечеринку идти не собираются, а взяли билеты на спектакль в театр, который гастролирует в нашем городе. Как на это смотрит Лея?

— С вами в огонь и в воду, — не раздумывая, заявила она, и под общий смех они вышли на улицу.

Вэл был с созвездия Цефея, это рядом с созвездием Кассиопеи, и с Тиной они очень мило ладили. Вэл иногда был по-женски капризен, но удивительно компанейский и доброжелательный человек. Он всегда придумывал неожиданные вещи, чем немало веселил женщин.

Добравшись до театра, они встретили много знакомых, с кем-то раскланивались, кому-то помахивали приветливо рукой.

Спектакль был о закулисной жизни театра. Тема сама по себе интригующая: герой спектакля — режиссер, написавший, по его мнению, гениальную пьесу, ищет героиню, которая смогла бы сыграть главную роль в его шедевре. Он перебирал актрис, ища неотразимую, безумно влюблялся, а, будучи отвергнутым, ловко избавлялся от них. Он все искал, искал и наконец пришел к выводу, что никто так не сыграет, как его бывшая жена. Появляется экстравагантная женщина без возраста в сопровождении своего нового мужа... и тут свершилось нечто. Лея перестала следить за разворачивающимся сюжетом, все ее внимание было приковано к исполнителю роли мужа. Актеру было лет 35–40, его нельзя было назвать очень привлекательным, но то действие, которое он совершал, повергло в неопишуемый восторг. Лея не помнила, чтобы в театре она столько смеялась и получила столько энергии и ни с чем не сравнимой радости от таланта актера. Она видела, что этот человек был с Сириуса, он выделялся своими глазами.

После спектакля все трое отправились за кулисы, встретившись со знакомыми, и, обменявшись новостями, пожелали познакомиться с очаровавшим всех троих артистом. Увидев Лею, он словно застыл с широко раскрытыми глазами, протянув руку, произнес: «Андр. Я вас знаю», — он держал ее руку, не желая выпускать. Она улыбалась, а губы неслышно шептали:

Есть родственность души, она, как зов,  
Вонзается в сплетенье острым звуком  
И растворяет будничность оков,  
Лаская Золоченым Луком.

— А я вас тоже узнала.

Все трое по просьбе Андра подождали его. Погода стояла прекрасная, и они единодушно приняли решение посидеть в театральном кафе. Вэл интересовался новой драматургией, Тина говорила о музыке, Андр

рассказывал о поэзии. Мило побеседовав, стали прощаться. Завтра утренним самолетом Андр улетал в свой город. Прощаясь, он снова взял руку Леи, поцеловал ее и, будто вспомнив что-то, открыл свою сумочку, достал маленький томик стихов и сказал:

— Это мои стихи, на память, мы обязательно увидимся.

На обратном пути Лея достала стихи Андра и прочла:

А ты, обиду за обидой  
Стерпя, твердила вновь и вновь:  
«Я не умею ненавидеть.  
Я исповедую любовь.  
Увы, в плену у бытия  
Звезда и я, звезда и я...

Думалось: почему, когда встречаешь своих, так бьется сердце? Почему такое притяжение? Не влюбленности, а родственности. Словно брат родной, которого давно не видела и тревожишься, что увидишь не скоро.

\*\*\*

Под утро она погрузилась в особое состояние и увидела такую картину: ресторан, оркестр, на фоне которого завораживающие звуки скрипки. Кто-то сидит рядом с ней. Вдруг она увидела себя со стороны в бархатном бирюзовом платье, с огненно-рыжими пышными волосами и ярко-зелеными глазами. Скрипач не сводит с нее глаз. Мужчина, сидящий рядом с ней, попросил его играть, бросив на сцену крупные купюры денег. Скрипач переступил через них и подошел к столику, где сидела она. Ее спутник встал и резко толкнул музыканта, тот, упав на скрипку, сломал смычок и, не понимая, что с ним произошло, рассматривал поникшие струны. Она порывисто встала и наклонилась над ним. Его большие лучистые глаза, полные удивления и восхищения, неотрывно смотрели на нее. Она протянула руку, чтобы помочь ему подняться, а он стал нежно целовать ее пальцы...

Она очнулась и поняла, что память донесла до нее одно из воплощений и что глаза музыканта — глаза Андра.

Лея пыталась тщательно анализировать одежду, обстановку, восстанавливая эпоху, в которой побывала.

«Пожалуй, лет двести назад, — подумала она зевая, — все мы ходим друг возле друга на протяжении многих тысячелетий и очень редко узнаем друг друга».

Лея положила руки на живот, погладила его и тихонько запела:

— Пречистая Дева, сердечным огнем  
Твой образ прекрасный в душе бережем,  
Святые с небес прославляют тебя,  
С земли твоей дети зывают тебя.  
Аве, Аве, Аве Мария!

\*\*\*

В воскресенье Лея поехала к Рине, которая жила в небольшом городке, утопающем в зелени. Еще в детстве они открыли для себя друг друга и прошли вдвоем через многие трудности. Человека с Сириуса всегда можно узнать по свету, идущему от искрящегося блеска глаз. Их обязательно выделишь даже в толпе. Их нельзя не заметить. Их глаза излучают радость и доброжелательность. Некоторых это даже несколько раздражает, других же, наоборот, притягивает. Все зависит от вибраций. Раздражает тех, кто в своей неудовлетворенности и ограниченности не способен ощутить более высокие вибрации открытости и доверия. Притягивает же тех, кто сам тянется к радости и внутренней гармонии.

У Рины уже много лет не вставал с постели отец, и она была вынуждена выполнять всю работу на дому. Зарабатывала тем, что писала статьи и очерки для местных газет. Она ждала Лею как сестру. Во многом они были не похожи, но понимали друг друга с полуслова.

Спрыгнув с автобуса, Лея увидела Рину издалека. Невысокого роста, живая и улыбающаяся, она протянула распахнутые руки для объятия.

— Солнце мое, — прошептала Рина, обнимая подругу. — Наконец-то.

Лея загадочно улыбнулась, прищулив глаза, и по-детски сказала:

— Что я тебе сообщу!

— Да знаю, знаю, — шептала Рина, целуя ее в щеки. — Какое счастье, теперь будем ждать его рождения вместе.

Но Лею не проведешь, она чувствовала, что радость Рины чем-то нарушена:

— У тебя все хорошо?

— Потом все расскажу, потом.

Они поднялись в ее квартиру, где тихо играла музыка и пахло яблоками с корицей.

— Бэр не появлялся? — почему-то спросила Рина. — Прибежит как миленький, он тебя не сможет забыть, мне уже звонил.

— Как раз этот разговор меня не волнует, — Лея посмотрела на подругу и спокойно продолжила: — Не лукавь, ты не о том говоришь, я все вижу. Что случилось?

Неожиданно по щекам Рины покатились слезы.

— Так. Успокойся, переключись, потом расскажешь.

Большой и пышный кот Маркиз ласково терся о ноги Леи, и она, чтобы рассмешить Рину, подняла кота на руки, закружила и церемонно произнесла:

— Простите, Маркиз, но вы наступили мне на ногу.

Кот смотрел своими зелеными глазами то на Рину, то на Лею, потом резко выпрыгнул из ее объятий, тем самым дав понять, что не на того напали. Подруги рассмеялись

— Вот теперь я вижу свою Рину! Давай рассказывай, что у тебя.

Рина, овладев собой, сказала, что она случайно поймала информацию, связанную с рождением Има, что для этого ей надо было два дня быть на строгом режиме.

— Почему? — спросила обеспокоенно Лея.

— Мне передали, что канал со мною прерван, потому что понизились вибрации. Я всю энергию отдаю папе, на связь не хватает.

— Не тревожься и прими обстоятельства, это самое разумное.

— Я знаю, что это кармический долг, прости, я расквасилась.

Лее хотелось отвлечь, расслабить подругу, и она предложила:

— Давай танцевать.

Рина, просияв, побежала за шифоновыми одеждами.

Она принесла газовые косынки, которые они причудливо повязали, взяли в руки по шифоновой ленте, которыми будут играть в танце. Рина разругалась. Она набросила на себя светло-зеленое, а Лее дала нежно-фиолетовое одеяние. Отключив телефон и прикрыв дверь в комнату отца, Рина включила музыку. За много лет дружбы они научились этим неземным танцам, расслабляясь и входя в особое состояние при помощи медитации. Эти танцы уносили в особый мир, давая прилив энергии и укрепляя здоровье. Наполненная живыми цветами в горшках просторная комната казалась дендрарием, на фоне которого молодые женщины казались фантастическими нимфами. Чтобы движения в танце концентрировали энергию, они сделали дыхательные упражнения, вознесли молитвы Великой Сущности фиолетовой планеты, которая посылает оздоровительные лучи на Землю: «Возлюбленный Омри Тас, я прошу помазать меня, дабы я стала свечой фиолетового пламени. Пусть жрецы священного огня с фиолетовой планеты создадут прекрасные сферы фиолетового пламени, которые благословят людей, живущих на Земле».

Сосредоточенность на музыке обостряла и усиливала воображение. Закрыв глаза, Лея ощутила нежные прикосновения фиолетовых лучей, затем с невероятной скоростью полетела по пространству, чувствуя, как развеваются ее одежды и как она, легкая и воздушная, движется в танце, втягиваясь в фиолетовую воронку, которая, раскручиваясь, превращается в огромный фантастический зал под открытым нежнейшим пурпурным небом. Лея замерла от этой не поддающейся фантазии красоты: огромные колонны из аметиста, переливаясь и сверкая, издавали непередаваемую мелодию космоса. От мягкого свечения различных оттенков фиолетовых плит драгоценных пород, покрывающих пол этого огромного зала, исходили нега и красота. А за колоннами по кругу широким кольцом стояли жрецы и жрицы этой благословенной планеты. Они медленно раскачивались в ритме мелодии.

Лея почувствовала руку Рины, и они, будто сговорившись, оттолкнулись в воздухе и закружились, словно бабочки, не чувствуя притяжения. Перелетая от колонны к колонне, они взлетали вверх, и их шифоновые ленты создавали иллюзию летящих комет. Резко опустившись вниз, чтобы еще раз насладиться этой красотой, Лея увидела огромный трон, украшенный светло-лиловыми, переходящими в розовый цвет камнями, которые переливались радугой необычных цветов. Вдруг, именно вдруг, она увидела на троне человека неземной красоты. Его рост составлял более трех метров. Лицо нежнейшего светло-фиолетового цвета светилось любовью. Словно нимб, пылающие огненно-фиолетовые волосы обрамляли это прекрасное лицо. Одежда спартанского типа была украшена драгоценными камнями всех оттенков фиолетового, пурпурного цветов. От него во все стороны исходило мощное излучение, которое охватывало окружающих его жрецов и превращалось в непередаваемое сияние священного огня. Она поняла, что это и есть могучий Омри Тас — правитель фиолетовой планеты, и это сияние, этот священный огонь благословляют людей, живущих на Земле. Подумалось: так вот оно, сердце планеты, вот они, труженики, которые день и ночь стоят на страже, направляя эти лучи на Землю. Лея опустилась на колени, посмотрела в спокойные и прекрасные глаза Великой Сущности и воздала ему молитву: «Возлюбленный Омри Тас, пошли в мое сердце электрическую искру, чтобы стать дополнительной энергией, помещенной на алтарь Шамбалы. И пусть фиолетовое пламя, подобно лазерному лучу, поглотит и растворит весь человеческий разлад на Земле».

Склонив голову, Лея почувствовала, как разряды фиолетовой молнии исходят от его руки, которую Он держал над ее головой.

Придя в себя, Лея увидела, что стоит на коленях в комнате, ошеломленная этой милостью. Картина за картиной увиденного проносились перед глазами, сохраняя ни с чем не сравнимую, радостную торжественность сердца. Легкое напевание Рины, которое донеслось из спальни, окончательно пробудило ее. Улыбающаяся Рина выпорхнула к Лее, оживленная и довольная, зашептала:

— Я не стала тебе мешать, тихонько ушла. Как я на-  
танцевалась! Как мне хорошо с тобой!

Женщины, обнявшись, пошли на кухню, Рина без  
умолку говорила о будущем малыше:

— Будешь рожать только в море.

— Да, конечно, милая, — улыбалась Лея.

— Так, как принимают роды они, человек не умеет.  
Я за всем прослежу.

Потом Рина рассказывала о своем друге, о непони-  
мании его. О том, что он с Сатурна, а эти люди несут  
много негативной энергии, вялые и зачастую непредска-  
зуемые, они своей мрачностью давят.

— Лея, если ты думаешь, что я не позаботилась о  
том, чтобы кроме нашей встречи состоялась еще одна,  
не менее важная, то ты ошибаешься.

— Не поняла.

— Придут друзья, ты должна рассказать о чем-то ин-  
тересном.

Лея широко и благодарно улыбнулась: как же Рина  
близка ее сердцу! И как важно нести накопленные зна-  
ния людям.

Через два дня они ждали гостей. Собралось восемь  
человек: врачи, преподаватели. Со многими Лея была  
знакома, Дину и Игоря помнила по прошлой встрече.  
Роберта и Федора видела впервые. Гарри и Инесса про-  
извели очень любопытное впечатление: они были с Ори-  
она, и Лея ожидала неординарных вопросов. Лорена и  
Елена были самыми компанейскими, они хлопотали,  
разливая чай, а Рина резала торт, раскладывала пе-  
ченье. До Леи донесся шепот Лорены: «Я прямо сразу  
спрошу, я первая». Поймав взгляд Леи, она громко рас-  
смеялась и пошла в атаку:

— Друзья, рассаживайтесь, мне не терпится начать  
беседу. Лея, извините за любопытство, Рина говорила  
об особом состоянии, в которое вы можете входить, мне  
так хочется об этом услышать от вас, поверьте, это не  
праздное любопытство, это огромное желание осознать  
возможное. Пожалуйста, расскажите.

— Да, — подхватила Елена, — я уже была на вашей  
беседе «Наука разума», очень интересно.



— Вот и прекрасно, — сказала Лея, — мы говорили об этом, и вы знаете, что есть поверхностный и есть глубинный разум. Поверхностный — сознательный, а глубинный — подсознательный. Что ваша сознательная мысль посеет, то и взойдет внутри вас. Значит, мысль определяет наше действие. А теперь я перехожу к вопросу Лорены. Я попытаюсь доступно рассказать о том, что действительно реально. Итак, вы знаете, что давным-давно была очень высокоразвитая цивилизация, обладающая божественными знаниями. В промежутке от 16 до 13 тысяч лет назад человечество захватили огромные события, в результате которых сознание человека упало с высоких вибраций в трехмерное, то есть в наш современный мир. Вы все знаете, что тело человека — это энергетическая система, которая в те далекие годы вбирала прану с воздухом, сверху и снизу. Потоки энергий встречались в одной из чакр (то есть или в горле, или в груди, или в животе). Сейчас этот поток нарушен, сегодня эту нагрузку берет на себя шишковидная железа, расположенная почти в центре головы, от которой в основном зависит наше сознание. Но по сравнению с тем временем, когда она была размером с шарик пинг-понга, она уменьшилась до горошины. Тем не менее великие знания все же хранятся в этой горошине, но уровни понимания для нас недоступны. Сейчас человек вдыхает прану через рот и нос. У нас изменилась ДНК. Когда-то мы знали, что энергетическое поле вращается вокруг нас, и связано это было с определенным дыханием. Причем это энергетическое поле вращалось со скоростью, близкой к скорости света, но после падения сознания скорость постепенно замедлилась и остановилась совсем. Так вот, это поле, которое остановилось, называется Мер-Ка-Ба. Мер — это особого рода свет, Ка — это индивидуальный Дух и Ба — это реальность. Мер-Ка-Ба — это вращающееся в противоположных направлениях поле света, воздействующее и на дух, и на тело. Мы подошли к главному, Мер-Ка-Ба — это транспортное средство, по-гречески — «колесница». Имея высокое сознание, овладев специальной техникой дыхания и медитацией, человек способен создать световое поле

вокруг себя до восемнадцати метров при условии, что может вместить в себя Божественную любовь. Он может мысленно перемещаться, выходить из тела. Это может быть легко и может быть трудно, все зависит от наших убеждений. Без Божественной любви человек не достигнет высочайшего сознания и не выйдет за пределы определенного измерения. Можно находиться в комнате и одновременно видеть океан Сириуса или наблюдать за планетами. Человек может жить на Земле, но хранить память и опыт жизни в других измерениях. Мы действительно существуем в других мирах, но большинство не осознает этого. В реальности высшего «Я» мы существуем во всех мирах. А вот соединиться с этим высшим «Я» — самое большое событие жизни. Можно жить на Земле, но, соединясь с высшим «Я», вы обретете возможность с помощью Бога наполнить свои мысли, чувства великой силой и мудростью. Лорена, я ответила на ваш вопрос?

Лорена смотрела широко открытыми глазами, не мигая, а спохватившись, протянула:

— Да-а.

— Можно уточнить? — красивым баритоном произнес Гарри, — а это поле Мер-Ка-Ба, его можно как-то увидеть?

— Конечно, — поспешила заверить Лея, — если иметь оборудование, то на экране ясно обнаруживается это поле, так как оно имеет электромагнитную составляющую в микроволновом диапазоне. Это реально.

— Еще вопрос. События, которые происходили тринадцать тысяч лет назад, — это гибель Атлантиды?

— Да, — ответила Лея.

— Но ведь никто не верит в Атлантиду, — грустно прокомментировала Елена.

— Если интересно, я могу обрадовать вас, рассказав о том, что 23 мая 1998 года Аарон Дюваль из штата Флорида в Майами, президент Египтологического общества, сообщил, что около побережья Бимини найдена древняя Атлантида. Найдены доказательства того, о чем говорил Платон во времена Древней Греции. Вот так все доказательно.

— Я бы хотел уточнить: мы действительно потеряли полностью память прошлого? Или как?

Лея улыбнулась и продолжила:

— Память наша поддерживается магнитным полем внутри черепной коробки и зависит от стабильности поля. Я приведу такой пример: если в середине работы с файлом взять и выключить компьютер, то все, над чем вы работали, исчезнет. Гибель Атлантиды — это отключение компьютера. Перед лицом необходимости люди начали жизнь как бы заново. А если откровенно, то мы бы с вами ушли с уровня человеческого существования, если бы во время страшных событий к нам на помощь не пришла группа Вознесенных Учителей. Мы бы не выжили. Пока все вокруг рушилось, они сохраняли общее поле Мер-Ка-Ба. В это время сирианцы сохраняли свои световые поля на Земле, находясь в других измерениях.

— Да-а, — вздохнула Лорена, — как все непросто и как хорошо, когда об этом знаешь, хочется размышлять...

— Давайте сделаем перерыв и потанцуем, — предложила Рина, но никто не вставал со своих мест.

— Вот если бы научиться дышать по Мер-Ка-Ба, — сказала, вздыхая, Лорена.

Лея пристально посмотрела на нее и мягко произнесла:

— Это очень ответственно, а брать на себя эту ответственность опасно, это зависит от здоровья, от вибраций учителя и ученика, от накопленных знаний, а главное во всем этом — мера любви к Богу. Нужно благодарить Творца, за то что мы живем и с его помощью развиваемся, стремясь к знаниям. Устремленность — это космическое понятие.

Музыка стала играть громче, и постепенно все зашевелились. Женщины пошли к зеркалу, а мужчины продолжили беседовать. Лея пошла на кухню, но ее остановил голос Гарри:

— Лея, спасибо, мы с ребятами поделились впечатлениями и будем ждать следующего разговора, к которому подготовимся и забросаем вас вопросами.

— Конечно, конечно, я с радостью. Спасибо вам всем за внимание.

— Лея, потанцуем? — попросил Федор, протянув к ней руки.

Его выразительный нос выдавал принадлежность к планете Меркурий. Подчеркнуто любезный, не допускающий отказов, он подхватил Лею, и они закружились.

— Лея, у вас удивительная память, с вами очень интересно.

Лея смутилась, потому что Федор жадно рассматривал ее, но ответила:

— Я уверена, что и вы обладаете многими возможностями.

— На все-то у вас готов ответ, амазонка вы этакая, — и он волевым движением руки приблизил ее к себе.

Тут уж Лея залилась смехом, потому что разговор явно принимал окраску флирта, и это ее забавляло.

Рина заметила это и пришла на помощь: подкатив смешно глаза, громким шепотом, чтобы слышали все, сказала:

— Лея, не поддавайся, женщины тебе этого не простят. Правда, Федор?

Все дружно рассмеялись. Натанцевавшись, сели снова пить чай, шутить, рассказывать истории, анекдоты. Дистанция, которая существовала еще несколько минут назад, исчезла сама собой. Рина расцвела, она гордилась Леей и не переставала удивляться обаянию и естественности подруги.

\*\*\*

На этот раз, как и всегда, проделав необходимое, она привела организм в сонастрой. Глядя на закат, чувствовала, как притягивают к себе фиолетовые лучи, как они совершают в ней невидимую работу, напитывая клетки. Она напряженно думала над тем, какие вопросы задаст Иму. В ее голове звучали слова:

— Чтобы много получить, ты много отдай. Отдавая знания, познаешь.

Она думала над тем, как ей нужны знания Има и как необходимо передать их людям.

Она набрала воздух через центр солнечного сплетения и с направлением потока энергии мысленно послала

молитву, а на выдохе направила воздух в теменной центр, одновременно произнеся в уме: «Аминь». Таким образом она заставила сознание работать на уровне клеток. Когда она создала энергетическую спираль, ее сознание вошло в торсионное поле Има.

Он бежал навстречу Лее, сверкая своими желто-золотыми одеждами. Лея зажмурила глаза от переливающихся камней желтого топаза и желтого сапфира, который он держал в руке. Им стал на колени и поцеловал руку матери.

— О чем хочешь знать, душа моя? — произнес он.

— Обо всем, сердце мое.

— Сегодня мы находимся на втором космическом луче.

— Чему тебя учат, сынок?

— Мудрости, пониманию. Мне отпущены дары — слово знания.

— Тогда объясни мне, что значит: человек и микрокосм?

— Макрокосм содержит все то, что содержит микрокосм. Великий Гермес вещал: «Макрокосм содержит тварей земных, водных — так и у человека есть блохи, вши и глисты. Макрокосм содержит реки, источники, моря — у человека есть внутренности. В макрокосме есть пернатые — у человека есть комары. Макрокосм содержит духи, исходящие из его груди, например ветры, — у человека есть газы в кишечнике. Макрокосм имеет Солнце и Луну — у человека есть два глаза, и правый глаз соотносится с Солнцем, а левый — с Луной. Макрокосм имеет горы и холмы — у человека есть кости. Макрокосм имеет небо — у человека есть голова. Макрокосм имеет двенадцать знаков неба — у человека тоже они есть, начиная с головы, то есть с Овна, и заканчивая ногами, соответствующими Рыбам. Вот что у них (у герметистов) называется образом мира.

— Времени осталось мало, я тревожусь о твоих вибрациях, поэтому тороплюсь. Прошу тебя, запомни и живи в радости. Радость — это указатель эволюционного направления кармических (судьбоносных) энергий. Радость повышает энергетически всю систему Полей Сознания

человека и ведет к разуплотнению Духоматерии. Радость — это уже расширение сознания.

— Только радость?

— Радость и Покаяние. Покаяние — освобождает, преображает и очищает. Ты поняла? Задача одна, а методы разные.

Лея ощутила слабость, сильно кружилась голова. Им сразу почувствовал это и быстро сказал:

— До встречи.

Она лежала на диване и не могла пошевелиться. В голове стучало: спать, спать, восстановиться необходимо, и она провалилась в глубокий сон.

\*\*\*

Погода была прекрасная, дул теплый осенний ветерок. Легкий шарфик играл с эльфами, обнимая ее шею. Сегодня она шла на день рождения к Элле, которая работала специалистом по связям с общественностью, и иногда было приятно бывать у ее. Семья Эллы была небольшой: муж Ричард, который обожал ее, и дочь-подросток. У них часто собирались интересные люди: преподаватели, профессора, ученые. Элла умела красиво накрывать столы и вести беседы на философские темы. Она была истинная меркурианка, властолюбивая и вспыльчивая, за ее улыбкой всегда была спрятана холодность. Она бесстрастно, но изящно могла выносить приговор своего драгоценного мнения, нанося удар партнеру по беседе. Когда пришла Лея, все уже были навеселе и в непринужденной обстановке смотрели на маленьком экране слайды с ее путешествием по Таиланду. Элла любила находиться в центре внимания, комментируя снимки, возбужденная и наполненная воспоминаниями, она покраснела и была неотразима. Лею многие из компании знали, и, познакомившись с новыми друзьями Эллы, она с удовольствием не в первый раз присоединилась к просмотру слайдов. Потом заговорили о книге Михаила Дросина с интригующим названием «Библейский код». Многие уже прочли ее и делились впечатлениями, потому что она приковывала внимание своими доказательствами, влияя на сознание. В

общем, беседа была интересная. Виктор Вергов сокрушался о том, что люди не знают об этой книге, а значит, не осознают в полной мере своего единства с Богом.

— Я не читал, — заговорил седовласый Александр.

Виктор увлеченно стал ему рассказывать:

— Ты представляешь, израильский математик, не помню его фамилии...

— Доктор Эли Рипс, — подсказала Лея.

— Да, да, спасибо, так вот, он открыл, что в еврейской Библии заложен компьютерный код.

— Причем это открытие было проверено в Гарвардском университете и в Пентагоне, все они подтвердили действительность данного факта, — вступил в разговор Григорий. Виктор еще больше распалился:

— Это не фантазия, это научное открытие. В Библии дана подробная информация о каждом человеке на земле. Да, да, об основных событиях жизни, о дате рождения и смерти.

— Вероятно, это и есть та «тайная книга», о которой говорится в Библии, — добавила Лея.

— Наше прошлое известно, и наше будущее предопределено, — заключил Виктор.

— Не будем о грустном, — резюмировала Элла, — я верю в фатальный исход, поэтому отношусь ко всему философски. Лея, ну-ка, что ты прошлый раз говорила о бессмертии, расскажи всем.

Лее не нравилось игривое отношение Эллы к подобным серьезным вопросам, но уж такая была Элла, и Лея терпеливо сносила ее бестактность. Она улыбнулась и сказала:

— Я ничего нового не скажу, можно шутить сколько угодно, тем не менее понятие «бессмертие» существует.

— И как вы это понимаете?— добродушно спросил Виктор. — Как по Библии? Тела встанут из гроба и обретут плоть?

Элла громко рассмеялась:

— Нет, я не так это понимаю. Все дело в человеческой памяти.

— При чем здесь память и бессмертие? — растерянно спросила жена Виктора.

— Извините, Лея, мне действительно интересно, как вам это видится. Пожалуйста, продолжайте, — попросил Виктор.

И Лея продолжала:

— Моя точка зрения по этому вопросу совпадает с теми, кто считает, что бессмертие не имеет ничего общего с вечным существованием в одном и том же теле. Дело все в осознанности. Человек всегда существовал, всегда жил и будет жить вечно, но происходило это неосознанно. Когда он достигнет высокого развития, его память станет целостной и совершенной. Он будет помнить непрерывность своих жизней. Нередко люди помнят свои некоторые воплощения. Это обогащает их жизнь, делает ее более содержательной. Непрерывность сознания дается большим трудом Духа, большой работой души.

— Очень интересно, Лея. Спасибо, — сказал Александр.

— Да, действительно любопытно, — подхватил Виктор.

— О, вы только задавайте ей вопросы на эту тему, она вам такого понараскажет, что вы и не поймете, правда это или фантазии. Она различает принадлежность людей к разным планетам, — шутила Элла.

— Правда? — оживилась чопорная Вера, жена Григория, — мне так интересно, с какой я планеты.

Лея улыбалась, не зная, продолжать ей разговор или нет, но Элла обняла ее и прошептала:

— Посмотри, какие они милые люди, ну расскажи им.

Все засуетились и наперебой стали спрашивать.

— Лея, мне первому ответь, — по-мальчишески потребовал Григорий.

— И мне интересно, и мне, — слышалось с разных сторон.

Они были похожи на мальчишек и девчонок, играющих в интересную игру, и Лея, рассмеявшись, стала рассказывать:

— Каждый человек имеет свой индивидуальный план развития, я думаю, вы об этом знаете, который



запланирован Творцом в Духомонаде Сущности и несет в себе изначально два состояния сознания. То есть является андрогенной с мужским и женским началом. Эта Монада формировалась миллионы лет назад на разных планетах. Потом, пройдя определенные этапы эволюционного развития, Монада уплотнилась, и та часть, что быстрее прошла развитие, пошла на воплощение.

— Не понимаю, — сказала искренне Элла, — так что, в Монаде и мужчина, и женщина?

— Да, — ответила Лея, — два начала, то есть близнецовые пламена. Я думаю, вы знаете, что слово «пламя» означает «жизнь». И когда-нибудь эти близнецовые пламена обязательно встречаются, то есть божественные муж и жена. Две половинки, созданные друг для друга.

— А как же наши мужья, кто они?

— А вот это вы должны знать сами, у душ, которые были созданы вместе, идеальное взаимопонимание, это неувядающая любовь. Не всегда за свою одну жизнь на Земле удастся встретить свою половинку. Нередко любовь близнецовых пламен длится многие воплощения, она как бы отшлифовывается через обстоятельства жизни, чтобы стать той единственной. Об этом можно много говорить, потому что все непросто, часто в зависимости от развития сознания кто-то из двоих может не узнать свою половинку, а это накопление отрицательной кармы. Вероятно, от этого происходят земная тоска и вечный поиск того единственного. Страсть, которую нередко принимаем за любовь, охлаждение отношений, развод и так далее.

— Я не верю в реинкарнацию, я материалистка, — заявила Элла, а Лея села на своего любимого конька, теперь ее было не остановить.

— А я верю, — сказал Виктор, — мне это очень интересно, и я благодарен Лее за то, что сегодня услышал.

— Вера, это труд сознания, это потребность души, — сказала Лея, вставая со стула.

— Но вы же собирались говорить о другом, — не унималась Элла.

— Элла, — обратился к ней Григорий, — наука уже давно занимается этими вопросами, и, не скрою, меня

это очень интересует. Я прошу вас, Лея, если вы не против, давайте продолжим беседу.

— Да, очень интересно, — поддержали мужей жены, — расскажите, пожалуйста.

Элла, чуть смутившись, снисходительно изрекла:

— Да ради Бога, если это вам интересно, слушайте на здоровье.

— Сегодня день рождения Эллы, а мы завели серьезную беседу, может, не стоит?

— Лея, не кокетничай, — игриво ответила Элла, — если мои друзья хотят об этом слушать, я присоединяюсь.

Лее ничего не оставалось, как продолжить разговор:

— Взаимоотношения с близнецовым пламенем могут быть различными на протяжении веков: мать и сын, отец и дочь, брат и сестра, муж и жена. Цель этого — распутать негативные взаимоотношения, наработанные свободной волей, без соблюдения Воли Бога. Веками эти взаимоотношения оттачиваются. Близнецовые пламена всегда притягиваются друг к другу, они или влюбляются, или симпатизируют, в общем, узнают друг друга, но в силу земного характера нарабатывают карму ревностью, обидой, гордыней, местью, нетерпимостью. Чтобы достигнуть Высшей любви, надо трудиться. Великий поэт девятнадцатого века Генри Лонгфелло очень точно передает это своими стихами:

Муж с женой подобен луку,  
Луку с крепкой тетивой;  
Хоть она его сгибает,  
Но сама ему послушна,  
Хоть она его и тянет,  
Но сама с ним неразлучна;  
Порознь оба бесполезны!

Он говорит о единстве семейной пары.

Еще существуют «кармические браки», это трудные браки, когда и вместе жить мучительно, и расстаться невозможно, когда надо выстоять, победить обстоятельства, иначе эти взаимоотношения перейдут в следующее

воплощение, в более трудном сочетании: ненависть отца и дочери, матери и сына и так далее, это, поверьте, непростой разговор. Существует еще понятие «родственных душ», это другое, это притяжение выражается в совпадении точек зрения, взглядов на многие вещи, нередко это объединение в сообщества. Они тоже это чувствуют и работают на Богозамысел.

— Так, друзья мои, — громко и весело проговорила Элла, — а сейчас все танцевать, кто хочет, может смотреть слайды с путешествием по Индии.

Ричард разливал чай и по-хозяйски осматривал стол. Продолжать разговор уже не было необходимостью и Лея, подхватив жену Григория, стала шаловливо подтанцовывать. Григорий смотрел на Лею, а в глазах его читалось ожидание продолжения разговора, но Лея поняла, что больше этого делать не следует.

Элла была довольна, что все снова оживились, и, смеясь, задала очень известную загадку:

— Отгадайте: что на свете всех милее?

Смуглая Инесс громко выкрикнула:

— Любовь!

— Какие еще версии? — смеялась Элла.

— Ребенок, — выпалила жена Григория.

— Нет, нет, нет! — заливалась смехом Элла.

В такие минуты ее южная кровь искрилась и мчалась, словно вихрь, по жилам, занимая окружающее пространство, и присутствующие затихали.

— Лея, ты у нас все знаешь, ну, пожалуйста, тебе и флаг в руки.

Лея чувствовала, что ей пора уходить, поскольку ждала телефонного звонка. Улыбнувшись, она привстала и спокойно ответила:

— Всего милее на свете сон.

Элла разочарованно сказала:

— Верно.

Лея подошла к зеркалу, взяла сумочку и по-английски удалилась. Спускаясь по лестнице, она слышала шум и смех компании, все были навеселе, поэтому ее уход не стал бестактностью.

Она шла домой и думала о том, сколько лет знает Эллу, сколько раз они вместе с Бэром были ее желанными гостями и вели удивительно интересные беседы. Ее не покидала мысль о том, что Элла не понимает, что обладает мощным вампиризмом. Уходя от нее, она всегда чувствовала слабость, но проходило время, и Лея забывала то, что огорчало, и снова встречалась с ней. Она чувствовала, что за вечер было несколько мгновений мощной утечки энергии, это не могло пройти просто так, и она тревожилась, что у нее не хватит энергии для встречи с Имом. Эта тревога тоже была ей ни к чему. Факт, что равновесие нарушено. Теперь нужно время для восстановления. Она дала себе слово, что встречи с Эллой будут еще реже. Эллу раздражало в Лее ее непоколебимая вера в параллельные миры, в существование тонкого мира, тем не менее она интересовалась этим и всегда спорила о том, чего не знала, изматывая Лею.

\*\*\*

Сегодня школа искусств ехала на пикник. Бабье лето улыбалось серебристой паутиной и желтеющими листьями. Солнце светило и еще по-летнему грело. Спортивно одетые преподаватели по очереди входили в огромный автобус. Путь предстоял в лес, поближе к реке. Ехали, пели песни. Лея смотрела в окно на мелькающие еще пышные деревья и думала о том, что, скорее всего, встреча с Имом не состоится. Лея обязана была дисциплинировать себя и любовно, с мягким снисхождением отнестись к слабостям Эллы. Если бы Элла была чужая, то, наверное, так и было бы, но их многое связывало, и Лея всегда прощала Элле недопустимое отношение к себе. Однажды Элла бросила фразу: «Ты прирожденная жертва, ты даже не можешь достойно парировать».

«Милая Элла, если бы ты только была способна понять, но нет, ты все больше и больше отдаляешься от меня. Что ж, надо это принять и быть спокойной. Если я буду удерживать свое смятение, то организм будет не в состоянии распознавать энергии».

Лея переключилась на поющих в автобусе и запела со всеми вместе. Место, где остановились, было чудесным.

С шумом люди выскакивали из автобуса, расстилали на траве коврики, кто-то уже включил магнитофон, кто-то бегал босиком по траве и ручью. Беззаботно и комфортно было на отдыхе. Зеленоглазая Гала работала директором школы. Совсем молоденькая, она обладала теми особыми качествами, которые необходимы для руководителя. Лея знала, что она с Сириуса, но, ощущая ее плотные энергии, никогда не заговаривала с ней на эту тему. Просто они чувствовали притяжение друг к другу, и между ними всегда царило тепло и взаимопонимание. Гала ценила Лею, она чувствовала, что своим присутствием в школе Лея несет особую тональность, необходимую и важную для ее детища. Они были родственными душами.

Лея легла на коврик и стала смотреть на бегущие облака, которые, меняя форму, превращались то в драконов, то в воинов. Ей подумалось: «Сколько же невидимых миров, которые существуют рядом, которые так же живут, развиваются, радуются и ищут истину». Почему-то вспомнилось, как однажды бесследно исчез на четыре года двенадцатилетний Робин по пути на тренировку. А появившись на том же месте и в том же возрасте, стал рассказывать, что с ним произошло. Он поведал, что вдруг вокруг него все стало изменяться, словно растворяться. И он подумал, что у него галлюцинации. Испугавшись, стал звать на помощь, и вокруг него стали появляться красивые здания и люди в необычных одеждах. Мальчик отметил, что на него никто не обращал внимания, кроме девочки, которая подошла к нему и сказала, что она его сестра. Робин растерялся: он видел ее на фотографии дома, но знал, что она давно умерла, когда он был еще маленький. Он сказал: «Ребекка, ты же мертвая». Но девочка ответила: «Мертвых не существует». Она сняла с пальца кольцо и попросила передать родителям, что он и сделал. Родители были потрясены, потому что, когда она умерла, они не хотели снимать с нее это кольцо.

Этот случай потряс всех. Мальчику задавали вопросы о людях, которых он видел, на что он отвечал, что через них можно пройти. Говорил, что видел светящихся существ, которые водили его, показывая невероятную

красоту. Он стал просить их разрешить остаться, но они сказали, что ему еще рано. Кое-что мальчик не мог припомнить, как будто его память кто-то заблокировал. Рассказанное мальчиком привело всех в замешательство. Лея знала о достоверности этих фактов, но как неадекватно реагировали те, кто об этом узнавал! В основном люди не верили.

— Идем играть в волейбол, — позвала Лора, и Лея, освободившись от своих мыслей, легко поднявшись, присоединилась к игре. Перебрасывая мяч, молодые женщины смеялись, вскрикивали, пропуская его, и с шумом искали в кустах, куда он улетал. Лора была с Кассиопеи, и ее бархатные темные глаза всегда выражали доброжелательность. Лея любила пить чай с Лорой во время перерыва в школе. Они всегда мило беседовали, было интересно поговорить о школе Монтессори — школе будущего.

В воздухе пахло шашлыками, которые готовили мужчины, зазывая всех разделить дружескую трапезу... Надышавшись свежим воздухом и насмеявшись вдоволь, с песнями все возвращались обратно.

\*\*\*

Спала тревожно, чувствуя, что организм не готов ко встрече с Имом, что ей будет трудно вместить огненность энергий. Последние дни уплотнили ее вибрации, она ощущала дискомфорт, ей надо было много очищаться, на что требовалось время. С первыми лучами солнца она почувствовала толчок и увидела размытое лицо Има, он что-то говорил ей, она едва уловила: «Успокойся, встреча через неделю». Лея силилась расслышать еще что-то, но сильный электрический разряд окончательно пробудил ее. Она чувствовала слабость и необходимость пополнения энергии, которую даст ей только природа. Лея взяла полотенце и отправилась к морю. Медленно входя в воду, она словно растворялась в ней.

«Вот где можно взять силы», — шептали волны, и ундины ласкали ее тело, расслабляя и наполняя свежестью организм. Лея без движения лежала на волнах и слушала песню моря: «Жизнь — это любовь, любовь — это вечность,

вечность — это любовь. Все — жизнь, все — любовь, все — вечность». Она смотрела на облака, которые бежали по небу, словно люди по жизни, и чувствовала единство всего, что ее окружает. На мгновение она ощутила себя в розовых волнах океана на Сириусе и увидела над собой прекрасного синего орла, который, распахнув крылья, медленно кружил над нею, потом развернулся, сверкая своим оперением, и, набрав высоту, исчез. Лея почувствовала непередаваемую радость, которая, разливаясь в груди, заряжала ее здоровьем, силой и любовью. Ее сердце кричало: «Услышь, Вселенная! Я ЕСМЬ, благодарна!». Нырнув, она послала любовь воде: «Спасибо за ласку, спасибо за силы, которые дали ундины, спасибо, море, за синеву твоих вод». Несколько взмахов руками, и она почувствовала под ногами дно. На берегу подростки строили укрепления из песка, играя в войну. Вокруг были разбросаны бутылки, бумажки из-под конфет, мороженого. Лея набросила халатик, освободила целлофановый кулек, в котором лежало полотенце, и, напевая, стала убирать берег. Подростки перестали играть, наблюдая за Леей, а она, улыбаясь, спросила:

— Ну, и кто победил?

Они переглянулись, а самый маленький из них спросил:

— А вы что, здесь работаете?

— Да нет, просто неприятно, когда грязно.

— А-а-а, — протянул любопытный.

— А тебе приятно играть, когда грязно?

— Не знаю, — пожимая плечами, ответил он, переглядываясь с теми, что постарше.

— Давайте вместе убирать, — пригласила Лея.

— Очень надо, — сказал тот, что постарше, и, встав, зашагал прочь, за ним пошли остальные. Любопытный шел и оглядывался на Лею, которая, улыбаясь, помахала ему рукой. Наполнив кулек до краев, она отнесла его в громадный бак, стоявший в двухстах метрах от нее возле прибрежного кафе. Солнце ярко светило, но грело уже не так сильно, и Лея заторопилась домой.

Всю неделю Лея следила за тем, чтобы ничто не нарушало ее гармонии, чтобы верно реагировать на обстоятельства, которые диктовала жизнь. Настроение было прекрасным, она подготовила детский фестиваль школ искусств города и радовалась, как ребенок, от того красочного и веселого действа, что проходило на открытой сцене центральной улицы города. За это время она вместе с Тиной и Вэлом посетила органнй зал, филармонию, перезванивалась с Риной.

На рассвете ее ждала встреча с Имом. Сердце было наполнено радостью. Лея включила классическую музыку и стала наполнять ее прекрасными картинками воображения. Она видела себя в ниспадающих греческих одеждах, легкий шелк, закрепленный на плечах красивыми украшениями, развевался на ветру, когда она держала в руках золотую цепочку, на которой послушно шел тигр. Она хорошо помнила то время, когда тысячи лет назад в колесницу впрягали не лошадей, а тигров, когда люди мирно существовали с сегодняшними хищниками. Память переносила ее в совершенно разные эпохи, отрывочно, порой бессвязно, но Лея тренировала память и воображение, которые необходимы человеку в земной жизни. Хорошо отдохнув, она открыла глаза с первыми лучами солнца. Проведя ритуал подготовки, после дыхательных упражнений медленно погрузилась в медитацию, овладевая энергиями. Она трудилась над тем, чтобы ее пробужденный дух мог различить столкновение и соединение различных энергий, в результате которых могли появиться новые возможности. Лея знала, что только на Земле можно обновить состав своих энергий, что совсем скоро будут стираться границы между земным и надземным. Своими размышлениями она подготовила тело и свой астрал, который имеет объем и вес, неся в себе особенности земной жизни, ко встрече с Имом. Тело ее завибрировало, и она вошла в канал, ощутив неземную легкость. Навстречу ей шел Им, от него исходил ярко-розовый свет. Изящная одежда, головной убор были украшены гранатом и рубином, в одной руке он держал розовый кварц, в другой — розовый берилл. Им улыбнулся, обнял мать и протянул ей розовый берилл.



— Смотри, не урони этот камень, у нас сегодня чудесное путешествие.

Лея увидела приближающуюся к ним цвета рубина планету.

— Ты узнаешь?

— Да, — ответила Лея, — это наш Сириус.

Стоило ей произнести название планеты, как она увидела идущих навстречу к ним Дэя и Ури, а над ними — парящего синего орла. Лея подняла голову и уже не могла оторвать глаз. Белая голова и хвост выделялись на розовых облаках, а громадные синие крылья медленно и мощно то поднимались вверх, то опускались вниз, заявляя о царской породе. Острые и умные янтарные глаза смотрели с интересом и ожиданием.

«Вот бы полетать на нем!» — мелькнуло в голове у Леи.

В одно мгновение она очутилась на орле, который развернулся и оказался над необъятным розовым океаном. Лея знала: ей ничто не угрожает, но забыла, что мысль мгновенно материализуется, и подумала: «Я хочу, чтобы Им был рядом».

Смеющийся Им пожурил мать:

— Дэя и Ури собирались нас вести на водопады, но твои мысли опередили их действия.

Обнявшись с сыном, Лея смотрела вниз на красоту, которую невозможно было передать словами. Мягкие поблескивающие крылья орла осторожно и быстро направлялись к лесу. Сверху он казался сказочным розово-красно-фиолетовым ковром. Рыжие поля чередовались с розовыми речушками и рельефными светло-кофейными берегами, по которым ходили жители Сириуса, выполняя необходимую работу. Вдали показался необыкновенный город, утопающий в нежно-фиолетовых деревьях и кустарниках, а вокруг белых домов росли сады с причудливыми плодами. Орел словно понял интерес Леи и опустился еще ниже, чтобы она могла рассмотреть их. Одни плоды были нежно-голубые, другие — красные, третьи — горчичные, четвертые — лиловые, синие... Глаза просто разбегались от этих необычных красок сирианской земли. Вдруг орел стал резко набирать

высоту и скорость, пролетев над городом, они оказались в окружении величественных каньонов, посреди которых низвергался громадный водопад. Лея и Им переглянулись.

— Хочешь покататься? — спросил задорно Им переполненную восторгом мать, — тогда крепко держи в руке берилл.

Лея радостно прижала к себе камень, на огромной высоте орел развернулся и осторожно сбросил Лею и Има со спины. Медленно, словно на парашюте, взявшись за руки, они приближались к мощному, искрящемуся на золотом солнце розовыми брызгами водопаду. Лея зажмурила глаза и, мягко сев на воду, полетела с Имом вниз. Она знала, что ее тонкое тело не может ни разбиться, ни утонуть, и это придавало душе бесстрашие. Они катились по водопаду, ощущая невероятную радость. Смеясь и обмениваясь шутками, они продолжали держаться за руки в пене мощно струящихся вод. Наконец сила водопада стала слабеть, и несущие воды плавно доставили их к берегу. Удивлению Леи не было границ, когда на берегу она увидела Дэя, Ури и орла. Дэй подал Лее и Иму пушистые полотенца. Она даже не смогла определить, из чего они. Мягкие и нежные, они вмиг осушили тело. Ури протянул Лее накидку, расшитую золотыми нитями, переливающуюся всеми цветами радуги. Накинув ее на себя, Лея вдруг ясно увидела город Тель-эль-Амарне из белого камня, где они жили с сестрами, отцом-фараоном и матерью Нефертити. Картины жизни, как на киноленте, проносились перед нею, и она со стороны видела странное очертание голов и фигур сестер. Удлиненные черепа, большие уши, высокая талия. Она чувствовала охватывающую ее нежность и любовь к ним. Неожиданно потрясение: она видит огромный белый зал, заполненный жрецами и теми, кто находится неотлучно при правителе. Видит, как один из жрецов протягивает Эхнатону кубок с напитком. Лея точно знает, что это яд, ужас пронзает ее тело, она пытается выбить кубок из его рук, но напрасно, она хочет остановить его, но крик души обжигает ее тело, она видит, как, выпив кубок, отец медленно сползает с трона. Все бросаются к нему. Лея



кричит, ее словно разрывает на части, она пробуждается вся в слезах на своем диване. Сердце не выдерживает нагрузки, бьется так сильно, что она не в состоянии набрать воздух. Задышавшись, она медленно поднялась, резко хватая воздух по системе Стрельниковой. Наполнив себя воздухом, она почувствовала, как горит солнечное сплетение, и ощутила режущую боль в легких. Огненность энергий она вызвала своими эмоциями, и это она могла только констатировать. Постепенно удушье отступило, она была физически ослаблена. Размышляя над своей заземленностью, больше всего боялась навредить Иму.

— Господи, — взмолилась Лея, — прости меня, совсем непросто парить в космических просторах в то время, как тело несет земные обязательства.

Сил встать не хватало, и она тихо и неподвижно пролежала несколько часов.

Рина открыла комнату своим ключом: почувствовав неладное, примчалась. Три дня она не отходила от Леи, а когда та восстановилась, Рина поспешила домой, где за отцом это время смотрели верные ее помощники — соседи Верочка и Петр.

Сегодня Лее предстояло пройти медосмотр. Она шла быстрыми шагами и мысленно планировала поездку на симпозиум. Во-первых, она пока свободна и сможет спокойно отлучиться, потому что, когда появится Им, все ее время будет принадлежать ему. А, во-вторых, не мешает походить по музеям и картинным галереям, подышать воздухом столицы.

Лея вошла в здание с узкими коридорами, которые были заполнены народом. Суета и большие очереди неприятно удивили. Чтобы пройти медосмотр, люди платили немалые деньги, и элементарный комфорт должен был быть обеспечен. Оплатив услуги и заняв очередь в регистратуру, Лея услышала за спиной голос:

— Кто последний?

Лея ответила.

Женщины, стоявшие впереди, начали ссориться, так как вне очереди пропускали коллективы. Лея мысленно поставила защиту. Она видела бордовые ауры негодующих женщин, и ей было не по себе.

— Кто последний? — опять послышался вопрос.

Лея обернулась и удивилась, что женщина, занявшая за ней очередь, не отвечает. Тогда Лея сказала:

— Вот эта женщина.

— Это почему я? Я с утра здесь стою, уже надоело.

Лея видела грязно-зеленые вертикальные линии злобы, исходящие от этой женщины, и, промолчав, стала тихо молиться. Очередь становилась все больше, и недовольных прибывало. Как легко попасть под этот общий психоз, когда нет внимания к людям, когда возле каждого кабинета толпа, где многие норовят пройти без очереди. Кто-то дергал ручку почему-то закрытого туалета, справедливо возмущаясь, кто-то ругал начальство, кто-то поносил тех, кто у власти. Лея сидела на банкетке, плотно сдавленная с двух сторон ожидающими, и наблюдала. Десять процентов из всех присутствующих сохраняли человеческое терпение, но остальные представляли жуткое зрелище. Искаженные чакры (энергетические центры) выбрасывали в воздух бордовые, темные и грязные, спиральные искры, заражая атмосферу гневом, эгоизмом, отчаянием.

Лея рассматривала эти лица, заглядывала в их дома. Перед ее глазами пробежали кадры: как они готовят для семьи обед, сидят над больными детьми, ухаживают за престарелыми родителями. Сердце ее не выдержало боли за них, и она стала посылать им любовь. Она сидела, но ее фантом (двойник) подходил к каждой женщине, обнимая, гладил их натруженные руки, их усталые лица, по-матерински успокаивая и лаская. Вновь вошедшие и занявшие очередь стали снова выяснять отношения, тогда Лея встала и громко сказала:

— Женщины, дорогие, давайте я стану в конце очереди и буду за ней следить, я буду все время крайняя, я подожду.

Женщины стали переглядываться, в глазах у них появилось удивление и сомнение в нормальности Леи. Потом одна женщина засмеялась, и за ней по очереди стали смеяться все. Лея подхватила этот смех, потому что она видела, как происходит алхимия, как светлеют их ауры и как все, что здесь происходит, вполне можно пережить достойно. Потом одна женщина сказала:

— Ой, а я вас знаю, моя дочь училась у вас.

Лея улыбнулась, а поскольку подошла ее очередь на осмотр, извинившись, вошла в кабинет.

Возвращаясь домой, она еще раз посмотрела на лица этих женщин, которые пробежали перед ней, как на киноленте. Она посылала им свет и любовь, радость и спокойствие души. Как же этого не хватает в этой трудной земной жизни!

\*\*\*

Побывав в управлении культуры, потом в фонде культуры решив свои вопросы, Лея направилась к маршрутному такси. Почему она оказалась возле трамвая, совершенно непонятно. «Значит, надо ехать на трамвае», — подумала она, входя в тесный вагон. Люди, продвигаясь, подталкивали друг друга. Кто-то потеснил ее, дотронувшись до спины, и Лея ощутила легкий электрический разряд. Она стояла, не оборачиваясь, чувствуя жжение на спине. Трамвай резко затормозил, и тот, кто стоял за

спиной, оказался рядом. Лея подняла глаза и утонула в сине-зеленых глазах высокого блондина.

— Простите, — сказал он, — тесновато.

Приближалась ее остановка, и она стала продвигаться к выходу. Стоящие впереди женщины, недовольно обсуждая погоду, задерживали выходящих. Странное ощущение встречи озадачило ее. «Я никогда его не видела на своем маршруте», — только и успела подумать Лея, как кто-то за спиной прошептал: «Попалась?». Лея обернулась и увидела Вэла и смеющуюся Тину.

— Он тебя напугал? Вэл, ну что за манера подкрадываться?

Лея, улыбаясь, стала рассказывать о предстоящем симпозиуме в столице.

— И я хочу, — сказала Тина, капризно поглядывая на Вэла.

— Ну езжай, — сказал Вэл.

Тина даже пискнула от удовольствия, но Вэл продолжал:

— Езжай, если я тебе надоел.

Тина подмигнула Лее, давая понять, что ничего не потеряно, что Вэл сдастся.

Простившись, они обещали позвонить друг другу. В подъезде Лея вынула из ящика почту, села в лифт. Войдя в квартиру, она услышала непрерывный звонок телефона. Взяв трубку, услышала голос Тины:

— Итак, когда выезжаем?

Женщины, счастливо рассмеявшись, стали советовать, какие вещи брать на десять дней.

— Я тебя одну не могу отпустить, — беспокоилась Тина, — тебе нельзя поднимать тяжелое, я помогу с чемоданом.

Договорившись и окончательно успокоившись, Лея повесила трубку.

«И все-таки как хорошо, что мы поедем вместе», — подумала она.

\*\*\*

После беседы с молодежью Лея думала о том, как юноши и девушки пытливы, и это поднимало настрое-

ние. Природа одевала деревья осенью, меняя цвет листьев, наряжая их в желто-бордовые цвета. Бабье лето наполняло душу особой тональностью радости, хотелось беззаботно качаться на детских качелях, улыбаться прохожим, бегать босиком по еще теплomu песку и напевать веселые песенки. Она знала, что именно такое настроение прибавляет ей энергии, и старалась поддерживать его. Предстоящая встреча с Имом дополняла комфортное самочувствие. Приготовив пудинг из творога с изюмом и добавив туда банан, Лея поужинала. Включив музыку, вошла в медитацию. Она убирала из головы непрошенные мысли и направляла их на освобождение и покой. Дыхательные упражнения помогли ей достигнуть этого и войти в состояние тех вибраций, которые попадали в канал связи. Им словно вырос перед ней, эта внезапность обострила внимание, и она спросила:

— Что-нибудь не так?

Им улыбнулся, взял руку матери и поднес к ее губам, а потом сказал:

— Сегодня мы встречаемся в последний раз.

Лея забыла об этом и, живя встречами с сыном, не представляла себе разлуки. Она смотрела на него и хотела запомнить его таким. Греческая, золотистого цвета туника, отделанная изумрудами, делала его старше, открытый взгляд взрослого человека, говорил о зрелости духа.

— Сегодня среда, и мне покровительствует Владыка пятого луча. Он разрешил показать тебе Обитель Богоматери,— сказал Им, беря мать за руку. Другой рукой он прижимал к себе кристаллический кварц. Лея ощутила легкость и чувство полета, телепатически приняла текст: «Надо преодолеть межпространственные окна и выйти за сферическую мембрану». На какое-то мгновение у нее закружилась голова, она почувствовала давление и снова легкость полета. Она рассматривала удаляющуюся Луну, оранжевую звезду и... ничего, только тепло бесконечной синевы.

«Куда же мы попали?» — мелькнуло в голове, как вдруг увидела парящий, весь сверкающий хрустальный

храм в готическом стиле. Светящаяся и переливающаяся, словно северное сияние, обитель напоминала фантастического лебедя с распахнутыми, устремляющимися вверх крыльями. Что-то сказочное, от чего замирает душа, и что-то непознаваемое в этом чуде.

— Мы можем войти в обитель, — сказал Им, и Лея увидела, что они оба одеты в белые длинные хитоны и у обоих на левом рукаве золотой орнамент. Она вспомнила, что эта одежда означает принадлежность к планете Сириус.

Им понял мысль матери и улыбнулся. Лея не видела входа в обитель, только бесконечные грани построения, словно перья лебедя, которые сверкали горным хрусталем и манили своей готовностью принять пришельцев.

— Пойдем, — прошептал Им, и, к удивлению Леи, они прошли сквозь сверкающую грань обители. То, что она увидела дальше, не поддается никаким описаниям, это надо было видеть. Огромный зал с величественными колоннами был украшен большими вазами с живыми орхидеями, которые, принимая все оттенки цвета, словно жили своей собственной жизнью. Потолка не было видно, только свисающие, необыкновенной удлиненной формы бесчисленные светильники, которые от свежего ветерка позванивали тем хрустальным звуком, что радует душу. Они шли по переливающейся, словно стекларус, дорожке, и Лея видела, как по обе стороны появлялись, словно картины, лики узнаваемых святых. Она дивилась тому, что, когда они проходили, одни лики исчезали и появлялись другие.

— Кто мог создать такие творения? — вырвалось из груди Леи.

— Это работы неземного художника, — прошептал Им. — Это шедевры возлюбленного Учителя Павла Венецианца, видишь, словно живые люди сопровождают нас по обители.

Лея жадно всматривалась в лица святых, не переставая поражаться Великому искусству художника.

По мере того, как они шли, менялось освещение, белый свет переходил в розовый, и неожиданно они ока-



зались в другом большом зале, колонны которого были обвиты гирляндами из свежих благоухающих роз. Отовсюду слышалось чудесное детское пение. Лея увидела яркий солнечный свет, который пробивался через, казалось прозрачную мозаику потолка, а инкрустированный пол мягко издавал волшебный аккомпанемент детскому пению.

«Кто же поет?» — мелькнула мысль, и Лея увидела совершенно очаровательных детей в возрасте от двух до четырех лет, их было много, они стояли на небольшом возвышении и старательно пели дивную песню. И опять же, совершенно неожиданно на фоне детских голосов зазвучал неземной красоты женский голос. Это была песня звезд и планет, песня космоса и далекой земли, песня Вселенной. Лея не знала, сколько времени продолжалось это дивное пение, но постепенно оно стало тише и закончилось совсем. Она рассматривала этот незабываемый зал и дивилась чудесам, которые свершались вокруг нее. Немного наклонившись, она рассмотрела справа от нее подобие столика и кресла. На столике лежали переливающиеся катушки ниток, изящные ножницы и миниатюрные пальцы. По всему было видно, что здесь кто-то работает, заправленный в пальцы белый шелк... незаконченный рисунок. Это как-то не вязалось с окружающим великолепием, где, казалось, все выполняется по легкому взмаху волшебной палочки. Дети будто не видели Лею и Има, они, ощутив себя без присмотра, перестали петь и стали весело бегать друг за другом. На них были легкие, словно шифоновые, накидочки различных нежнейших цветов, и только тогда, когда один из малышей полетел через зал, Лея увидела ажурные полупрозрачные крылышки и все поняла.

— Так это ангелы, — не отводя от них восхищенных глаз, — прошептала Лея, зачарованная детским смехом, словно переливающимся колокольчиками. Дети резвились, догоняли друг друга, летали и весело смеялись.

Освещение снова стало меняться и перешло в нежно-голубое. Совершенно незаметно они оказались в другом зале, где звучала спокойная органная музыка. Этот зал был выдержан в строгих классических канонах.

Здесь ощущалось геометрическое решение архитектора. Вверху привлекал внимание огромный светящийся диск, который излучал золотой свет, смешиваясь с голубым, он превращался в нежно-изумрудный, а, направляя свои лучи вниз, снова становился нежно-голубым. Инкрустированные неведомым рисунком колонны несли какую-то информацию. По мере того, как Лея с Имом продолжали идти, по обе стороны снова стали появляться лики очень высоких людей, они были в белых одеждах, одни беседовали, другие склонялись над картой мира, третьи напряженно думали. На голубом фоне было видно, как вокруг них пульсирует мягкий белый свет, и чувствовалось, как от этих живых картин исходит благодать.

— Это Учителя Света, о многих ты знаешь. Уже многие люди на Земле слышали об их существовании, — прошептал Им. — Нам пора.

Неожиданно весь зал наполнился ярким светом, Лея зажмурила глаза.

— Смотри, — прошептал Им, — сама Матерь Божья.

Лея, щурясь от ослепительного света, увидела, как по залу во всем белом прошла та, чье сердце излучает прощение и любовь.

— Заступница и хранительница, Святая Матерь Божья, — только и успела прошептать Лея, опускаясь на колени.

Секунда... и они оказались на зеленой лужайке. На Име был тот же белый хитон. Лея обняла его и сказала:

— Я буду ждать нашей встречи.

— И я, — ответил Им, — но помни, моя память будет заблокирована, надо будет все начинать сначала, и ты мне поможешь. Я пошел на воплощение по доброй воле, я хочу принести пользу Земле, ее людям. Береги себя.

Сильный толчок в голову и грудь, сильная тошнота, и Лея почувствовала свое тело. Она лежала на диване и ждала, когда состояние нормализуется. Постепенно она приходила в себя. Перед ее глазами пробежало увиденное, но она знала, что многое будет забываться. Каждый миллиметр памяти дается напряжением воли и неверо-

ятными усилиями организма. Она обняла руками свой живот, улыбнулась и вдруг услышала внутри толчок. «Боже мой, он во мне, какое счастье. Здравствуй, малыш!» И она заснула.

\*\*\*

На симпозиум собрались представители многих стран земного шара. Поднимались самые насущные и неотлагательные вопросы жизни на Земле. Лея не желала ничего упускать, она знала, что этот материал важен для лекций в ее городе.

Говорили о том, что Египет сыграет свою роль в раскрытии сознания Земли. Выступал ученый Дэвид Судзуки. Его доклад назывался «Священное равновесие», он говорил о том, что человечеству потребовались миллиарды лет, чтобы достичь современного уровня сознания, и что все достигнутое может понести непоправимый ущерб, если человечество не изменит критерии ценностей. Говорилось о научно-исследовательском проекте по изучению высокочастотного активного светового излучения, наблюдающегося в верхних слоях атмосферы над полюсами планеты. Говорилось, что эта энергия может быть использована для разрушения, что в районе острова Муреа (близ Таити) было взорвано шесть атомных бомб. Этот акт равносителен изнасилованию Земли. Эти нейтронные бомбы уничтожают жизнь, не нарушая строений.

Напряженная атмосфера симпозиума говорила об неотложности мер, которые должны быть приняты правительствами всех стран земного шара.

Выступали врачи Калифорнийского университета из Лос-Анджелеса, которые говорили о том, что у одного процента населения Земли изменилась ДНК. Пятьдесят пять миллионов детей и взрослых — мутанты, это зарождающаяся новая раса, у которой иммунная система в три тысячи раз сильнее, чем у обычного человека. Приводились примеры исследования больных СПИДом детей, которые через несколько лет не только выживали, но и становились выносливее обычных людей. Ученые задают вопрос: могла ли мутация повлиять на резкое снижение заболеваемости СПИДом? Пока ответа нет.

Лея подняла руку, чтобы задать вопрос, и это мгновенно было замечено.

— У вас вопрос? Пожалуйста.

— Я бы хотела узнать, за счет чего происходит мутация, что по этому поводу думают ученые?

Ответ был дан основательный:

— Наша ДНК содержит шестьдесят четыре кодона, из которых включены двадцать. Остальные инертны. У мутантов включены двадцать четыре кодона. Об этом говорят тщательно проведенные исследования.

Лея вдруг вспомнила слова из Библии: «Конец всех болезней». Все эти сообщения наполняли надеждой, что люди будут «просыпаться» и задумываться: отчего это все происходит?

А происходит это оттого, что человечество запуталось в собственных пороках. Высшие силы прилагают большие усилия, чтобы спасти человечество, но оно не желает услышать, задуматься.

Лея взяла руку Тины, посмотрела на нее и увидела совершенно застывшую от всего услышанного подругу.

— Боже мой, — сказала Тина, — и все-таки, когда-нибудь человечество услышит Высшие силы, да, Лея? Ну ответь, услышат? Ну как услышать?

— Очень даже просто. Нужно слушать свою совесть. Жить по совести — и жизнь преобразится. Выполнять космический «закон ответственности» — и все изменится.

Понимаешь, человек в другом человеке видит чужого, а когда он увидит в другом брата, тогда жизнь на Земле станет прекрасной, я говорю в самом высоком понятии этой мысли. Когда совесть не позволит присваивать чужое, когда совесть не позволит врать, унижать, убивать — вот тогда Высшие силы будут услышаны всеми. Тогда человечеству не будут страшны перегрузки энергетических вибраций, которые придут на Землю, и человечество не погибнет.

На симпозиуме стояло множество важных и актуальных вопросов, которые горячо обсуждались, но сообщение о городе, находящемся под Сфинксом, было очередным потрясением. Подземный город, который мог

вместить десять тысяч человек, как считает г-н Хантер. На границе города расположены храмы из уникального материала. Причем местоположение храмов соответствует расположению звезд в созвездии Ориона.

Лея верила, что, когда эта археологическая находка подтвердится, человечество совершит скачок в продвижении сознания.

В лекции Дэвида Адэра сообщалось о создании металла, который в пятьсот раз прочнее титана, легок, как пена, и прозрачен, как стекло.

Говорилось очень о многом. Вся информация едва уложилась в десять дней.

Чтобы не переутомляться, Лея отказалась от посещения галерей и музеев, ей хотелось сосредоточиться и вобрать в себя все, что она услышит о последних достижениях передовых умов землян.

Тина часто отлучалась с симпозиума, ей надо было навестить друзей, родственников, поэтому она жила в немного другом ритме, принося с собой новости шумного, бурлящего событиями города.

Уезжая из столицы, Лея была переполнена информацией, многое из того, что она слышала, всплывало в ее памяти и от мысли, что эти знания становятся доступны человечеству, рождало в ней особое состояние души.

\*\*\*

— Ты, главное, слушай врачей, — настаивала Тина, удивляясь тому, что улыбающаяся Лея была где-то не здесь.

Зазвонил телефон, и Тина быстро подняла трубку.

— Это ты, Элла? Да нет, еще нет. Все спокойно, не волнуйся, она, как солнышко, все время улыбается, ждет встречи с сыном. Передам, не сомневайся. Хорошо, сразу же сообщу, обещаю.

Тина положила трубку и ласково доложила подруге: «Звонила Элла, волнуется, так сказать, любопытствует. Ну скажи, какое у тебя предчувствие, ну правда, ну скажи, что ты чувствуешь?»

— Я чувствую приподнятость настроения и какую-то завершенность.

— Как это? — удивилась Тина.

— Понимаешь, я счастлива, что выносила его, что следовала всем предписаниям врачей. И теперь осталось не менее важное, завершение — дать жизнь.

Тина вдруг вспомнила, как они с Вэлом рассматривали своего первенца и спорили, на кого он больше похож. У них были сын и дочь — близнецы, которые прекрасно играли на пианино, несмотря на то что им исполнилось по семь лет, а у сына еще имелся прекрасный голос, как у Вэла. Их дети учились в специализированных школах, и они старались уделять им максимум внимания.

— Тина, я очень жду встречи с сыном, это наполняет меня непередаваемым счастьем. Моя мама рассказывала, что она тоже все время улыбалась перед родами и что папу это даже беспокоило.

Тина села за рояль и стала наигрывать спокойную и нежную музыку. Лея вдруг вспомнила своего отца, он был похож на спартанца. Атлетическая фигура и красивое лицо марсианина вызывали восхищение у ее одноклассниц в школе. Он обожал спорт и участвовал в Олимпийских играх. Это он придумал ей имя Лея. Полное имя — Галлея, говорил он с гордостью, это звезда, которая величественно мчится во Вселенной, то обнаруживая себя, то исчезая. «Моя дочь — это мое сердце», — говорил он, и его глаза влажнели. В такие минуты его воинственный характер становился нежным, и он, словно мальчишка, смотрел на свое крохотное чудо, на свою дочурку. Он верил, что его дочь обязательно совершит в жизни что-то значительное, что забавляло маму и друзей.

Отец ушел из земной жизни, и Лея знала, что он удостоен пребывания на планете Орион.

— Все, — сказала Тина, прекращая играть, — ты в порядке, и я спокойно могу удалиться.

Тина сделала еще несколько предупреждений об осторожности и тихо захлопнула дверь.

«Завтра, завтра утром все свершится. До завтра, до встречи», — прошептала Лея и стала погружаться в сон, в котором не должно быть сновидений, в сон воина перед ответственным выступлением войск.

\*\*\*

У Рины был ключ от квартиры Леи, она тихонько проскользнула в дверь, чтобы не разбудить ее, но та сидела на диване и, улыбаясь, шептала: «Господи, прошу тебя, пусть мой сын возьмет лучшее от моего отца». Сама-то она знала, что ребенок дается родителям на сохранение, что дитя рождается Божье и что многое уже запрограммировано Творцом.

Что в дальнейшем земную жизнь человека освещает то силовое поле, которое он способен образовать своей волей. Главное — услышать Божественного Направителя, который общается через нашу совесть, подсказывая нашей интуиции правильное решение.

— Ку-ку, — пошутила Рина, — пора собираться. Я все необходимое приготовила, лодка нас ждет.

Лея улыбнулась, медленно встала и вся отдалась воле Бога и хлопчущей о ней Рине.

— Нам нужно час плыть, чтобы добраться до теплого течения, а там нас встретят они. Одевайся потеплее, твой сын решил родиться в первый день Водолея, тем самым заявив о праве на век Водолея.

Лея улыбнулась и что-то тихонько стала напевать. Море в этот день было спокойным, и подружки, сев в лодку, медленно отчалили от берега. Рина выросла на реке, обожала море, прекрасно плавала и управляла лодкой. Весла в ее маленьких руках были легкими и послушными. Для Леи море было родным домом, она многое помнила, да и мама рассказывала, что до трех лет спала на дне плавательного бассейна, через каждые десять минут всплывая, делая вдох, снова опускалась, продолжая спать. Таких детей было немало. Папа говорил: «Я же говорил, что у меня будет необыкновенная дочка, она будет человеко-дельфином», чем смешил всех друзей. Тем не менее не одобрял решения мамы рожать в море.

Рина спокойно гребла и пела их любимую песню, Лея подпевала. Чайки низко кружили над ними, словно их ожидало интересное событие, они то переговаривались между собой, то, спокойно облепив борта лодки, замолкали, покручивая головками и прислушиваясь, к нежному женскому пению, которое восточкой летело над

водой. Лея почувствовала сильный толчок в живот и медленно сползла на дно лодки.

— Уже подплываем, не волнуйся только, — подбадривала подругу Рина. Не успела она произнести последние слова, как чайки беззвучно покинули борта лодки и Рина увидела мчавшихся к ним трех дельфинов. Приблизившись, они, посвистывая и подпрыгивая, заглядывали на Лею, а потом втроем стали подталкивать лодку, чтобы войти в теплое течение. Рина махала им рукой и радостно смеялась. Достигнув теплого течения, Лея поднялась с помощью Риной, они обе знали, что лучшие акушерки — это дельфины. Один дельфин плотно прижался спиной к лодке, облокотившись на руку Риной, Лея осторожно села, а потом легла на спину дельфина. Рина немного отогнала лодку, теперь она была спокойна. Сбросив с себя одежду и оставшись в купальнике, она нырнула под воду и стала наблюдать, как дельфин опустился вместе с Леей на шестьдесят сантиметров в воду, так, чтобы ее голова оставалась над водой. Второй дельфин следил за Леей, то поддерживал ей голову, то поглаживал по руке и животу. Третий проделывал странные движения, которые напоминали сканирование ее тела сверху вниз. Рина наблюдала за улыбающимся лицом Леи и пыталась быть полезной, но акушерка-дельфин, что непосредственно принимала роды, тихонько шлепнула Рину, и та поняла, что помощи не требуется. Лея рожала без страха и боли, дельфины направляли на нее эхолокацию, и это действовало обезболивающе и расслабляло успокаивая. Когда Рина увидела появляющегося ребенка, бросилась к лодке, чтобы приготовить полотенце и все, чтобы одеть дитя, укутать и положить в приготовленную корзинку. Она знала, что дельфины будут осторожно заканчивать работу с организмом Леи, но не могла оторвать глаз: малыш плавал возле Леи, которая притянула его к себе, улыбаясь и прижимая, разглядывала Божье чудо, которое посылается всему живому. Как только Рина забралась в лодку, дельфин подплыл, бережно держа на спине ребенка, вплотную прижавшись к лодке, словно говоря: мол, мы свое дело сделали, теперь твоя очередь. Рина взяла мальчика, и, пока она его



обтирала, он кричал, не плакал, а просто кричал, потом замолкал, словно прислушиваясь к эху своего голоса. Она обтерла его досуха, запеленала, укутала и положила в корзинку. Малыш притих. Широко открытыми глазами неопределенного цвета он смотрел на небо, бегущие облака, и вдруг на его лице заиграла улыбка.

— Он похож на Лею, — отметила Рина, — а значит, на ее отца.

Два дельфина суетились возле Леи, а потом, когда все закончилось, они подплыли к лодке. Третий же нырнул из воды и лихо проплясал на хвосте, следя за тем, как другие помогали ей забраться в лодку. Лея благодарно гладила их упругие атласные бока и плавники, а они, в свою очередь, нежно поглаживали ее. Когда Лея благополучно оказалась в лодке, Рина обтерла подругу, помогла одеть сухую одежду, укутала ее, поставила рядом с ней корзинку с малышом и начала медленно грести. Два дельфина плыли по бокам, а один сопровождал. Когда Лея посылала им знаки благодарности, они, словно сговорившись протанцевали на хвосте. Лея посылала им воздушные поцелуи, а Рина, положив весла, гладила их прохладные и ласковые тела, которые они так же доверчиво подставляли ей, как Лея свое тело во время родов. Они сопровождали лодку почти до самого берега, подпрыгивая и наблюдая, как та причалила. Они смотрели, как вышла с ребенком Рина, потом Лея, затем, издав специфический свист, резко развернулись и умчались к себе домой, в бескрайнее море. Некоторое время женщины молча смотрели туда, где скрылись эти безмолвные и мудрые «инопланетяне» планеты Земля. Им громко заплакал, Лея прижала его к груди, и они медленно пошли к дому. Дом Леи был похож на громадную скалу из двенадцати этажей, где, словно глаза, окна смотрели на море и дорогу, поджидая своих хозяев.

Рина беспокоилась на кухне, а Лея рассматривала свое золотко. Она умилялась тем, как посапывал его носик, как сдвигал, потом поднимал бровки, как реагировал на то, что видел во сне, и думала, что снова дала жизнь. Сердце переполнялось торжественностью и благодарностью к Творцу.

— Рина, — обратилась она к подруге, — как странно, уже столько лет врач Игорь Чарковский практикует, принимая роды в воде, он принял более двадцати тысяч младенцев, а люди все сомневаются в достоверности этих фактов.

— Тебе было больно? — сочувственно спросила Рина.

— Вполне терпимо, а главное — спокойно и радостно на душе. Я не перестаю восхищаться ими, их интеллект выше, чем у человека, они способны делиться своей энергией, быть может, не без ущерба для себя, — Лея положила ребенка, встала и подошла к маленькой скульптурке дельфина который словно танцевал на гребне волны, точно так, как после принятия ее родов, и сказала: — Мы все связаны друг с другом, мы все необходимы друг другу, — и вдруг заплакала.

— Лея, что такое? Тебе нельзя волноваться, успокойся.

У Леи градом сыпались слезы, и она твердила:

— Если бы все люди поняли, что мы все едины. Единая семья — община всех сознаний, может, тогда бы прекратили убивать их, прекратили этот чудовищный промысел на всей земле. Я помню, много тысяч лет назад ДЕЛЬФИНЫ были могучей цивилизацией.

Им заплакал, и Лея мгновенно обо всем забыла. Взяв ребенка на руки, она начала кормить его и смеяться над тем, как он ловил грудь и улыбался ей.

— Как прекрасны земные радости, как прекрасно жить, — говорило все ее существо.

— Ну, милая, а теперь пора и о земном, — веселым голосом говорила Рина, — давай мне нашего сыночка, а сама подкрепись горяченькими оладушками, давай, давай, твои любимые — из бананов и яблок, и в постель, а то разгулялась.

Лея передала ребенка, обняла подругу, звонко поцеловала ее и сказала:

— Что бы я делала без тебя!

И вдруг они замерли от того, что ребенок залился смехом. Веселым, земным смехом.

— Господи, Лея, это странно, ему же несколько часов.

Они недоуменно смотрели друг на друга, ища ответ, не понимая, к чему бы это, а когда посмотрели на него, он уже крепко спал.

\*\*\*

— Чужие дети быстро растут, — напевала Рина, подбрасывая Има.

Он заливался громким смехом, ему нравилось летать, а она радовалась, что ему весело. Потом она прижала его к себе и прошептала:

— Ты мне не чужой, ты мне родной, помни это, малыш, — и Рина, поддерживая, осторожно поставила его на ножки.

Им, освобождаясь, отвел ее руки в стороны и медленно, словно балансируя, пошел. Лея выронила из рук его одеяльце, а Рина опустила на стул. Потрясение было сильным: шесть месяцев, такая крошка — и потопал ножками.

Им подошел к матери, и словно играясь, стал тянуть одеяльце, лепеча:

— Дай, дай, дай.

Лея, протягивая одеяльце, подняла его на руки, поцелуями личико, а Рина приговаривала:

— Вот это да...

Накормив и уложив малыша спать, подруги пережили радость взросления мальчика.

— Глаз с него не спускай, — тревожилась Рина, — может, у него ДНК измененная, а?

Лея задумалась, а потом прошептала:

— Вряд ли, но то, что он будет развиваться быстрее, — факт.

Рина забеспокоилась:

— Только не отдавай его в сад, когда подрастет.

Лея засмеялась и ответила:

— Не торопи события. До трех лет я с него глаз не отведу, а там будет видно.

Наговорившись вдоволь, Рина стала собираться. Первый месяц лета радовал прохладой, и Рина налегке, с сумочкой через плечо, поцеловав Лею, захлопнула дверь.

«Мой мальчик растет не по дням, а по часам», — подумала, улыбаясь, Лея и прилегла. Казалось, она не спала, находясь в легкой дреме, и ясное видение четко формировало эпизод: она видит Има, ему три или четыре года, он говорит:

— Мне страшно.

— Почему? — спрашивает Лея.

— Они меня не любят.

— Кто, сыночек?

— Люди.

— Ну что ты, золотко мое, они тебя любят.

— Они принесут мне боль.

Лея словно очнулась, глаза ее были полны слез. Она смотрела на своего малыша и пыталась отогнать плохие мысли, она знала: нельзя поддаваться. Силы тьмы запугивали ее, а силы Света призывали распознавать, спокойно и разумно реагировать на обстоятельства.

\*\*\*

Лея хлопала ладошками в такт музыке, а Им смешно танцевал, его ножки плотно стояли на земле, а ручки и попка смешно ходили из стороны в сторону, что веселило подруг. Элла просто заходила от смеха. Тина прищелкивала языком, а Вэл говорил смеясь:

— Ну ты только посмотри на него, это надо же, а? Он себя не утруждает, а иллюзия экзотического танца. Слушай, Лея, это сколько ему?

— Будет полтора годика.

Вдруг Им остановился и спокойно сказал:

— Тихо, мне весело.

Лицо Вэла вытянулось, и он, ошеломленный, пробормотал:

— Это он сказал или мне послышалось?

Лея и сама замерла, она вдруг вспомнила, что иногда, когда укладывала его спать рядом с собой на дневной сон, он очень по-взрослому смотрел на нее, а потом у него вырывалось: «Ой!».

В этом «ой» была щемящая тоска, Лея спрашивала:

— Золотко мое, у тебя что-то болит?

Он начинал вдруг смеяться и нежно похлопывать мать по щекам, будто ничего и не было, он словно сразу забывал, когда на это обращалось внимание.

Вэл сидел слегка обалдевший и как-то странно смотрел на Има, а тот как ни в чем не бывало забирался к нему на колени.

— Ты что, вундеркинд?— спросил шутя Вэл.

Им посмотрел на него и прошептал:

— Да.

Это оказалось сверх всего, что можно было ожидать, не сговариваясь, все громко рассмеялись. Им вздрогнул, потом посмотрел на каждого в отдельности и тихо заплакал. Лея бросилась к сыну, но плач становился все громче, превращаясь в рев. Лея испугалась, все, переглядываясь, старались с ним заговорить.

— Имочка, — сюсюкал Вэл, — разве мы тебя обидели?

— Мы тебя любим, — продолжала Элла, но мальчик кричал все громче, и гости были вынуждены уйти.

Лея встревожилась не на шутку. Он рос как обычный ребенок, правда, очень любил рисовать. Лея доставала ему мелки и карандаши, тщательно следя за тем, что он рисовал. Ничего особенного не наблюдалось.

«Что с ним?» — пыталась разгадать Лея. Она ласкала его, успокаивала, гладила волосики, напевала песенку. Ничего не помогало. Тогда она стала корчить ему смешные мордочки. Им сначала смотрел, потом так же неожиданно залился счастливым смехом, словно ничего не произошло.

— Хочешь банан? — спросила Лея.

— Хочу, — ответил Им. Потом он слез с рук матери и побежал к столу с фруктами, залез на стул и благополучно добрался до банана. На стуле он снова стал пританцовывать, веселя мать, но ее мысли были далеко.

«Боже мой, — думалось ей, — у него такая подвижная нервная система, как уберечь его? Матерь Божья, спаси и сохрани мое дитя! Господи, помоги!»

\*\*\*

Время шло. Осень сменилась зимой, потом весной, летом и снова осенью. На улице шел проливной дождь.

— Под этот дождь хочется слушать всякие истории, сказки. Хочешь, я тебе расскажу? — ласково спросила Лея, укладывая Има.

— Хочу, хочу.

Лея прилегла возле сына и начала рассказывать то, о чем он любил слушать: в некотором лесном царстве, в некотором лесном государстве жил маленький гномик по имени Колокольчик.

— Почему? — удивился Им.

— Потому что он носил шапочку с колокольчиком.

— Мама, а колокольчик тихо звенит? Чуть, чуть, да?

— Да, а откуда ты знаешь? Ты слышал, как он звенит?

— Слышал.

— Интересно, Расскажи, когда это было?

— Тогда, когда ты читала в сквере, я искал гномика, слышал, как звенит его шапочка, а поймать никак не мог.

— Ну так слушай, однажды гномик подошел к ручейку и увидел красавицу ундину, которая капелькой лежала на упавшей в воду веточке. Она грелась на солнышке, напевала песенку и смотрела в небо, которое отражалось в ней своей голубизной. «Ах, какие красивые глаза у нее!» — воскликнул гномик, звеня колокольчиком, капелька испугалась и упала в воду. С тех пор возле этого ручейка всегда ходит гномик, позванивая своим колокольчиком, и ищет ундину Голубоглазку.

— А-а-а, так он гуляет возле ручейка, а я его в сквере искал... Мамочка, а саламандры правда улыбаются?

— Да, сыночек, улыбаются.

— Мамочка, а зимой они прячутся?

— Нет, сыночек, они поднимаются в более высокие слои воздуха, где тепло, поближе к солнышку. Они родились на солнышке, и солнышко — их мама.

— А эльфы тоже улетают?

— Да, эльфы улетают в теплые страны, потому что они любят играть с цветами. Когда дует осенний ветер, он подхватывает эльфов и уносит в жаркие страны.

— А тебе понравилось, как я нарисовал эльфов?

— Очень, но почему они такие грустные?

— Мама, а почему у меня нет папы, а у всех есть?

Этого вопроса Лея никак не ожидала, она почувствовала боль в груди и на телепатическом уровне услышала подсказку:

— А он уехал учиться очень далеко.

— А он приедет?

— Конечно, обязательно. Спи, мое золотко, спи, завтра будет новый день. Опять взойдет солнышко, а если не будет солнышка, значит, оно спряталось, чтобы поиграть с нами. Ну все, спим? Идем в твою кровать.

Им сонно потянулся и пошлепал в детскую.

— Не уходи, — прошептал он и заснул.

\*\*\*

Лея обложила себя книгами — она писала лекцию. Им рядом играл с ее книгами и тетрадями, листая и рассматривая картинки. Лея посмотрела на часы и поняла, что ребенок уже подустал и что надо посвятить время ему. Она встала, взяла его за ручку и повела на балкон. В открытые окна балкона дул легкий ветерок, и Лея поставила Има на стул. Апрельские листочки, акварельно-зеленые, нежно шелестели, донося аромат весны. Им открыл ротик и жадно вдыхал эту свежесть.

— Сыночек, дыши через носик, еще не такой теплый воздух, помнишь, как ты болел?

Им крутил головкой и смеялся, он нелегко перенес зиму: на него влияло все — и перепады давления, и большая влажность, он много капризничал, а весна его радовала, как и Лею. В свои почти четыре годика он был рослый, но худенький.

— Тебе нравятся? — спросила Лея, показывая на свежие листочки деревьев.

— Да, — ответил он, — прямо как во сне.

— А ты давно не рассказывал мне своих снов, ну-ка, расскажи, солнышко мое.

— Ко мне приходил Друнвало с двумя розовыми ангелами.

— Как интересно, расскажи, о чем они с тобой говорили?

— Они говорили, чтобы я скорее рос, что они меня будут учить.

— Скажи, сынок, а Друнвало — это мальчик?

— Что ты, мама, он большой, как ты. Он пишет книги, которые ты читаешь.

Лея замерла, Друнвало Мельхиседек — это крупный американский физик, исследователь, его работы потрясающе. Им громко вздохнул.

— Тебя что-то тревожит?

— Да нет, просто я почему-то не расту.

— Что ты, ты выше своих ровесников, но если ты будешь хорошо кушать, то расти станешь быстрее.

— Тогда пойдем скорее на кухню.

Накормив Има, Лея захотела, чтобы он побыл на воздухе. Она одела его и отвела в песочницу, где он любил играть, сооружая странные крепости и рассказывая о них детям. Сама поднялась к себе, подвинула балконный столик вплотную к окну, продолжила работу, поглядывая за Имом. Не успела она написать и страницу, как услышала крик и увидела драку. Лея бросилась к лифту и, выскочив на улицу, подошла к песочнице. За это время собрались молодые женщины, охраняющие своих чад. Они громко возмущались:

— Он всегда врет, куда смотрит мать, — подергивала плечами одна из соседок с первого этажа.

— А ты развесил уши, — прошипела мать Илюши и дала ему внушительный подзатыльник, тот, в свою очередь, заорал что есть мочи.

Лее казалось, что дети ладят, и она, не понимая, что происходит, спросила:

— В чем дело?

Женщины пренебрежительно молчали, а мальчик постарше ответил:

— Я сказал, что видел пузатого дядьку, Мишка сказал, что видел пузатую тетку, а ваш Им сказал, что видел ангела.

— Ну и что? — спросила Лея.

— Пусть не морочит детям голову, — раздраженно возмущалась мать Миши, извергая грязно-зеленую энергию.



— Успокойтесь, женщины, он не врет. Ангелы действительно есть.

Присутствующие переглянулись, кто-то сказал:

— Яблоко от яблоньки далеко не падает.

Забрав своих детей, они, недовольные таким сообщением, гордо удалились. А Лея, обняв сына, предложила ему прогуляться по их любимому скверу.

— Мама, а почему они не верят? Почему сердятся?

— Потому что они их не видели, вот и не верят, но ты не обижайся на них, хорошо? Когда к ним придут ангелы, тогда они поверят, и вам будет о чем поговорить.

Солнце играло своими лучами в деревьях, на лицах прохожих, создавая особенное, весеннее настроение, и Им стал весело гоняться за появившейся так рано бабочкой. От прошлого огорчения не осталось следа, домой они возвращались отдохнувшие, в хорошем настроении.

\*\*\*

Лея волновалась: она не знала, где искать Има. У соседей его не было, среди детей тоже, и она отправилась в сквер. К ее удивлению, Им сидел на руках какого-то мужчины и громко смеялся. Она остановилась, наблюдая эту картину. Когда Им увидел мать, он прыгнул с колен мужчины и, радостно шагая ей навстречу, торопливо зашептал:

— Мамочка, мамочка, это мой друг, познакомься.

Мужчина встал, пристально посмотрел на Лею, и она почувствовала легкий электрический разряд в груди. Она вдруг узнала этого мужчину. Его большие сине-зеленые глаза, чуть прищурившись, доброжелательно смотрели на нее. Он протянул руку и сказал улыбаясь:

— Друг вашего сына Святослав, можно Слав.

Речь, светлые волосы, волевой подбородок, высокая изящная фигура говорили о гармоничности этого человека. Лея не готова была к этой встрече.

— Это вы? — забыв протянуть ему руку, смущенно сказала она. — Галлея, можно Лея, простите, я очень волновалась из-за Има.

Слав подал руку Иму:

— Ну, до встречи?

— Нет, нет, мамочка, я пригласил Слава к нам в гости. Разреши, пожалуйста. Мы угостим его яблоками с корицей.

Лея смотрела то на Святослава, то на Има и не знала, как на это реагировать. Слав пришел на помощь:

— Ты знаешь, Им, я совсем забыл, что обещал сделать очень важное дело, вот, возьми мой телефон, — и Слав протянул Ему свою визитку. — Позвони вечером и расскажи о своих делах. Хорошо?

— Хорошо, я позвоню, — сказал Им и протянул к нему руки. Слав обнял его, прижав к себе. Потом взял его ладони в свои, ласково посмотрел в глаза и произнес:

— До встречи.

Он слегка поклонился Лее и спокойно пошел по аллее.

— Ты давно его знаешь? — спросила Лея.

— Давно.

— Где ты с ним познакомился?

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Ну мамочка, я хочу кушать, дай мне тебя обнять.

Лея наклонилась, и он обнял ее, прижался к ней, и она заторопилась домой. Ей показалось, что между нею и сыном появилось невидимое присутствие Слава.

\*\*\*

Лея рассматривала незнакомый почерк на конверте и никак не могла определить, кому он принадлежит. Надорвав конверт и вынув листок, она прочла: «Малыш, я уехал учиться за границу. Буду писать. Вернусь к тебе, непременно жди. Любящий тебя Святослав».

Она не могла вместить в себя эту доверительность, которую позволил себе Слав с ее сыном, будто она ни при чем, будто ее вовсе нет. Но, спокойно подумав, она решила, что, может, и хорошо, что у Има есть друг, которого он принял, полюбил. Главное, чтобы малыш был счастлив от общения с этим человеком.

Лея открыла дверь и, пройдя прихожую, увидела рисующего сына. Он старательно вырисовывал какую-то

планету, наделяя ее ярко-голубой травой и деревьями, необыкновенным прозрачно-лазурным небом с нежно-зелеными облаками и морем, летающими фантастическими с золотым и белым оперением птицами. Лея залюбовалась рисунком.

— Нравится, мамочка?

— Очень, ты молодец, а что это за планета?

— Мамочка, неужели не узнаешь? Это же Венера.

Лея села рядом с сыном и попросила рассказать об этой планете.

— Я нарисую животных и людей, эту планету любят кумары.

Лею снова словно кипятком обдало: она знала, что планету Венера посещают Великие Сущности Владычица Венера и Санат Кумара с легионами кумар, и она спросила:

— А что ты о них знаешь?

— А что у тебя в руке, письмо? — Им резко переключил внимание, и Лея, вспомнив о письме, сказала:

— Я принесла тебе радость, письмо от Слава.

Им изменился в лице, взяв его в руки. В свои пять лет он бегло читал и, пробежав глазами по конверту, прошептал:

— Я сам, хорошо?

— Хорошо, — ответила она, наблюдая за ним и пытаясь понять, что за невидимая нить между Имом и Славом, почему он забывает обо всем, если что-то касается Слава? Она чувствовала себя в их отношениях лишней.

Когда месяц назад Им оставил записку, что ушел со Славом гулять, Лея не понимала, почему Слав избегает ее. Ну да ладно, по всему видно, что он светлый человек, пусть дружат.

Прочитав записку, Им стал прыгать, громко выкрикивая:

— Я буду ждать Слава, он ко мне вернется.

Так же неожиданно он стал горько плакать. Эти резкие перемены настроения тревожили ее и говорили о напряженной внутренней жизни сына, поэтому Лея всегда старалась быть рядом. Тем не менее она приучала

его оставаться дома одного, учила, как интересно заполнять время, занималась с ним упражнениями на внимание и воображение, и он отлично с этим справлялся. Ему нравилось листать ее книги, задавать вопросы, а иногда просил читать их вслух. Через какое-то время, позабыв обо всем, бегал с мальчишками во дворе, играя в обычные детские игры. Почему письмо Слава, принеся радость, одновременно вызвало горькие слезы?

— Ну объясни, сынок, что у тебя на душе?

Им посмотрел на Лею, обнял ее и серьезно спросил:

— Почему он не живет с нами?

— Кто? — не поняла Лея.

— Слав.

Лея растерялась и автоматически проговорила:

— Вот он вернется, и мы будем все вместе.

Удовлетворенный ответом, он тут же переключился на свой рисунок:

— Видишь, синий лес, там растут синие деревья, но синева не такая... как тебе объяснить, ну, в общем, бездонная.

Лея рассмеялась: ну и сравнение, синева, да еще и бездонная, и вдруг замерла, подумав: а ведь синева может быть бездонной, влекущей, захватывающей. Передать цвета других планет невозможно, есть в них что-то непередаваемое, и малыш это видит. Она обняла сына и сказала, что он молодец и что он ее гордость. Им выскользнул из рук матери и стал быстро рисовать. Сначала правый глаз с округлой закручивающейся вверх бровью, потом рядом круг, и снова глаз, только левый, с такой же бровью. Лея замерла, зная, что это мистическое обозначение семьи. Правый глаз — мужчина, круг — ребенок, и левый глаз — женское начало. Но откуда? Она смотрела на него, ожидая объяснения, но он сказал:

— Вот этим все сказано, — и залился счастливым смехом.

Лея не знала, как и о чем с ним говорить, она боялась загрузить его своими расспросами. Эту ночь она не могла спать... Ее не покидала мысль, что Им для нее, матери, загадка, что она ни с кем не сможет об этом го-

ворить. Она боялась что-то упустить, тревожилась, что часто оставляла его одного, может быть, нужно неотступно быть при нем. Боже мой, неужели его память многое сохранила? Откуда эти знаки, которые он нарисовал? Их можно только помнить. Даже если он видел картинки храмов в ее книгах, то все равно слишком точно их применил, не по-детски. Он растет, и новые вопросы мучают Лею: как не упустить что-то важное, где ее помощь необходима? И она обратилась к молитве:

Храни, храни, храни нас!  
Молнией Любви!  
Храни, храни, храни нас!  
Твоим Великим Я!  
Храни, храни, храни нас!  
Силой Света тайной!  
Храни, храни, храни нас!  
Мощью великой и славной!  
И в алмазном сердце Света  
Опечатай нас навеки!

\*\*\*

Яркое солнце слепило глаза. Сегодня Лея с Имом решили покататься на пароходике.

— Мама, помнишь, как я пароход называл «пахолек», а воду — «тип-ти», помнишь, ну, когда был маленьким?

— Конечно помню, а самолет как называл?

— «Вавовок», — и они дружно рассмеялись.

Удобно устроившись на корме, они смотрели на пену, бурлящую из-под парохода. Им пристально смотрел на завихрения воды, потом нахмурился и изрек:

— Настоящие торсионные поля.

Рядом стоящий мужчина поднял брови и оловянными глазами уставился на Има. Лея это заметила и подумала: «Не может быть, чтобы он соображал, о чем говорит».

Мужчина внимательно рассматривал Има, а потом, встретившись взглядом с Леей, спросил:

— Это ваш сын?

— Мой, — не зная, о чем говорить дальше, ответила она.

— Я физик, наверное, у вас семья физиков или математиков, иначе откуда бы ваш мальчик мог слышать о торсионных полях, а, малыш?

Им посмотрел на мужчину и стал ему объяснять, что торсионные поля — как завихрения воды, точно такие же завихрения воздуха находятся над головой человека. Мужчина закашлялся будто проглотил что-то, а потом выдавил из себя:

— Ты даже это знаешь?

— Да, — ответил Им. — Человек — это энергосистема саморегулирующая.

Мужчина подошел к Лее вплотную и тихо шепнул:

— Он на учете?

— Каком? — испугалась Лея.

— Ну, одаренных детей. Это надо развивать, дайте ваш адрес.

— Нет, нет, извините, ему только шесть лет, он перерастет.

— Мама, я хочу к капитану парохода, попроси разрешения поддержать руль.

Лея с готовностью взяла сына за руку и, извинившись, повела наверх, где любезный капитан разрешил ему покрутить руль. Она снова видела ребенка, который смеялся от удовольствия, держась за речную баранку.

— Тебе нравится?

— Очень, ты сможешь сделать такое колесо? Я буду управлять дома кораблем.

— Конечно, конечно, мое золотко. — Перед ней снова был шестилетний малыш, которому не терпелось играть.

Приехав домой, Лея попыталась заговорить с ним насчет торсионных полей, но он сказал, что устал и хочет смотреть мультики. И слава Богу, думалось, память, как вспышка, приходит к нему. Просто поразительно, что потом он не продолжил об этом разговор, и вдруг она услышала:

— Мам, а радуга имеет семь цветов?

— Да.

— А ты думала, почему гамма из семи нот?

Им уже играл на пианино и разбирал ноты.

Он сам себе ответил:

— Число семь — космическое, это ключ.

И снова Лея не спала, и снова она молила о помощи у Бога. Что делать? Продолжать эти разговоры или ждать, когда подрастет? Как поступить верно, она не знала, а знаков никаких не было.

\*\*\*

Приехала Рина, и Лея, оставив Има с нею, пошла навестить Иветту. Одно время Ветта была нездорова, а Им забирал все свободное время, и провести подругу никак не получалось. Ветта была врач, после того как внезапно ушел из жизни ее муж, она заболела, по-видимому от тоски, о чем старалась не говорить. Ветта была с планеты Кассиопея, немного скрытная красавица. Светлые волосы, нежное выражение голубых глаз делали ее похожей на фею. Речь ее была спокойная, независимо от внутреннего состояния. У нее были две дочурки — прелестные девочки. Когда Лея пришла, они наперебой рассказывали новости, и младшая, которой исполнилось семь лет, заявила, что выйдет замуж только за принца африканского. Пили чай, болтали. Лея пришла к Ветте, потому что тревожилась о ней, о ее здоровье. «Ах, Лея, как ты прибавляешь мне силы, я просто оживаю, мне так хорошо с тобой и весело».

Лее хотелось подбодрить подругу, она старалась открыть многие причины ее недомогания. Рассказывала о законах космоса, о силе мысли. Нелегко остаться с двумя малышками. Нагостившись, Лея заторопилась.

Лея шла по центральной улице, на которой жила Ветта, разглядывая рекламу и прохожих, свернула к трамваю. Было еще светло, и Лея почувствовала, что кто-то идет рядом, она инстинктивно пошла медленнее, чтобы идущий за спиной обогнал ее. Чуть приостановилась и, почувствовав электрический разряд, обернулась. На нее смотрели ярко-васильковые глаза Слава. Он не улыбался, а просто смотрел на нее. Она заскочила в трамвай и поехала. В голове мелькали мысли: почему не поздоровались? что мешает их общению? почему легкое недоумение при встрече? почему он прислал письмо,

зачем эта ложь? Она отодвигала мысли о нем. Но в голове крутилось: может быть, она просто мать ребенка, которого он полюбил? Лея ждала подсказки, но ее и здесь не было. Значит, кармически надо что-то распутать. Ну, Бог с ним, как будет, так и будет — подумала она и вышла из трамвая.

Свежий ветерок выветрил из нее эти мысли, и она, довольная и отдохнувшая, вернулась домой. Рина встретила Лею словами:

— Тихо, Им заснул. Что я тебе расскажу!

Помыв руки, Лея стала лакомиться фруктовым салатом, который совершенно потрясюще могла готовить Рина, и между прочим бросила:

— Ну, рассказывай, что на этот раз изрекло мое чадо.

— Скажи, ты что-либо говорила ему о Силах Света?

— Да, конечно, он знает об этом, ну и что? Об этом должны знать все люди с самого нежного возраста.

— Так вот, милая, весь вечер он рассказывал, как встретился с архангелом Михаилом. Представляешь, я у него нарочно спрашиваю: а кто это? Он посмотрел на меня удивленно, даже с досадой, и сказал: «Как? Рина, ты же такая большая и не знаешь? Да о нем знают все. Архангел Михаил руководит всеми ангелами, которые охраняют и защищают детей. Он наблюдает, как человек растет и умнеет». Нет, ты представляешь? Я потрясена, у меня нет слов. Я ему говорю: «А ты его видел?». А он мне: «Да, я его часто вижу, он благословляет меня, когда я засыпаю». А я ему: мол, какой он? Им не мигая говорит: «Высокий в синем блестящем плаще. У него в руках голубой меч, которым он отгоняет от меня темные силы».

Лея, ты представляешь, малыш под наблюдением и защитой. Господи, самое опасное для него — это сильные потрясения.

— Знаю, но не могу же я изолировать его от мира. Меня тревожит слишком подвижная нервная система, хотя неврастении как таковой у него нет. Он спокойный, может подолгу рисовать, читать, рассматривать картинки, слушать.



— Никуда не отпускай его от себя.

— Легко сказать, не отпускай. А в школу осенью? — раздумывая, говорила Лея.

— Боюсь я, дети не поймут своего ровесника. Они увидят, что он отличается от них, и не простят.

Глаза Леи наполнились слезами:

— Знаю, милая, знаю, но что я могу изменить? От школы не уйдешь.

— Да-а-а, — протянула Рина, — школа внесет свои коррективы, это точно.

— Ничего, я заранее познакомлюсь с учительницей, поговорю, а там пускай идет так, как должно идти. Чему быть, того не миновать.

— Да-а-а, — снова протянула Рина. — Давай ложиться спать, рано уеду. Будить не буду, но, не скрою, Им задал мне крепкую загадку. Как он быстро развивается!

Лея обняла подругу и доверительно поделилась своими мыслями:

— Ты знаешь, я пыталась ему рассказать о путешествиях на Сириус, он ничего не помнит, даже не заинтересовался. Ну да ладно, давай спать, спокойной ночи. — Лея поднялась, чмокнула подругу в щеку и скрылась за дверью. На цыпочках она подошла к сыну, поправила съехавшее с его плечиков одеяло. Ей хотелось посидеть с ним, но он зашевелился, и она, не желая прерывать его сон, вышла.

\*\*\*

— Мама, а почему листочки падают с деревьев?

— Потому что они умирают.

— Что значит «умирают»?

— Это значит, что они переходят в другое состояние.

— Как это, расскажи, мам.

— Листочек рос, развивался и вырос, потом состарился и упал. Он как бы сбросил свое тело. Это тело листочка упало на землю, листочек стал меняться, то есть перегнивать и смешиваться с землей. Но та энергия, которая была потрачена на то, чтобы листочек рос, осталась, и, когда наступит весна, этот листочек снова вырастет.

— А он помнит, как состарился?

— Нет, сынок, не помнит, он же будет маленький, когда родится, и ему придется пройти весь путь, который прошел старый листочек

— Какой путь?

— Сначала быть совсем малюсеньким, потом подрасти и стать побольше, почувствовать, как дует ветер, идет дождь, ласково греет солнышко, порадоваться жизни и постепенно состариться.

— Понял. А люди? У них по-другому?

— Нет, золотко мое, у людей так же.

— А ты помнишь, как ты была старенькой?

— Нет, сыночек, я помню, как я была маленькой.

— Мам, а у тебя есть белое платье, такое длинное, а на рукаве красивая золотая вышивка?

Лея замерла:

— У меня было такое платье, а что, детка, ты еще помнишь?

— Я помню дельфинов, они меня катали. Я так смеялась, а Рина была в лодке и тоже смеялась.

— А что ты еще помнишь?

— Помню, что у меня был папа. Я знаю, что он есть.

У Леи сжалось сердце, она вспомнила звонок Ветты, которая еще год назад сообщила ей о том, что Бэр уехал то ли в Америку, то ли в Канаду. Лея в то время была с Имом в Болгарии на Золотых песках, она заботилась о том, чтобы поправить здоровье своего мальчика и показать ему красоту другого моря. Это сообщение ее не удивило, она умела отрезать прошлое во имя будущего. В ее жизни был только сын и все, что связано с ним. Ее успокаивало то, что Им никогда его не видел и ничего о нем не знает. Значит, так надо, думалось ей. Но разговор на эту тему серьезно выбивал ее из привычного ритма жизни и тревожил. Лея постаралась перевести разговор и спросила:

— А ты не хочешь повидаться с девочками тети Ветты, помнишь, как вы весело играли в саду?

— Помню, мы играли в города.

— Пойдем к ним в гости?

— Пойдем и купим девочкам шоколадный торт, хорошо?

— Хорошо, хорошо, хитрец, ты его любишь еще больше, чем девочки.

Они оба рассмеялись, и Им бросился переодевать рубашку, в которой любил ходить в гости.

— Им, не забудь курточку.

Лея, успокоившись тоже принарядилась, и они, довольные предстоящей встречей с этой милой семьей, захлопнули дверь и спустились на лифте.

На улице пахло весной, Им подошел к кустарнику, потрогал листочки и сказал:

— Теперь я про вас все знаю.

\*\*\*

Первый день школы преобразил Има. Первый звонок подействовал на него волшебным образом. На следующий день утром он аккуратно складывал портфель с книгами и тетрадями, чувствуя себя взрослым.

— Тебе понравились дети?

— Да, очень. Какая учительница, как я счастлив!

Лея рассмеялась от его взрослых слов и продолжала:

— Ну, а что вы делали в первый день?

— Мы придумывали рассказ об осени. Я рассказал о листочке, который упал с дерева, ну, помнишь наш разговор?

— Конечно. И что учительница?

— Она меня похвалила, а когда мой новый друг Олег рассказал мне на перемене, что видел ночью домового, то я сказал ему, чтобы он с ним подружился. Он рассказывал, что он пушистый, как чебурашка, а я придумал ему имя — Хома.

— А он что?

— Он был очень доволен.

— Я очень рада, что у тебя появился друг, с которым тебе интересно.

— Мама, а ангел Михаил сидел на моей парте. Я Олегу говорю: познакомься, а он мне говорит: с кем? А я говорю: с ангелом всех детей, он с нами, видишь? А Олег говорит: ну где? А я ему говорю: да вот он. А

Олег говорит: а-а-а, и мы смеялись, и архангел смеялся. Он нас любит.

— Сыночек, а может, не надо рассказывать детям о том, что ты видишь ангела?

— Нет, мамочка, архангел Михаил не только мой, он защитник всех. Он ангел-хранитель.

— А ты забыл историю в песочнице? Помнишь?

— Да они были маленькие и ничего не понимали

— Хорошо, а учительница слышала этот разговор?

— Да, она сказала, чтобы ты обязательно с ней встретишься, только не сегодня. Сегодня она занята.

\*\*\*

И снова бессонная ночь, и снова мысли: Им другой, он не такой ребенок, как те, среди которых ему жить. Помоги, Боже, его вырастить. Утром она отвела его в школу и отправилась на лекцию, а затем пораньше вернулась, чтобы переговорить с учительницей.

Шел урок физкультуры, дети играли на площадке, а учительница наблюдала за ними. Она была среднего возраста, с удивительными серо-зелеными глазами, которые Лея не рассмотрела в первую встречу. Заметив Лею, она улыбнулась, и пошла навстречу.

— Давайте присядем на эту скамеечку, — пригласила Ирина Львовна и продолжила: — У вас чудесный мальчик.

Лея смотрела в ее глаза, пытаясь разгадать, что она вкладывает в эти слова.

— Не волнуйтесь, я за ним присмотрю.

Лея почувствовала тепло Ирины Львовны и радостно, как подруге, пожала ей руку.

— Я рада, что в моем классе такой мальчик, послушайте, он читает бегло, как взрослый. Он поведет за собой, я вижу, чувствую. Сегодня он рассказывал детям о силах Света. Понимаете, что значит, когда об этом говорит ребенок, их ровесник? Он на них смотрит как на малышей и говорит: «Свет — это хорошо учиться, не врать, не портить природу, а тьма — это обман, лень, драки». Он опережает своих одноклассников.

— Это меня и тревожит. Он живет каким-то своим миром, не всегда понятным даже мне, его матери. Правильно ли поймут его ровесники? Не скрою от вас, меня многое беспокоит.

— Не тревожьтесь, я буду все держать, как говорят, под контролем. Я понимаю вас, потому что сама удивляюсь: иногда он ничем не отличается от детей, а иногда меня поражает его взрослость. Я в дневнике буду обо всем вам писать.

— Нет, не надо, Им хорошо читает и будет знать о наших доверительных разговорах. Лучше я буду чаще приходить и беседовать с вами, если позволите. Спасибо вам большое за внимание и понимание.

Зазвонил звонок, и дети бросились к учительнице, а Лея отошла в сторонку, поджидая Има, который побежал за портфелем — почему-то ранец он не хотел носить.

— Мапочка, пойдем. Ребята, до завтра!

— А почему только с ребятами прощаешься? А с девочками?

Он улыбнулся Ирине Львовне и ласково объяснил:

— Мама, я же не сказал: мальчики, до завтра, а сказал всем — и мальчикам, и девочкам: ребята, до завтра. Пойдем скорее, я хочу кушать.

\*\*\*

— Ирина Львовна, а Им сказал, что у Земли есть сердце. Это правда?

— Да, дети, это правда. Им, расскажи, какое сердце у Земли.

— Внутри Земли, — оживился Им, — есть сердце, и оно пульсирует, также как и наше. Это огненный шар, который своей энергией оживляет Землю.

Ирина Львовна посмотрела на Има и улыбнулась.

— А откуда он знает? — спросил веснушчатый Игорь.

— Наверное, ему мама рассказывала, да, Им?

— Мне мама много рассказывает, а про это не говорила.

— Тогда откуда ты знаешь? — вновь спросил Игорь.

— Не знаю, — ответил Им, пожав плечами.

— Значит, врешь, — усмехнулся Игорь.

— Я не вру, — тихо сказал Им. — Это правда, честное слово.

\*\*\*

Родительское собрание было оживленным. Все косились на Лею, в их глазах она читала интерес и осуждение: мол, зачем такого маленького пичкать всякими байками, которые вредят нашим детям? Но Лея попросила слова: «Дорогие и уважаемые! Я занимаюсь исследовательской работой, читаю лекции, часто беру с собой сына. Когда он задает мне вопросы, я всегда стараюсь на них ответить, и, может быть, не так уж и плохо, что мальчик делится своими знаниями с одноклассниками. Наши дети — наше будущее, и, если они будут больше знать о том, что нас окружает, это же хорошо».

— Ну, знаете, бьется ли сердце у Земли, совсем необязательно знать, — громко сказала мама Илюши, веселого малыша, который пел частушки на переменах, как говорила Ирина Львовна, с не очень детским смыслом.

— Не скажите, — вмешалась Ирина Львовна, — если ребенок будет знать, что у Земли бьется сердце, он станет бережнее относиться к ней. Он поймет, что она живая, что на нее нельзя плевать, что ее надо украшать, любоваться ею и любить все, что живет на Земле. Земля нас кормит.

Лея продолжила мысль Ирины Львовны:

— Мы же отвечаем за наших детей, их судьба должна быть лучше нашей.

— Мы должны развивать в них лучшие качества, — подхватила Ирина Львовна, — такие, как пытливость, уважение друг к другу, честность, ответственность.

— Ну, сейчас на этих качествах не проживешь, — пробурчал мужчина на последней парте.

Лее не надо было видеть этого папу, чтобы понять, что во главе семьи стоит потухшее сознание. Что он даст своему ребенку?

Вдруг встала худенькая женщина с остреньким носиком и безапелляционно заявила:

— Но и забивать детям голову всякой ерундой тоже не стоит. Пусть учатся считать, писать, а там уж как-нибудь.

— Как-нибудь — это плохо, — строго сказала Ирина Львовна.

— Давайте лучше решим, по сколько денег сдавать на праздник, — как бы прекращая неинтересную тему, пробасила полная женщина, мама Игоря.

— Да, да, и сколько сдавать на театр, — подхватила рядом сидящая.

— Я бы хотела вас попросить, дорогие родители, давайте украсим класс. Кто сможет принести цветы в горшочках? Детям должно нравиться находиться в классе, они будут их поливать, наблюдать за ними, — словно извиняясь, предложила Ирина Львовна.

— Можно, конечно, если это не будет их отвлекать от учебы, — резюмировала остроносенькая.

Потом пошел разговор о предстоящем празднике и о многих текущих вопросах, которые необходимо решить.

Лея возвращалась с собрания, и душа ее была неспокойна.

\*\*\*

— Ты где был, Им? Я обыскала все дворы, ты почему не предупредил меня?

Когда Лея взглянула на него, ее сердце дрогнуло. Он был бледен, казалось, его лицо намазали мелом. Одежда была в грязи.

— Что случилось, сынок? У тебя что-то болит? Скажи, родной?

Им молчал, потом пошатнулся и вырвал. Лея подхватила его и медленно повела в ванну. Обмыв его лицо, бережно повела в спальню. Когда случались ответственные моменты, она мгновенно собиралась с мыслями и полностью сосредотачивалась. Совершенно очевидно: что-то случилось во дворе. Она спокойно стала его раздевать и укладывать в постель. Она гладила его лоб и ждала, что он что-то скажет, но он молчал, отводя от нее глаза.

В дверь позвонили. Лея бросилась к двери, открыв ее, увидела соседского мальчика, который протянул ей шапочку Има.

— Подожди, Миша, деточка, расскажи, что там случилось, вы подрались?

— Нет.

— Тогда что случилось, ответь мне, прошу тебя. Ты же своей маме рассказал бы, правда?

— Нет, не рассказывал.

— А мне расскажи, посмотри, какие вкусные бананы, я тебя сейчас угощу, проходи.

Миша переступил порог, взяв банан, быстро очистил и, запихивая его в рот, стал говорить:

— Мальчишки привязали его к дереву и стали бросать в него банки, грязные бутылки, все, что подбирали на земле.

— Но почему? Зачем? — прошептала Лея.

— Как почему? — удивился Миша. — Да потому, что у него нет отца.

— Что ты сказал, Миша, повтори... — в ужасе простонала Лея.

— У него же нет отца, правда? Так зачем врать, что он скоро приедет? Вот за вранье его и лупили.

Лея на мгновение потеряла равновесие, удержавшись за косяк двери, прошептала:

— Иди, Миша, иди.

Он прошмыгнул в дверь, а Лея бросилась к сыну. Она не узнала его: взрослые глаза смотрели в потолок, он словно не видел ее.

— Сыночек, сейчас чай закипел, сейчас принесу, — суежилась Лея, поправляя подушку, но он не реагировал. На столе стояли первые весенние цветы, их было много, молодежь щедро благодарила Лею за лекции, но, казалось, они стали вянуть. Боже мой, что же будет с Имом? Она заметила испарину на лбу и прикоснулась к нему губами. Им горел. Ночью он начал бредить, звал отца, плакал. До утра Лея просидела возле сына, отдавая ему свою энергию. Потрясение вытянуло из него все силы. Им был не просто ребенок: его вибрации оказались выше, чем у Леи, поэтому она растерялась. Ее энергии не



хватало. Боже, что делать? Как спасти Има? Утром улучшения не наступило. Высокая температура, бред... Выход один — срочно врача.

«Скорая помощь» предложила срочно отвезти его в больницу. В больнице определили, что состояние чрезвычайно опасно для жизни. Необходима реанимация. Лею туда не впустили, она видела мелькающие лица расспрашивающих о здоровье Има и была словно не в себе. Ей разрешили находиться в другой палате. Ночью случился переполох: кто-то испугался за жизнь Леи, а она просто оставила свое тело, находясь рядом с Имом. Рина все знала, и ее тонкое тело, которое хорошо чувствовала Лея, тоже было рядом с Имом. Жизнь едва теплилась в теле ребенка. Врачи переглядывались и спокойно сменяли друг друга...

Лея вышла в сквер больницы, яркое солнце ударило в глаза, и она не выдержала, заплакала. Она сидела на скамеечке, закрыв глаза и слегка откинув голову. Непрошенные мысли наперебой выдвигали варианты спасения сына. Вдруг она почувствовала теплую волну, которая коснулась ее души, и открыла глаза. Перед ней стоял Слав. Глаза его были спокойны, он тихо сказал:

— Держите себя в руках, у вас еще много дел, если ваши вибрации слишком понизятся, связь ваша прервется навсегда. Има я беру на себя.

Лея смотрела в его сине-зеленые глаза, и в этот миг он ей казался панацеей, надеждой, тем единственным спасением, без которого она бессильна.

— В какой палате Им?

— Он в реанимации, — торопливо ответила она.

— Покажите окно.

Лея показала два окна, в которых свет горел даже днем.

— Хорошо, я его найду, — сказал Слав.

— Но туда не пускают, никого, понимаете?

Он вопросительно посмотрел на Лею и словно упрекнул ее взглядом: мол, неужели вы ничего не поняли?

— Постарайтесь, чтобы меня никто не побеспокоил, я сяду на эту скамейку.

Теперь Лея все поняла: Святослав оставит свое тело рядом с ней, а сам в тонком теле пойдет к Иму. Пока эти мысли проносились в голове, Святослав принял позу кучера.

В это время, громко шаркая метлой, приближался дворник. Лея сорвалась с места и сбивчиво стала шептать:

— Пожалуйста, он не спал ночь, пожалуйста, пусть поспит, пожалуйста, извините.

— Да вас здесь знаете сколько, а мне надо чистоту соблюдать, а то по шапке дадут.

Лея вынула из кармана деньги, сунула ему в руку. Дворник раскрыл ладонь и, увидев крупную купюру, тихо ушел в направлении, известном только ему.

Лея тихо подошла к Славу и увидела, как с его лба на землю стекают крупные капли пота. Она встревожилась, наблюдая за тем, сколько он отдает сил, зная и помня, что его нельзя беспокоить. «Какая же у него идет напряженная работа, сколько уходит его энергии!» — думала Лея. Она сосредоточилась и стала горячо молиться, прося помощи и защиты у Сил Света. Прошло часа полтора-два, Слав пошевелился, и тело его откинулось на спинку скамейки. Лея стала вытирать ему лицо своим платочком, а он смотрел ей в глаза своими «озерами», в которых Лея прочла: «Я бы бежал от вас, но не могу, нет сил, и это уже от меня не зависит, я устал». Он тихо прошептал:

— Идите к нему, а я сейчас немного восстановлюсь и приду.

Лея словно в тумане подошла к двери реанимации, ей сказали:

— Мы перевели его в палату номер пять, он улыбается и ждет вас.

У Леи не было сил удивляться, она как во сне вошла в пятую палату. Им смотрел на мать, стараясь что-то сказать, но не мог. Лея поняла, что идет огромная работа внутри организма по восстановлению здоровья и что Святослав имеет к этому прямое отношение. Она наклонилась, обняла сына, прижимаясь к нему, и прошептала:

— Как сильно я люблю тебя.

Им слегка улыбнулся и, мягко отодвинув мать рукой, закрыл глаза, он был слишком слаб.

— Все позади, идите, отдыхайте, вы не спали, возле него подежурит ваша подруга, уже очень поздно, утром приедете.

Чья-то рука опустилась на плечо Лее, она обернулась и увидела Рину. Глаза Рины были на мокром месте, она шептала:

— Иди, прими ванну, поспи, не беспокойся, я буду здесь с ним, рядом.

Лея обняла подругу и, выйдя на улицу, стала искать глазами Святослава. Его не было. Сев в маршрутное такси, она быстро добралась домой.

\*\*\*

Когда Лея проснулась, уже светало. Первая мысль: как Им? Набрав сотовый телефон Рины, она успокоилась. Сделав утренние дыхательные упражнения и собираясь к сыну, Лея перебирала события вчерашнего дня. Свято-Слав, какое значительное имя, Слава Святому, Святослав. Где он? Может быть, тоже торопится к Иму?

Для нее было ясно одно: Святослав находится на более высоких вибрациях. Чем он занимается? Почему так близок с Имом? И сама себе ответила, что по всему тому, что происходит, — это карма. Они связаны прошлыми жизнями. И вдруг ее пронзила мысль: Сириус... Отец того Има, сейчас на Земле... и он этого же возраста. Лею зазнобило, она опустилась на диван. Сознание формировало ответ: века и тысячелетия связывают людей так сильно, что Высшее «Я», Сознание духа помнит ответственность... Боже, как все люди связаны друг с другом, нет родных и неродных, и в результате обнаруживаются нити древа жизни. Теперь было ясно участие Святослава в судьбе ее сына. Дух Има — часть его, Святослава. Тысячелетия назад Им был его сыном, там, на Сириусе. Лея старалась успокоиться, осознавая, что, если Им был ее сыном, значит, она была его женой. Ее более низкие вибрации не почувствовали этого. Она быстро собралась и захлопнула за собой дверь.

Она шла быстро, но все новые вопросы возникали в голове: почему он ее избегает? почему не пришел вчера к Иму? где он? что скажет ей?

Когда она увидела Има сидящим на кровати, ее радости не было предела. Бросилась в глаза тревога Рины, но она подошла к сыну, ласково, погладив его по голове, спросила:

— Ну, как ты?

Им улыбнулся.

— У него отнялась речь, он не слышит, по-моему, память... амнезия, — тихо говорила Рина, и глаза ее наполнялись слезами.

Лея сжала зубы, чтобы не вырвался наружу стон ее сердца. Жизнь выдвигала все новые испытания, и Лея должна была, обязана держаться.

— Главное, он жив, ничего, постепенно все станет на место, — тихо приговаривала она, — он сильный, он выдержит, я знаю.

В дверь заглянула Ирина Львовна:

— Можно? Лея, как он?

Им смотрел то на Рину, то на Лею, то на вошедшую Ирину Львовну. Подсознательно Лея знала, что мальчику нужно общаться, но почему-то сказала:

— Ему надо больше отдыхать.

— Хорошо, хорошо, я несколько слов. Им, — обратилась к нему Ирина Львовна, — в классе все тебя любят и волнуются о тебе, скорее выздоравливай.

— Он не слышит, — сказала Рина.

— Как не слышит? — подняв брови и широко открыв глаза, наполняющиеся слезами, прошептала Ирина Львовна.

— Осложнение, — продолжала Рина, — теперь все дело во времени.

— Я каждый день буду с ним заниматься, я помогу ему, — взволнованно заверяла Ирина Львовна.

— Спасибо, — поблагодарила Лея и, извинившись, заговорила с Риной, которой необходимо было уехать. Они обе сознавали, что главное — жизнь Има. Не сговариваясь, они повернулись к Иму, который внимательно рассматривал драгоценный камень, вправленный в се-

ребрянную оправу кольца Ирины Львовны. Все трое переглянулись. Его интерес давал надежду на быстрое восстановление. Попрощавшись, Рина уехала, а Ирина Львовна и Лея заботливо планировали нагрузку Има, когда он окрепнет. Никто не мог сказать точно, когда это наступит.

— Лея, я знаю подробности этого недопустимого поступка, в школе идут собрания в каждом классе, виновные уже несут наказание. Это событие взбудоражило всех учителей. Будем много говорить с родителями.

Лея молчала. Есть постфактум, что совершено зверство, и чем это все закончится, не известно.

\*\*\*

Время медленно тянулось, врачи не торопились выписывать ребенка. Больше месяца Им пролежал в больнице. Подруги Тина и Ветта по мере возможности подменяли Лею, которая торопилась приготовить малышу домашнюю еду, а когда приезжала Рина, ходила на лекции, помогала школе искусств.

И наконец врачи решили отпустить мальчика домой, понимая, что там будет больше общения. Слух к нему постепенно вернулся, и визиты Ирины Львовны стали необходимы. Им подолгу слушал учительницу, и Лея, наблюдая за ним, видела, как взгляд его становился все более осмысленным

Действительно, оказавшись дома, Им повеселел. Его навещали одноклассники, которые сочувственно переглядывались, потому что он на всех смотрел каким-то спокойным, чуть отрешенным взглядом. Поползли слухи, что он таким останется навсегда. Лея улыбалась, слушая обрывки этих глупых разговоров, она-то знала, чувствовала, что позади самое страшное. Ирина Львовна проявила удивительное терпение: она приходила сначала через три дня, потом через два, потом каждый день. Они с Леей ждали чуда, которое не наступало.

Лея спешила домой, думая о том, как сильно изменился Им. Станет ли он таким, каким был, или произошло что-то непоправимое? Подняв глаза, она замерла,

навстречу ей шел широко улыбающийся Святослав. Лея не понимала, сердиться или удивляться, что его так долго не было. Чем ближе он подходил, тем сильнее Лея чувствовала, как начинает гореть солнечное сплетение, как радость захватывает душу, как тепло и блаженство разливаются по телу, наполняя счастьем встречи.

Какое-то мгновение они стояли друг против друга, прислушиваясь к тому, что с ними происходит. Они оба не могли проронить ни слова до тех пор, пока электрический разряд легким потрескиванием не вернул их в действительность.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — проговорил Святослав, нежно поправляя прядь волос Леи, которая словно спрятала от него часть ее лица.

— Не тревожься, я пока ему не нужен. У него что-то вроде замыкания, перегорели, вернее, перекрылись некоторые энергетические центры от нервного перенапряжения, нужно время, поверь.

— Слав, почему ты меня избегал?

Он улыбнулся, потом тихо сказал:

— Я ждал, когда ты меня узнаешь.

Они обнялись. Лея почувствовала, как что-то подхватило их и они, сливаясь в поцелуе, полетели. Все мелькало и проплывало мимо них. Слова уже не были нужны. Внутреннее состояние Божественной любви диктовало легкое и глубокое понимание друг друга. Общение пошло на уровне мысли.

— Если бы ты знала, как я ждал нашей встречи.

— Ты был женат?

— Да, был кармический брак, но это в прошлом. Когда мне сообщили, что ты в воплощении, что ты на Земле, я приехал в этот город

— Давно?

— Да. Когда родился наш Им.

Лея удивленно посмотрела на него, словно требуя объяснения. Тогда он сказал:

— Все дети — Божьи дети. Они даются людям на сохранение. Ты же наблюдала, как часто родственные связи по крови непрочны, как часто ребенок живет, будто не у себя дома, а отбывает какое-то время, пока под-

растет, и ему нужно пройти этот путь по причине отработки кармы. Другое дело — духовное родство, вот оно сохраняется на века. Мы не можем все время воплощаться одновременно, у Творца на этот счет другие планы, — он, ласково улыбаясь, продолжал: — У нас есть задачи, которые мы обязаны выполнять по зову Духа, помогать тем, кто отстает. А когда нам Господь дарит встречу, мы узнаем друг друга, потому что в одном из воплощений достигли гармонии. Расставаясь с земной жизнью, мы через много веков, как будет угодно Богу, снова встретимся, как сейчас.

Лея смотрела на Слава и боялась, что эти мгновения оборвутся и он снова исчезнет. Его глаза говорили — как мне было пусто без тебя, без вас, мои дорогие. И он снова заговорил:

— Я пришел, чтобы быть с вами.

Лея сделала шаг назад, чтобы убедиться, что она не ослышалась, и спросила:

— Навсегда?

Святослав вздрогнул, погладил ее по щеке, как это любил делать Им, и повторил:

— Я пришел, чтобы быть с вами.

— Так пойдем к нам, — обрадовалась Лея.

— Он пока ничего не вспоминает, не беспокойся, я приду, когда он будет готов.

— Но... — взмолилась Лея, — как же так? Что я ему скажу? А вдруг он спросит?

— Успокойся, ему надо время, все зависит от организма, не надо торопить события, я в курсе всех ваших дел.

Лея не смогла сдержать слез, она чего-то не понимала и, стыдясь своей несдержанности, тихо сказала:

— Прости, я пойду к нему, — она грустно улыбнулась.

Святослав притянул ее за плечи к себе, и она снова почувствовала полет, ни с чем не сравнимую радость души.

— Так надо, милая, я пришел, чтобы быть с вами. Береги его, и ждите меня, осталось недолго.

Она пристально посмотрела на него, словно прозревая, осознав сокровенное «так надо», и вдруг заметила легкую испарину на его лбу.

«Боже мой, — пронеслось в голове, — он затрачивает громадную энергию, чтобы убедить меня», и она стала покрывать его лицо поцелуями. От этой ласки он смеялся, как ребенок, гладя ее голову, плечи.

— До встречи, милая, целуй Има и помни: я всегда с вами.

Лея не пошла, а, словно на крыльях, полетела домой. Открыв дверь, она увидела, что Им сидит и рисует. Он поднял голову, улыбнулся и отчетливо произнес:

— Ты пришла? Посмотри рисунок.

И снова у Леи закружилась голова, и снова ощущение счастья, радости переполнили ее. Она смотрела на него, на его рисунок как на награду за те бессонные ночи страха за его жизнь. Два события в один день! Лея не знала, как выразить свою радость, и запела. Им обернулся и, улыбаясь, попросил:

— Пой, мамочка, пой громко.

Лея включила минусовую запись музыкального сопровождения и запела так, как не пела давно. Это была песнь благодарности небу, звездам, цветущей земле, бесконечному космосу— вечному дому всего живущего. Им смотрел на мать зачарованно и вдруг заплакал. Лея никак не ожидала такой реакции, резко оборвала музыку и пение. Она стала перед ним на колени, заглядывая в его глаза, спросила:

— Тебе не нравится, сынок? Что не так, родной?

Им молчал. Потом порывисто бросился к матери, обнял ее, целуя, прошептал:

— Мне грустно.

— Почему, золотко?

— Мне жалко землю.

— Почему? Она же цветет.

— Я не знаю, мне всех жалко: тебя, Рину, Ирину Львовну, всех, всех людей.

Лея гладила голову сына и думала о том, что его слезы — признак выздоровления, его душа снова начинает жить и перемена настроения в нем говорит о том, что он становится прежним. Он выздоравливает и восстанавливается. Часто ребенок не в состоянии объяснить и понять, что с ним происходит.



Им стал быстро восстанавливаться, и это вселяло надежду на то, что скоро все станет на свои места. Как-то он долго читал, потом вздыхал. Лея сидела за письменным столом и, услышав, встревожилась

К вечеру поднялась температура. Лея провела с Имом аутотренинг, обтерла холодной водой, тепло укрыла и легла рядом.

Проснулись они одновременно, как сговорились. Им был веселый и попросил блинов из бананов и яблок. Он вскочил с постели и побежал на кухню натереть на терке яблоки. Казалось, от болезни не осталось следов, как это бывает нередко с детьми. Лея почувствовала продолжение того потрясающего состояния, которое пережила при встрече со Святославом, все говорило о том, что закончился какой-то очень тяжелый период жизни. Лея предчувствовала новую страницу, до которой дочитали они вместе с сыном, которая откроет новые надежды и просторы для выражения их душ. Они с удовольствием уплетали фруктовые блины, запивая их чудесным чаем из листьев и сухих плодов земляники.

— Ты хочешь в школу? — спросила почему-то Лея.

— Нет, — просто и коротко ответил Им.

— Как? — поперхнувшись от неожиданности, спросила Лея.

— А вот так, не хочу, и все.

— А как же, тебе надо будет, ну, как все, окончить когда-нибудь школу, Ирина Львовна и так целый год с тобой занимается.

— Не беспокойся, я с ней поговорю, — невозмутимо продолжал Им, подхватывая блином варенье и направляя его в рот, аппетитно жуя, облизывая пальцы. Наблюдая растерянность матери, он засмеялся. Лее ничего не оставалось, как присоединиться к его прекрасному настроению и смеяться, просто смеяться, потому что на сегодняшний день все было прекрасно, а это уже счастье.

— Послушай, мам, пойдем гулять. Мне кажется, я не гулял много времени, — и они снова залились веселым смехом, надевая кроссовки и легкие курточки.

— Я хочу кататься на трамвае, скажи, ма, тебе слабо?

— Нет, не слабо, пойдём.

Они наперегонки бежали до трамвая, потом прыгнули в него и стали с удовольствием смотреть в окно.

\*\*\*

В голове у Леи не укладывалось: куда исчезает Святослав? где работает? и вообще где живет? Она все больше понимала, что он становится частью ее мыслей, а значит, жизни. Им чувствовал себя хорошо, ходил в школу, примерно учился, был первым учеником, но не выделялся ничем, и все были довольны. Лея, наконец, могла позволить себе думать о Святославе. Завтра день рождения Има, к нему придут дети, с которыми он общается, и, конечно, Ирина Львовна, эта необыкновенная женщина из созвездия Рака. Ирина Львовна удивлялась тому, что Им не помнил, как рассказывал детям о Силах Света, об архангеле Михаиле. Ирина Львовна спрашивала его, а он смотрел на нее с интересом, но ответ был один:

— Не помню, — и переключался на совершенно другую тему.

Все это огорчало учительницу, но не Лею. Она чувствовала, что Им меняется, перерастает, становится взрослее и несет в себе какой-то потенциал, который нельзя спугнуть.

Однажды Лея спросила:

— Ты помнишь Слава? У тебя был друг.

— Конечно, помню, — ответил он. — Слав часто приходит ко мне во сне. Он мой отец.

Лея просто онемела, она не могла продолжать разговор, потому что он был бы слишком незначительным по сравнению с тем, что происходило в ее душе.

— Тогда почему он не приходит к нам? — вдруг выпалила Лея и замерла.

— Он придет скоро, — сказал Им, — а сейчас пока нет, не может, но он с нами, я его чувствую.

Лея поняла, что Им что-то знает, девять лет — это уже отрок, который способен хранить тайны, молчать, если надо.

— Им, дорогой, ты последнее время много читаешь, не устаешь? — пробовала пробиться к нему Лея.

— Нет, не устаю.

— Ты вчера листал книгу Элизабет Профет «Взойти на высочайшую вершину», ты просто листал или читал? Может, у тебя есть вопросы?

— На мои вопросы отвечает Слав.

Это было для нее неожиданностью, она почувствовала себя уязвленной, отброшенной, лишней и растерянно пробормотала:

— Ты меня больше не любишь?

Им странно посмотрел на мать, и Лея поняла, как такие слова и мысли способны понизить ее вибрации. Она устыдилась своей слабости и стала шутить:

— Ах этот Слав, секретничает с моим сыном, а я ничего не знаю. Понятно, мальчики сговорились и в свои игры девочек не принимают.

Им залился таким заразительным смехом, что Лея не удержалась и тоже стала смеяться.

— Мамоchка моя, — он обнял ее, — ты моя жизнь, я связан с тобой на века, также как и со Славом.

Лея замерла. Ее мысли вспыхивали, как молнии. «Так он, вероятно, что-то помнит? Почему я просмотрела это? Почему замыкается от меня, может быть, где-то допустила ошибку?»

Из прихожей донесся звонок, и Им пошел открывать. В дверях стояла Рина с корзинкой в руках и, громко смеясь, говорила:

— Вы что, замок заменили? Никак не могла открыть. Родные мои!

Им обнял Рину и спросил, снимая с нее пальто:

— Ну, как поживаешь, малышка?

Рина и Лея залились смехом, а Им продолжал:

— Не слышу ответа. Не забудь, что я стал на целый год старше.

Рина бросилась расцеловывать Има, а потом загадочно стала рыться в сумке. Вытащив из нее сверток, она протянула ему:

— Вот то, что ты просил.

Им развернул бумагу, опустился на стул и от удовольствия, не зная, что сказать, тихо замурлыкал:

— Ну, ты молодец, это то, что надо, настоящая любимая крестная.

Рина сияла, а Лея пыталась угадать, что так обрадовало его, но не могла. Подойдя ближе, она увидела компас и камертон.

— Он тебя об этом просил? Да?

Рина довольно кивнула головой. Лея улыбнулась новой загадке. Именно в эту минуту она остро поняла, что последнее время много работала, а дома много писала и на разговоры с сыном особого времени не было.

— Сегодня делаем кое-какие заготовки, — ворковала Рина. — Им, сколько друзей к тебе придут?

— Две девочки и четыре мальчика, — донесся голос Има из его комнаты.

— Хорошо, — проговорила Рина, вынимая из корзины торт. — Вот! Как тебе, а? Красавец? Ему не покажем. Завтра, все завтра. Лея, ты знаешь, я стала часто видеть Има в видениях. У меня такое чувство, что он выходит на телепатическую связь, но я не могу определить, с кем. Я пыталась войти в канал, но слышала, только обрывки мыслей.

— Каких? — настороженно спросила Лея.

— Ну, например: «Ни одного лишнего слова».

Лея напряглась, припоминая, что она тоже слышала эти слова засыпая, но решила, что случайно попала в астрал, и не придавала этому значения, тем более при чем здесь ее сын.

— Лея, — продолжала Рина, — по-моему, канал на более высоких вибрациях, потому что я улавливала обрывки слов: «опыты», потом перед глазами треугольники, круги с формулами, квадраты, потом словно обрыв пленки, и снова слова: «Береги ее вибрации». Кого, чего — не поняла. Но меня заинтересовало то, что я слышала обращение к Иму, иначе я бы не придавала этому значения, подумала бы, что попала в астрал. Я сейчас много над собой работаю. Когда отец спокоен, я ухожу в медитацию на несколько часов и нередко путешествую в каналах, тренируюсь.

Лея взволнованно почувствовала, как к ней возвращается надежда и та особая радость обретения чего-то важного, для чего она на Земле. Теперь сомнений нет: Им защищен и под присмотром.

\*\*\*

За окном, словно играя в догонялки, кружились крупные хлопья снега. Им смотрел на снежинки и о чем-то думал. Лея старалась быть осторожной, не вызывала его на откровенность, если у него не было потребности открыться. Им словно разгадал мысли матери и, повернувшись к ней, спросил:

— Почему ты ни о чем меня не спрашиваешь?

Лея улыбнулась и ответила:

— Если бы только знал, как я хочу тебя спросить!

Им подпрыгнул на месте:

— Ну ты сказала точно те слова, которые он сказал.

— Кто?

— Слав, — рассмеялся Им. — Он сказал, если мама скажет: «Как я хочу тебя спросить, если бы только знал», тогда Расскажи ей обо всем, о чем она спросит.

— Вот как, — удивилась Лея. — А где он?

— Мапочка, Слав находится в реабилитационном центре.

— Не понимаю, он там работает?

— Нет, мама, он там периодически лежит.

От удивления Лея опустила на стул прошептав:

— Как лежит, почему?

— Мама, он много отдает энергии и теряет силы. Когда он спасал меня, то потом три месяца лежал в кардиологии.

Казалось, Лея все переосмысливала, ее сын открывал ей глаза на то, о чем она должна была догадаться сама.

— Мама, в больнице он приходил ко мне во сне, занимался со мною, учил меня и возвращал мне память, а потом болел.

Здесь Лея не выдержала, заплакала.

— Мам, Слав сказал, что тебе нельзя расстраиваться, у тебя за мою болезнь ослаб организм, поэтому мы

берегли тебя. У тебя впереди большая работа с людьми. Очень важная.

Теперь ей было ясно, что Слав не успевает восстанавливаться, а она настаивала на встречах. Теперь она глубоко осознала, как низки ее вибрации, если они оба ее берегут.

\*\*\*

Новый год радовал землян ярким зимним солнцем и хрустящим снегом. Взяв коньки, Лея с Имом и друзьями отправились на закрытый каток. Мягкий южный климат редко радовал морозом, поэтому не давал возможности иметь каток под открытым небом, но это не мешало приподнятому новогоднему настроению. Яркая, в огнях огромная елка вертелась вокруг своей оси, хвастаясь сверкающими украшениями.

— Мам, а мам, знаешь, кого мне напоминает елка?

— Кого, сынок?

— Нарядную женщину.

Все, кто слышал, переглянулись и заулыбались: мол, малыш не промах.

— А почему? — спросила Лея, поправляя коньки.

— Потому что у нее красивое платье и украшения. Догоняй!

Играла чудесная музыка. В середине круга, вокруг елки, танцевали, а по внешнему кругу катались, играли в догонялки. Было шумно-празднично и Лея, как девчонка, бросилась догонять сына. Им изворачивался, прятался и ловко выскальзывал из рук Леи. Потом, уставшие и довольные, они примкнули к друзьям, которые, сойдя с катка, сидели за столиком, лакомились фруктами. Им с удовольствием съел ананас, потом наклонился и шепнул:

— Совсем скоро мы будем всегда ходить своей семьей.

— Им, сынок, как я должна реагировать на твои слова?

— Мам, ну если тебе сказать, ты начнешь думать, в общем, я проговорился. Ладно, я хотел еще чуть-чуть подождать, но... В общем, догонишь, тогда скажу.

Он снова побежал к катку и затерялся в толпе. Лея бросилась за ним, потом, потеряв его из виду, хотела сойти со льда, как вдруг Им обхватил ее и сказал:

— Я отвел тебя от друзей, чтобы сделать новогодний подарок.

Ее сын, ее малыш, говорит с ней на равных. Оберегает, чтобы их разговор был только между ними. Лея смотрела на Има немигающими глазами, а он серьезно продолжал:

— У Слава выставка за границей.

— Где-где?

— В Испании.

— Какая выставка?

— Выставка его скульптур.

— Так он...

— Да, мамочка, его выставка называется «Мы и Космос». Так вот, он приедет на мой день рождения. Двадцать первого января, когда мне исполнится целых десять лет, он будет с нами!

Лея постоянно чувствовала присутствие Слава, ей казалось, что он наблюдает за нею, подсказывает, помогает обоим, но то, что он может быть в их жизни каждый день, представить было трудно.

— Ты не рада?— тревожно спросил Им.

— Что ты, это меня очень... это настоящий новогодний подарок.

— Я уже все продумал.

— Что продумал?

— Ну, встречу с ним, мы подготовим, да?

— Конечно, золотко мое, конечно.

— Он все-таки мой отец, и я горжусь этим.

Лея не знала до конца, как реагировать. Для сына это был вопрос жизни, и она это понимала.

— Мам, пойдем танцевать вокруг елки, пойдем, — попросил Им, увидев, как весело кружатся Тина и Вэл. Танцуя, Лея думала о Славе, вернее, боялась думать о нем. Она вспомнила, что испытывала, когда он приближался к ней, и уже заранее робела. Он казался ей недосягаемым. Он казался человеком, который живет на Земле в другом измерении, по тем законам, которые

Лея не может определить. Столько лет он рядом, но будто его нет, хотя знаешь точно, что он есть.

\*\*\*

Уложив Има спать, Лея вошла к себе в комнату, включила тихую музыку. Удобно устроившись, стала делать дыхательные упражнения. Подготовив себя и расслабившись, она вошла в медитацию. Не один раз она пыталась войти в ту готовность, когда будет в состоянии попасть на телепатический канал со Святославом, но тщетно, вероятно, не хватало энергии. Сегодня она отдохнула и подсознательно чувствовала зов, чувствовала, что сегодня будут усилия обоих и что именно сегодня это удастся. Осторожно, не торопясь, она пробивалась через электромагнитные структуры, повышенная концентрация притягивала более высокие вибрации, и Лея, преодолевая силовое поле, вошла в заветный канал. О Боже! Святослав откликнулся! Он смотрел на нее нежно, и она слышала его мысль: «Есть вещи, которые передаются только таким способом, на Земле говорить об этом нет смысла. Вникай. Твое число три, ты рождена двенадцатого числа, один плюс два равно трем. У Има тоже число три, он рожден двадцать первого, два плюс один равно трем. Я рожден девятого числа, если девять разделить на три, то получается тоже три. Это код нашей совместной судьбы. Ему сейчас исполняется десять лет, если прибавить три, получится тринадцать. Так вот, до тринадцати лет я обучу его, как пользоваться тремя энергетическими центрами, я научу его, как преодолеть стену, направленную к сердцу. Если прибавить еще три, то в шестнадцать лет будет смена полярности, организм станет набирать силу, и я подготовлю его к этому до тринадцати лет. Это будет необходимо для того, чтобы, минуя новый интервал — девятнадцать лет, прикоснувшись к сакральной геометрии, он вышел на свое число, двадцать один. В двадцать один год он будет знать энергоцентры шишковидной железы и овладеет практикой дыхания Мер-Ка-Ба. Овладев Мер-Ка-Ба, он сможет перемещаться во Вселенной.

Я хочу, чтобы ты знала его будущее».



Перед глазами Леи появились вспышки и, как на киноленте, побежали круги, треугольники, квадраты, потом пустота — и ничего. Резкий выход из канала предостерегал ее от перенапряжения. Ощущение было странным: будто она выходила за пределы Земли. Легкая слабость очень быстро уступила место бодрости, приливу сил. Она лежала и анализировала ту информацию, которую выдал Святослав. Вероятно, он хотел подготовить ее к трудному пути Има. Как точно была распланирована жизнь ее сына? Почему было важно сообщить ей об этом? Она чувствовала какую-то недоговоренность... Те вибрации, на которые она попала, были очень высокими, понятно, что только усилия Святослава помогли этой связи. Все говорило о том, что он себе не принадлежит, что он находится на Служении. Сердце Леи учащенно забилося, это говорило о том, что ее вывод точен. На душе было торжественно, она улыбнулась и, расслабляясь, стала засыпать. Она погружалась в полудрему, и яркие видения продолжали тему, которая ей была в радость. Она почувствовала на плече руку Слава, другой он обнимал плечи Има, рассказывая о чудесном космическом корабле сирианцев, который в течение трех лет помогал Земле сохранять равновесие. Святослав говорил:

— Мы живем в мире, который существует только в сознании Бога, это только Свет. Отец Небесный сотворил для нас Вселенную Света, чтобы люди играли в ней и любили друг друга. Человек не представляет того природного величия, которое сияет в глазах самого обычного ребенка.

Лея открыла глаза, подумала о том счастье, которое ей подарено судьбой, и снова заснула, но уже крепким, восстанавливающим сном.

\*\*\*

У Рины было прекрасное настроение, и она, старательно подшивая рукав кофточки, стала рассказывать, как ее друг был приглашен на свадьбу к «крутым», а поскольку каждый приглашенный должен быть с парой, то она была удостоена столь высокой чести и, начистив перышки, приняла приглашение.

— Представляешь, лучший ресторан. Кресла с золочеными набалдашниками, сервировка золоченая. Приглашены тридцать человек, за спиной у каждого — официант. На столе прямо-таки заморские яства, хотелось бы поесть, так официант смотрит в рот. Сказали тост и начали трапезу — все такие деловые, никто не улыбается. Какой-то балет заказали, смотрят, значит, концерт, а меня смех раздирает, сижу среди них, как белая ворона, и думаю: «Такие деньжища отдали, а душа не поет». Время золотого тельца, а в душе что-то тухнет, ну, по-английски и удалилась. Ей-богу, невесту даже не запомнила. Иду, думаю: вот они, власть, богатство, гордыня, а где же радость? То ли дело наши свадьбы: веселье, шуточные обряды, куча родственников, соседей, все радуются, что семья новая появилась. Так мне их стало жалко, такое впечатление, что весь Сатурн в их лице переселился на Землю.

— Ну уж не преувеличивай, — улыбнулась Лея. — Не нам их судить.

— Да ты что, я не сужу, просто размышляю, понимаешь, под впечатлением.

Казалось, что Им не слушал их разговора, сидел и рисовал, а тут вдруг высказался:

— Каждому свое, для одних одно — главное, для других — другое. Каждый по-своему счастлив.

Рина и Лея переглянулись, а Им продолжал:

— Деньги тоже дают свободу.

— Да какую свободу, если радости нет, они же все время боятся их потерять? Небось, после свадьбы считали и сокрушались, что подарки не оправдали расходы, уж больно хотелось пыль в глаза пустить.

— Рина, а что ты так сокрушаешься, у тебя что, на свадьбу денег нет?

Лея и Рина рассмеялись, а Им продолжал:

— Подожди, дорогая тетушка, я вырасту и оплачу твою свадьбу.

— Ну, теперь я спокойна, только не хочу быть старой девой, не забывай, что я на выданье.

— Я понимаю, мы с тобой ровесники, мне десять лет и тебе, посчитала? Два и восемь тоже десять.

И вот уже теперь они смеялись от всей души, Лея чуть не разлила крем для торта, который она весь разговор старательно взбивала, а Им чуть не перевернулся со стула.

— Ну и насмешил! Рина, как отец?

— Он с кем-то разговаривает, думаю, он видит потусторонний мир, потому что просит найти его шапку, все время собирается куда-то идти.

— Вот интересно, каждому человеку требуется определенное время, чтобы приобрести опыт жизни, и никто не знает, когда это произойдет, — словно раздумывая, сказал Им.

— Ну ты у нас прямо-таки старец, на все у тебя готов ответ.

— Это его Святослав просвещает.

В дверь позвонили. Лея встала и пошла открывать. На пороге стоял улыбающийся Святослав. У Леи перехватило дыхание, он привлек ее к себе, и она опять почувствовала, как все закружилось и горячая волна ласкает ее сердце. Он смотрел на нее так, словно ушел утром. Он поставил чемодан, снял пальто и повесил так, словно проделывал это каждый день. Эта естественность отозвалась в душе Леи невероятным доверием, и она прошептала:

— Наконец-то!

— Кто там, ма? Это ко мне? — послышался голос входящего в прихожую Има.

Увидев Святослава, он на мгновение замер и бросился к нему. И опять у Леи возникло такое чувство, что Им его видел недавно. Казалось, Слав обладает каким-то особым теплом и чистой душой, которые располагают, притягивают, делают его родным. Вошла Рина, широко раскрытыми глазами наблюдая эту картину.

— Что же мы в прихожей, пойдемте в комнату, — прошептала Лея улыбаясь. Все направились в комнату.

— Рина, знакомься, это мой папа.

Святослав протянул ей руку и ласково сказал:

— Я папа Има.

— Я знаю, — радостно сказала Рина.

Как чудесно: Лея совершенно не испытывала неловкости в присутствии Слава, наоборот, ей хотелось все время смотреть в его озера спокойных и всегда улыбающихся глаз.

— Ты знаешь, я сейчас занимаюсь Египтом. Подготовила несколько статей.

— Если бы ты знала, любовь моя, сколько раз я наблюдал за тобой, сидя напротив. Я восхищался твоим трудолюбием и усердием. Эти качества очень нужны. Они движут развитием.

— Я часто чувствовала тебя рядом, но входить в контакт не решалась, мне даже иногда казалось, что ты ходишь за мной.

— Так и было. Я берег твои силы, впереди у тебя много дел.

— У всех много дел.

— Ты на стезе Служения. Твое Дело — нести людям доступным языком, Космические Законы. Поработай над этой книжечкой, — он протянул ее Лее, и она прочла: «247 Законов Космоса» Эль Мория.

— Спасибо.

Их серьезный разговор отвлекал от того, что происходило у них в душе. Каждая клетка тела пела песнь встречи, песнь радости. Он посадил ее на колени, прижав к себе и покрывая лицо поцелуями, он шептал: «Как хочется многое успеть, научить многому Има».

— Но куда ты торопишься, впереди много времени, — глядя его волосы, удивлялась Лея.

— Каждый день — это год, каждая минута — это день.

Лея улыбалась, не понимая и не улавливая смысла этих слов. В голове проносилось: «Почему каждый день — это год? Почему?». Она легонько высвободилась из его объятий

— Папа, — вбежав в комнату, радостно объявил Им, — у меня предложение пойти в парк кататься на качелях.

— Ура! — подхватил Слав. — Куда хочешь, хоть на Луну, хоть на Марс, хоть на звезду!

Им вопросительно посмотрел на него и серьезно сказал:

— Ты сможешь взять меня на звезду?

— Ну, пока не могу, ты не готов, но, хорошо освоив медитацию, имеешь шансы.

— Хорошо. Ты обещал, — умоляющим шепотом произнес Им, надевая кроссовки.

Накинув ветровку и взбив свои цвета красного дерева волосы, которые удивительно оттеняли ее бело-розовую кожу, выделяя лучистые, светящиеся особым внутренним светом глаза, Лея была похожа на девчонку.

— Я не могу насмотреться на твои глаза, — прошептал Святослав, наклоняясь к Лее, — я не могу дождаться, когда снова буду чувствовать твоё тело.

— Где больше двух — говорят вслух, — прокомментировал смеющийся Им, счастливый от той нежности, которой был невольным свидетелем, и, выйдя, решил побежать по лестницам через ступеньку, Святослав погнался за ним. Когда Лея, закрыв квартиру, вышла, они с хохотом гонялись друг за другом. Соседские мальчишки сидели на скамейке и, будто сговорившись, открыли рты, наблюдая за ними и, вероятно, завидуя такому веселью, такой неумемной радости.

\*\*\*

Лея возилась на кухне, а Им и Слав сидели над каким-то чертежом. По обрывкам фраз Лея поняла, что разговор идет о тринадцати энергетических каналах человека. Ей показалось, что для Има это сложновато, и она прислушалась.

— Понял, Им? Повтори.

— Хорошо, — с готовностью начал Им. — Энергетические каналы, о которых мы говорим, расположены горизонтально, начиная от копчика, вдоль нижней части тела. Я это понял. Их всего пять, и по ним идет энергия вверх, через энергетические узлы, вращаясь вдоль позвоночника. Так?

— Умница, все, как на чертеже. В следующий раз мы разберем рисунок Леонардо да Винчи, помнишь, я тебе показывал?

— Помню, там изображен человек с раскинутыми руками, который стоит в квадрате и круге.

— Молодец, но об этом завтра.

— Дорогой моему сердцу человек, мой отец.

Лея замерла от такого торжественного обращения к Славу, а Им продолжал:

— Как я буду ждать завтрашнего дня, если бы только знал. — Им порывисто обнял Слава, и из глаз его потекли слезы.

— А это еще что за новость? Почему? — встревожился Слав. Лея тоже притихла в кухне и опустила на стул.

— Я боюсь разлуки с тобой.

— Успокойся, мой мальчик, у нас еще есть время, — и он прижал голову Има к груди.

Лея не хотела вмешиваться в их мужской разговор, но мысли скакали, бередя душу. «Почему он уже не раз говорил о времени, почему спешит, может быть, Им знает что-то?» — она не смела касаться этой темы и не хотела об этом говорить».

За ужином Святослав говорил, что завтра они пойдут в его мастерскую посмотреть новую работу, которая уже продана.

— Я не хочу ее отдавать, пока вы не увидите. Я получу кучу денег, и, если вы не против, мы отправимся в Индию. А? Им?

Восторгу Има не было предела, он говорил не раз, рассматривая картинки, что хочет видеть храмы, статуи Будды, город обезьян.

— Мы поедем в январе на твой день рождения, будем где-нибудь в Дели или в Бомбее. Тебе исполнится одиннадцать лет, и это надо отметить.

— Осталось два месяца, надо думать об оформлении документов, — забеспокоилась Лея, мечтавшая об Индии.

В дверь позвонили, Им бросился в прихожую, приглашая гостей пройти. Тина и Вэл с бутылкой шампанского заявили, что у них маленький юбилей совместной жизни и что они, проходя мимо, не смогли не зайти. Им заявил, что он будет официантом, и потребовал у Леи праздничную скатерть.

Не один вечер они проводили вместе. Святославу нравилась эта пара, он сказал как-то Лее:

— Удивительно, как они дополняют друг друга! У Тины интересные прошлые воплощения, но в основном трагические.

Пока Им сервировал стол, Тина села за фортепиано и заиграла концерт Чайковского, эта музыка настраивала на торжественность, и Святослав пошутил:

— Пойду надену смокинг и бабочку.

— Ну вот еще, — взмолился Вэл. — Тина и так к тебе неравнодушна.

Тина остановила игру и, улыбаясь, заявила:

— Да, неравнодушна.

— Да разве можно быть равнодушной к моему Славу! В него все женщины влюбляются.

Слав обнял Лею и крепко поцеловал ее в губы.

— А мне хоть пропадай, — капризно пошутил Вэл.

— Да иду, иду, мой дорогой, — и Тина ласково поцеловала Вэла в макушку.

Выпив бокал шампанского, Тина спросила:

— Святослав, ты прошлый раз говорил мне о планете Херон. А скажи, почему такое чувство, что мы все знаем друг друга давно?

— Это потому, что когда-то мы все принадлежали к Ордену Мельхиседека. Потом ты немного запоздала с реинкарнацией. Мы с Леей, чтобы не ошибиться, за последние две тысячи лет встречались пятнадцать жизней. Я был ее братом, потом свекром, потом мужем, был любовником. А в двух жизнях она была мужчиной, а я женщиной, у нас была большая любовь. С тех пор мы каждый приход на Землю ищем друг друга, предчувствуя встречу, но это не всегда получалось. Бывало так, что я заканчивал земную жизнь, а она только рождалась, или наоборот. Поэтому мы близки вечно, кто-то из двоих это острее чувствует, другому нужно время, чтобы сработал «магнит», притяжение.

— А почему меня тянет к вам обоим? — шутила Тина.

— Именно потому, что мы принадлежали к очень мощным Духовным Орденам. В Ордене Искателей мы

посвящали себя тайным наукам и открытиям, стояли за Братство Человечества. Потом трое, без Вэла, принадлежали к Ордену Тамплиеров, это было в 1118 году во Франции, когда Возлюбленный Сен Жермен был рыцарем тамплиеров и все мы имели отношение к сирийским Братствам. Мечтали о новой Атлантиде, было много поисков, ошибок.

— Ничего себе, — замороженно протянул Им.

— Господи, как вам удастся вспомнить, это фантастика, такое впечатление, что вы без возраста, — удивлялся Вэл.

Слав улыбнулся и сказал:

— Так и есть, я вечный, — и громко рассмеялся, — все дело в памяти.

— А я ничего не могу вспомнить, ну ничего, — огорчился Вэл.

— А хочешь, я постараюсь напомнить? — Слав сосредоточился и стал говорить без остановки: — В 303 году в Британии был преследуем за христианскую веру и присутствовал при мученической смерти Альбана, был при масонском братстве, присутствовал при тайных посвящениях. В 1123 году служил во Вселенском соборе храма Святого Иоанна в Риме, пел в нем (это был первый христианский храм).

Вэл напряженно слушал, и его лицо менялось, он был взволнован.

— Ах вот почему ты такой приверженец христианства. Намучился, мой дорогой, за века, теперь тебя не свернуть с натопанной дорожки, — пыталась перевести в шутку то, что услышала, Тина.

Вэл серьезно думал над словами Святослава, словно что-то анализируя, разбирая, потом подошел к нему и крепко обнял.

— Па, я потрясен, ты что, обо всех знаешь?

— Что ты, сынок, это невозможно, а ну берись за свое дело, ты же обещал руководить нашим вечером, включай музыку.

Все начали танцевать

— Мы с Леей — люди Земли, — смеялась Тина, — нам везде хорошо с Богом: в христианстве, в буддизме,



в исламе, — подпрыгивая в танце, словно дразня Вэла, продолжала шутить Тина.

— Потому что вы обрели Свободу, за которую стоит Сен Жермен, посвящая свою жизнь тому, чтобы все люди единились и были свободными, — подхватил Слав, окружив в танце Лею.

— К столу, — скомандовал Им, — пока вы танцевали, я приготовил чай.

Наговорившись и навеселившись, хозяева пошли провожать гостей.

\*\*\*

Самолет приземлился в Дели. Январское солнце и зеленые деревья, клумбы с цветами привели Има в восторг. Прекрасный номер и чудесный шведский стол в ресторане демонстрировали разнообразие и фантазию индийских кулинаров. Запах сандала и других благовоний напоминал, что они попали в другой мир. В январе проходило много праздников, которые не только приносили радость и открытие, но и подчеркивали вечные традиции этого необыкновенного народа. Праздников, где культ могучего слона возводился в очень важный ритуал, когда слон и человек сотрудничали в полном взаимопонимании. Присутствовали на индийской свадьбе, удивительно ярком и красочном зрелище, в полном смысле утопающем в цветах. Венки оранжевых цветов, брошенные на жениха и невесту, гирлянды цветов, развешанных вокруг молодых, рассыпанные по земле розовые лепестки делали картину жизни словно нарисованной. Всю эту экзотику сопровождала, казалось, неземная музыка. Много зрелищ наблюдали на воде: как мчались удивительные лодки, напоминающие древние пироги. А сколько радости принесло купание в Индийском океане, в этой прозрачной голубой ласкающей воде! Им вырослел как-то резко. Все производило на него впечатление, все пытался запомнить, а Слав рассказывал ему о Бомбее и Дели, словно он здесь жил. Были во многих музеях, посетили знаменитый Тадж Махал и многие незабываемые храмы Индии. Им спрашивал Слава о Вивакананде, Шрианурабиндо, их мировоззрении. Его интересовали индийские

касты, история сидхов. Как же им было интересно! Славу хотелось передать те большие знания, которыми он владел, а Им желал все впитать в себя. По вечерам, когда они добирались уставшие до отеля, Им забрасывал Славу вопросами. Тот рассказывал ему о Падмасамбхаве, который рано стал общаться с мудрецами и магами и в раннем возрасте уже прославился на всю Индию своей ученостью. В 700 году именно Падмасамбхава объединил враждующие племена буддийской верой.

— А у него были ученики? — спросил Им.

— Да, он отобрал двадцать пять учеников и открыл для них самые секретные формулы.

— Папа, а он жил только в Индии?

— Нет, он пятьдесят лет прожил в Гималаях, но, часто путешествуя по Тибету, принес их народу науку Индии, познакомил с индийской литературой. Когда он отправился на Цейлон, спрятал много книг, рукописей, секретных бумаг в священных пещерах.

— Вот бы найти эти рукописи! Я теперь буду об этом мечтать.

Индия произвела в мировоззрении Има кардинальный переворот. В самолете он рассказывал своему сверстнику об Индире Ганди, о музеях. Лея и Слав радостно наблюдали, как он взрослеет благодаря знаниям.

— За два года он многое освоит, — говорил удовлетворенный Слав.

— Почему за два? Пусть естественно развивается, нельзя его перегружать

— Девочка моя, ты все забыла, — сказал Слав, заглядывая ей в глаза.

Лея смутилась, молниеносно вспомнив о временной цикличности, связанной с цифрой три.

— Папа, — позвал Им, — а Игорь, — он показал на мальчика-соседа, — не был на том месте, где проходил ритуал сожжения философа и борца за свободу Ганди. Правда, он много потерял?

— Но, наверное, он что-то другое посмотрел, — ответил Слав.

Потом мальчики с увлечением говорили о йогах, змеях, городе обезьян.

— Представляешь, — рассказывал Игорь, — одна малюсенькая обезьянка прыгнула мне прямо на голову.

— Испугался? — выжидательно спросил Им.

— Конечно, во-первых, я не ожидал, а во-вторых, она стала рыться в моих волосах и искать там насекомых.

И мальчишки залились беззаботным, озорным смехом.

Лея поправила на себе шелковое сари. Она огорчалась из-за того, что, подлетая к аэропорту, переоденется во все теплое, как никак январь.

\*\*\*

Иму пошел двенадцатый год. Он стал причесывать волосы набок и смазывать их индийским маслом, которое купили в Бомбее. С такой прической он стал выглядеть серьезнее и старше. Вечерами они подолгу сидели со Славом, Им спрашивал, а Слав отвечал. Занимаясь, Лея иногда прислушивалась к их разговору:

— Папа, а если отец и мать Иисуса принадлежали к колонии есеев, то кто был Иисус, тоже есей?

— Естественно, он унаследовал лучшее от родителей. В то время это была очень духовная секта, ее люди давали обет чистоты. Семьи их зарабатывали на жизнь разными ремеслами, чаще связанными с физическим трудом, они были высокообразованными скромными людьми, мудрыми и благородными. Многие из них были из рода царя Давида.

— Папа, я хочу быть Иисусом. Это можно?

— Конечно, сынок, если ты будешь жить по совести, любить землю и видеть в каждом человеке его лучшие стороны. Если ты будешь ко всем относиться с состраданием и пониманием, то в тебя войдет Свет и ты будешь его излучать в виде радости и уважения к другим людям. Если научишься ответственности и бесстрашию, пойдешь по следам Иисуса. Понял?

Им отвернул лицо, и Святослав нахмурился

— Ты что, плачешь, что-то не так?

— Нет, я просто не могу выразить, как я люблю тебя, как мне хочется все время говорить с тобой.

— Я счастлив, сын. Грустить нет причины. Представляешь, сколько еще у нас с тобой будет интересных разговоров.

Лея, наблюдавшая эту сцену, почувствовала, как ее глаза наполнились слезами. Она понимала, что Им предчувствует то, о чем никто из них не говорит, но успокаивала себя, что сейчас они все счастливы, а потом будет еще лучше, Им подрастет и станет радовать Слава, и они все вместе много сделают полезного. Настроение нормализовалось, и она словно снова переживала ту радость, которую дает дружная семья. Она громко и весело позвала:

— Мальчики, ужинать, — и, подойдя к ним, крепко их обняла.

\*\*\*

Им уже заснул, а Лея, наведя порядок на кухне, села за свой стол работать. В соседней комнате работал Святослав.

— Ты не хочешь сделать перерыв? — сказал, заглядывая, Слав, — мне кажется, я не видел тебя вечность.

Улыбаясь, Лея пошла в распахнутые объятия Слава, и они, обнявшись, долго смотрели в глаза друг другу. Казалось, через века они читали какую-то важную информацию, вглядываясь в глубокие зрачки, будто вспоминая что-то. Тепло и нежность переполняли их души, они были словно одно существо, которое слушало единое биение сердца. Слав первым нарушил это магическое молчание:

— Вот так ощущала себя наша Монада, рождаясь в радости и любви Творца. Мы неразлучные, как бы ни складывались обстоятельства, у нас впереди — бесконечность.

Лея уловила слово «обстоятельства», но не хотела об этом говорить, был вопрос, который ей очень хотелось задать. Святослав мгновенно поймал ее мысль и ласково прошептал: «Спрашивай».

И она решилась:

— Ты знаешь, я никак не могу понять, почему у меня было ощущение, словно я находилась за пределами

Земли, когда связывалась с тобой телепатически. Ты сказал, что есть вещи, которые передаются только таким способом, и я хочу понять.

— Ты умница, я действительно был не на Земле и очень тосковал о тебе. У нас совпали желания и вибрации притяжения, поэтому я сумел по особому каналу передать тебе то, что сейчас на Земле заблокировано. Вне Земли включаются дополнительные клетки мозга, которые могут работать только в четвертом измерении.

— Где ты был?

— Я был в Космосе, где за сферической мембраной находился громадных размеров, в несколько километров, корабль.

— Что за корабль?

— Корабль сирианцев, который из любви к людям три года работал над экспериментом.

— Расскажи, милый, мои возможности ограничены, и, если можно, я бы хотела знать подробности. Что за эксперимент?

— В связи с тем, что на протяжении миллиардов лет над Землей накапливается гелий, началась новая реакция, которая образует гелий, а это вело к катастрофе. Земля могла сгореть, и все человечество погибло бы. Сирианцы стали искать способы спасения человечества. Получив разрешение Галактической Команды, Верховный Совет Сириуса организовал работу, которая состояла в том, чтобы защитить и изменить сознание человека так, чтобы он об этом не знал.

— Но как это осуществлялось?

— Корабль сирианцев был направлен в четвертое измерение земли. На восьми вершинах поля тела Света планеты поместили особые космические объекты и особый лазерный луч, который был направлен к северному и южному полюсам Земли. Достигнув центра Земли, он создал уникальное голографическое поле вокруг каждого человеческого существа. Таким образом вокруг Земли образовалась защитная оболочка, которая защитила ее от смертельного огня Солнца. В течение двух лет человечество было как бы запрограммировано с целью быстрого духовного роста.

Лея смотрела на Слава и понимала, что он больше того, что она и окружающие видят в нем, что его участие в том, что он поведал ей, говорит о причастности к более высоким существам. Думалось, что действительно человечество стало быстрее развиваться. Открылись многие ранее скрытые знания, появилась в свободной продаже духовная литература со всего мира. Святослав словно наблюдал за ней, а потом, улыбаясь, сказал:

— Всеу свое время, а мы живем в ускоренном времени. Пентагон уже имеет компьютер, который за секунду может вычислить то, на что обычному компьютеру потребуется тридцать тысяч лет.

Она кивнула. Когда Лея находилась рядом со Святославом, она обретала одновременно два дополняющих друг друга ощущения: чувство всеобъемлющей любви и устремленности в будущее.

— Папа, прости, я подслушал ваш разговор, — слышался голос Има.

Оба обернулись и увидели стоящего в пижаме Има.

— Я слушал, затаив дыхание, прошу, расскажи мне об этом корабле. Если бы ты знал, как мне это интересно.

— Хорошо. Пусть мама немного поработает, а мы с тобой побеседуем. Пойдем к тебе, — и они ушли в комнату Има.

Чем больше Лея находилась рядом со Славом, тем больше он казался ей недостижимым. Вчера ночью, когда она проснулась, увидела крошечные искры, которые отлетали от его ступней и кончиков пальцев рук. Он спал, а может быть, был далеко отсюда. Она листала книгу, но поняла, что заниматься не станет. Откинувшись на спинку стула, она стала прислушиваться к голосам дорогих ее сердцу мужа и сына.

— А с земли этот корабль можно было увидеть?

— Нет, сынок, у него была специальная маркировка.

— А корабль красивый?

— Он сверху черный, а внутри все белое. Мебель имеет очень красивую форму, ощущение, что ты в художественной галерее. Сами они пользуются психотроникой, земляне еще не знают этой технологии, и тебе еще рано это знать.

- А какие сирианцы? Как одеты?
- Они высокого роста, одеты в белые одежды с большим орнаментом на левом рукаве.
- Если они заботятся о людях, значит, их сознание выше?
- Да, сынок, их сознание выше, они живут в другом измерении, и наша задача — работать над Пробуждением сознания тех, кто еще очень многое не может принять и впустить в себя здесь, на Земле.
- Папа, а я смогу, как ты, много понимать и знать?
- Конечно, ты пойдешь еще дальше. Дети всегда должны быть умнее родителей.
- А ты Расскажи мне...
- Нет, сынок, на сегодня хватит. Давай спать, — сказал Слав и ласково потрепал Има по волосам.
- Лея, как ты? — спросил он, входя в кабинет. — О чем думаешь?
- Думаю о сирианцах. Я многое поняла.
- Пока немного.
- Лея удивленно смотрела на мужа.
- Пока твоя память удерживает только некоторые впечатления, поэтому ты многое не можешь вспомнить. Придет время, и твоя долгая жизнь будет как на ладони. Непрерывность памяти — это и есть непрерывность жизни.
- Понимаешь, Слав, я счастлива, что помощь Земле идет. Если бы люди знали об этом, может быть, они были бы добрее друг к другу.
- Помощь идет давно, еще со времен Атлантиды, когда марсиане, погубив жизнь на своей планете, переместились на Землю. Поскольку они по природе, агрессивны, то стремились к тому, чтобы найти средство для подчинения землян. Их интеллектуальный и логический мозг вычислил этот путь. И путь этот был в создании тела Света Мер-Ка-Ба. Поскольку они не обладали высокими нравственными качествами, необходимыми для такого ответственного процесса, то стали создавать искусственное поле Света, благодаря которому рассчитывали влиять на землян. Представь себе, они добились этого. Атлантида погибла, а те из марсиан, кто уцелел, не смогли подпитывать поле Света, чтобы воздействовать

на психику землян, и это поле стало неуправляемым. За тысячи лет это поле стало совершать разрушительную работу в Космосе. Разбалансированное поле стало причиной войн, конфликтов, семейных проблем. Эта угроза была не только проблемой Земли. Приняв глобальные размеры, она стала проблемой Космоса. Вознесенные Учителя были встревожены. В своих молитвах они обращались в Высшие Уровни Сознания. Вознесенные Учителя и галактический Совет приняли решение создать решетку Сознания Христа.

Именно этим и занимался корабль сирианцев.

— Кое-что я припоминаю, но мне бы хотелось знать, как ты там оказался?

— Об этом я тебе расскажу, когда настанет время.

Лея прижалась к Славу и прошептала:

— Хорошо, хорошо, дорогой.

— Все в нас, любимая, все — и жизнь, и смерть, и прошлое, и будущее. Главное — понять это человечеству.

— Да, ты прав, человек живет обстоятельствами, сражаясь с ними и сетуя на судьбу, именно это перекрывает реальность.

— Все естественно, милая, и придет время, когда человечество сделает большой скачок в сознании, и тогда будут открываться тайны мироздания.

— Но, милый, чем больше будем открывать, тем больше будет неизведанного.

— Вот ты и определила одну из тайн познания, — и они оба, довольные, рассмеялись.

— В этом-то и чудо, красавица моя, — Слав покрывал поцелуями лицо Леи, сжимая ее в объятиях.

\*\*\*

В такие дни Им был особенно торжественный. Он разгуливал по выставке отца, и гордость переполняла его душу. В зал вошли девочки-ровесницы, и первое его желание было — как-нибудь проявить свою причастность к этим прекрасным скульптурам. Ему хотелось крикнуть: «Это все сделал мой отец, своими руками!».

Девочки обратили на него внимание, и та, что со светлой косой, спросила:

— А вы не знаете, где книга отзывов?



Им удивился:

— Но вы ведь только что пришли.

— Что вы, — подняла брови вторая девочка, — мы уже третий раз приходим.

Им растерялся и выпалил:

— Меня зовут Им, я вам очень благодарен.

— За что? — удивилась беленькая.

— Как за что? За то, что у вас хороший вкус, за то, что вы тоже часто сюда ходите. А какая скульптура вам больше понравилась?

— Мне все нравятся, особенно на библейские темы,— ответила темненькая, рассматривая Има. Им, в свою очередь, разглядывал эту девочку, его привлекли ее глаза, бурые с зеленым, и ему подумалось: как у мамы. Девочка смутилась и пошла к скульптуре Моисея. За ней направилась светленькая, и Иму показалось нелюбезным не последовать за ними.

— Мне тоже эта работа очень нравится. Поза, которую выбрал папа, по-моему, очень удачная.

Девочки переглянулись, и беленькая, расширив глаза, с интересом спросила:

— Так это ваш папа?

— А откуда вы знаете?

— Так вы же только что сказали.

— Да? — не понимая, спросил Им, и все, не сговариваясь, рассмеялись.

Вошли Слав и Лея, они говорили о летней поездке с выставкой по волжским городам.

— Не беспокойся, дорогой, я тебе буду помощницей.

— Я доволен тем, что у Има каникулы и мы сможем разъезжать семьей.

Перед закрытием выставки народу было уже немного, и они, заметив, как увлеченно Им беседует с девочками, направилась к ним.

— Здравствуйте, — поздоровались Слав и Лея.

Девочки растерянно смотрели то друг на друга, то на Има.

— Знакомьтесь, девочки, это мои папа и мама, они любят, когда их называют по имени. Папа — Святослав, можно Слав, да, папа? А мама — Галлея, можно Лея.

Девочки как-то неуверенно, по-видимому от смущения, улыбались, и вдруг, спохватившись, светленькая первой назвала свое имя:

— Я Жанна, полное имя Жаннет.

— А меня зовут Мона, полное имя Симона, — и она обратилась к Славу: — Мы в восхищении от выставки, хотим написать отзыв и не знаем, как это сделать.

Има переполнял восторг, он был так счастлив, будто ему дали премию. Он торопливо заговорил:

— Мама, папа, давайте пригласим девочек к нам на чай.

Лея никогда не видела, чтобы Им был так открыт перед едва знакомыми, но Слав поддержал его:

— Конечно, не откажетесь, девочки?

— Я не знаю, — смутилась Мона.

— Конечно, пойдем, а маму предупредим по телефону.

— У вас что, одна мама? — недоумевал Им.

— Конечно, одна, потому что мы сестры.

— Вот это да! Здорово!

— Тогда пойдемте к машине, — скомандовал Слав.

Довольный Им повел девочек к машине, а Лея и Слав загадочно посмотрели друг на друга, пожимая плечами.

— Но когда-то же это должно было случиться, — смеялся Слав, а Лея, склонив набок голову, развела руками и ответила:

— Се ля ви, такова жизнь.

\*\*\*

— Мама, Мона звонила?

— Нет, сынок.

Им тщательно приглаживал волосы, критически осматривая себя в зеркале.

Раздался звонок, Им бросился к телефону.

— Мам, тебя, — сказал он, разочарованно протягивая трубку.

— Слушаю. Очень рада. Рина, дорогая, ждем с нетерпением. Завтра? Конечно, милая. Сходим в театр или в парк. Сейчас хорошая погода, еще тепло. Что? Выставка была чудесной. Посетили семь городов. Столько интересных знакомств и событий! Приедешь, расскажем.

— Мамочка, дай трубку, — попросил Им, — Рина, я жду тебя, приезжай, мы тебя любим. До встречи.

Им пытался читать, но Лея видела, что он бродит с книгой по квартире в ожидании.

— Им, — обратилась к нему Лея, — как дела в школе?

— Хорошо, — ответил он коротко.

— А Мона в какой школе учится?

— В специализированной, с уклоном на иностранные языки. Она изучает сразу три: английский, французский и немецкий.

— Какая умница, почему ты мне об этом не говорила?

— Ты не спрашивала.

— Они сестры, но совсем не похожи, правда, сынок?

— Да, совсем.

— Ты чем-то взволнован?

— Знаешь, мама, по-моему, она меня неправильно поняла, мы гуляем в парке всегда втроем, и я сказал Жанне, что у нее красивая коса.

— Ну и что?

— По-моему, Мона обиделась. Понимаешь, она мне очень нравится, но ей я не могу сказать, что у нее красивые глаза.

— Почему?

— Ну не могу, и все.

— А где девочки были летом?

— С родителями в Греции, потом на даче. Жанна увлекается археологией, а Мона над ней подшучивает, говорит, что на даче делает подкопы, ищет цивилизации, — Им засмеялся. — Вообще они хорошие девочки, с ними интересно, — глаза его потеплели, и он продолжил: — Мне хочется сохранить с ними дружбу.

— А почему ты думаешь, что потеряешь ее?

Раздался телефонный звонок, Лея взяла трубку.

— Алло. Дома. Конечно, можно, — она заговорщически улыбнулась и протянула трубку Им.

— Алло. Здравствуй. Куда уехала? Надолго? Но это же здорово. Она быстрее освоит французский. Спасибо. Что? Диктуй, — он зажал трубку рукой и прошептал: — Мамочка, подай ручку, мне надо записать адрес.

Леля подала ручку и стала наблюдать за сыном, как он торопливо записывал. Потом, положив трубку, встал и быстро ушел в свою комнату. У Лей было много дел, но душевное состояние сына ее волновало. Слав находился в командировке, и на его помощь она не могла рассчитывать. Подождав немного, она тихонько постучала к нему.

— Сынок, можно? — открывая дверь, тихо спросила Леля. — Ну что случилось?

Им лежал вниз лицом и плакал.

— Сыночек родной, все же хорошо. Помнишь, Слав тебе говорил, что обстоятельства — это испытания? Если ты продолжишь на них так реагировать, они тебя подчинят и ты будешь от них зависеть.

Он поднял голову, сел. Леля опустилась рядом и продолжала:

— Жизнь тем и интересна: то разлуки, то встречи. Это же здорово.

— Ты так думаешь?

— Конечно, — она обняла сына, и он, улыбнувшись, сказал:

— Я должен радоваться, а мне грустно.

Леля выжидательно молчала, она не хотела лезть в душу сына, но он, помолчав, продолжил:

— Ее пригласили на год во Францию, в семью. Обмен, понимаешь. А к ним прислали девочку из Франции, Жанна рассказала.

— Ну и чудесно, Мона приедет на каникулы.

— Мапочка, я об этом не подумал, — повеселел Им, — действительно, время пролетит быстро.

Леля услышала возню возле двери и, быстро встав, направилась в прихожую. Улыбающийся Слав сказал:

— Что-то дверь меня не впускала, никак не мог справиться с ключом. Милые вы мои, — Слав крепко обнял Лею, — я так соскучился и приехал раньше. Где Им?

Им, пулей вылетев из комнаты, бросился обнимать отца, а Леля, довольная, пошла наполнять ванну.

— Сейчас немного приду в себя, и сможем сегодня вечером втроем совершить путешествие, а, Им?

— Я очень этого хочу. Каждый день тренирую дыхание. Мне мама помогает.

— Как она? Много работает?  
— Да, как приходит с работы, сидит все время за письменным столом, пишет.  
— А ты ее отвлекай и развлекай, ты же моя надежда.  
— Конечно, надежда.  
И они стали бороться, повалившись на диван.  
— Слав, ванна готова, иди, милый.  
Слав пошел купаться, а Лея и Им стали хлопотать на кухне. Через десять минут запах корицы, печеных яблок и пышных оладушек аппетитно распространился по квартире.

\*\*\*

— Папа, а когда я смогу, как вы с мамой, совершать путешествия за пределы Земли?  
— Тогда когда усвоишь необходимые уроки. До двенадцати лет ты должен развить воображение, мы с тобой уже об этом говорили.

— Па, а визуализация — это то же, что воображение?

— Немного не то же. Например, ты можешь себе представить, что летишь над морем. Ты видишь облака, волны, синеву воды, плывущие корабли. Ты представляешь их в своем воображении. А визуализация — это удерживание объекта, когда ты видишь море, то четко ощущаешь его: как, ныряя, вода охлаждает твою голову, тело, как она ласкает тебя, как соленая вода попадает тебе в рот, в уши. То же самое, когда ты призываешь Фиолетовое Пламя, ты визуализируешь, как оно охватывает тебя, очищая, словно растворяет твою боль, обиду, ты чувствуешь, как оно словно просачивается сквозь клетки тела, сжигает в тебе гордыню — все то, что мешает тебе становиться лучше, увереннее. Ты чувствуешь освобождение где-то там, в груди, в солнечном сплетении, где была тоска, боль.

— Папа, а можно любовь выжечь?

— Любовь? А зачем любовь выжигать? Любовь — это счастье, это нормальное состояние человека, без любви человека как бы и нет. Я не совсем понимаю, о чем идет речь? Что тебя тревожит?

— Симона уехала на целый год, и я никак не могу спать. Все время просыпаюсь, и у меня больно и тоскливо в груди.

— Я поздравляю тебя, сынок, это любовь, это чудесно. Но помни, если человек к чему-то привязывается, он обязательно это потеряет. За жизнь на Земле ты должен научиться любить отстраненно.

— Как отстраненно?

— Ты должен быть счастлив, что к тебе пришла первая любовь, но, если Симона уехала, это же не конец жизни. Во-первых, она вернется, а во-вторых, за это время ты должен подготовить себя ко встрече с ней. Ты должен многому научиться, многое преодолеть, чтобы быть ей интересным. Запомни, разлук не бывает. Бывает время, которое тебе для чего-то отпущено, и ты должен разумно его использовать, ради любви, ради будущей встречи. Чтобы успокоить себя, говори себе: «Воля Бога есть благо», или «Не моя воля, но Твоя, Господи, да сверится», или призови Фиолетовое Пламя. И, где бы ты ни был, на улице, в трамвае, читай эти священные слова и почувствуешь, как тоска уйдет, растворится и ты будешь радостно строить планы на будущее.

— А вдруг она меня разлюбит?

— О, дорогой, вот это мне не нравится, эти мысли гони от себя, это неразумный страх, он ослабляет защитную сеть ауры. Если разлюбит, значит, так надо. Как решат Высшие Силы для твоего блага, так и будет, и ты должен найти в себе мужество принять это. В этом мудрость обретаешь. Помнишь наш с тобой девиз?

— Помню: «Препятствиями — растем, через тернии к звездам».

— Молодец! Лея, мы тебя ждем. Им, отключи телефон, начинаем урок. Так, все сели удобно на стулья. Нет, нет, Им, не в кресло, а на стул, позвоночник не мягкий, расхлябанный, а расслабленный, голову опусти, руки на коленях. Не заставляй меня повторять. Поза кучера, ты помнишь. Так, молодец, готовы? Закрывать глаза. Даю задание: медленно вхожу в полное расслабление...

Теперь мой фантом, то есть двойник, мое энергетическое тело встает и идет на балкон к окну, открывает и стано-

вится на него. Осмотрев все вокруг, посмотреть на небо, увидеть облако, подняться на него и наблюдать за жизнью внизу, потом обменяемся опытом. Задача ясна? Начали...

После упражнения, которое длилось тридцать минут, Им рассказывал, что он видел, а Лея и Слав, довольные, переглядывались: он видел то же, что и они. Все трое пошли на балкон, проверяя себя и друг друга, а потом крепко обнялись.

— Уже совсем скоро будем приступать к упражнениям телепатией, главное не торопиться, надо будет еще потренироваться, это дело серьезное и требует точности и подготовленности, — сказал довольный Слав.

— Папа, когда ты прошлый раз дал мне задание пройти путь от школы, подняться в лифте и открыть дверь, я даже вскочил, чтобы закрыть ее, помнишь? Вот ты смеялся!

— Помню, ты молодец.

Лея, довольная успехами Има, пошла работать над статьей, а Слав решил еще побеседовать с сыном. Он смотрел на лицо Има и видел трепетную душу, которую должен был научить защищаться.

— Давай повторим то, о чем говорили в прошлый раз, ты помнишь?

Им кивнул головой.

— Тогда ответь мне: кто герой и кто мудрец?

— Сейчас, папа, я вспомню. Герой и мудрец — это тот, кто понял, что день, который он прожил в труде, самое великое, что дала ему жизнь.

— Ответь, как понять — свободный человек?

— Это человек, который понял свою цель и в каждодневную жизнь несет радость, когда заботы о своем теле, хозяйственные дела не в тягость, потому что это необходимость... Ну как тебе сказать?

— Ничего, хорошо. А для чего человек стремится к знанию? — снова спросил Слав.

— Чтобы понять, что несчастья нет, что человек несет его в себе...

— Вот видишь, — перебил Слав, — а ты хотел любовь выжечь, потому что показался себе несчастным, а? Так?

— Так.





— Сын, не впускай в сердце тоску и уныние, научись переключаться, это тебя закалит, отвлекись, походи в кино, поговори со мной, с мамой, сходи наконец в спортзал. Не загоняй боль внутрь. Помнишь, мама рассказывала тебе о поверхностном уме и глубинном, помнишь?

— Да, помню: что посеешь, то и пожнешь.

— Совершенно верно, Космический закон «Причины и следствия». Я прошу тебя, Им, не забывай тренировать ум упражнениями. Учись приказывать себе: ощущать голод, сытость, жажду, боль, гнев, любовь. Наблюдай за собой со стороны, анализируй. Тебе уже дали испытание.

— Какое?

— Как какое? Любовь к Моне, а ты и раскис. Следи за собой. Главное — обрести независимость от эмоций, — сказал, улыбаясь, Слав.

— Папа, пожалуйста, не смейся надо мной. Ты только подумай: целый год ее не будет. За это время столько может произойти всего.

— А ты вспомни: «Терпение — доспехи мужества», «Испытание терпением есть высшее испытание». Это мысли Великих, и их надо знать. Думай, Им, думай, все твои победы в преодолении себя. Именно через трудности восходит твой Дух. Когда ты поймешь, что все происходящее меняется, ты будешь спокойнее встречать неожиданности.

\*\*\*

— Лея, я люблю смотреть в твои глаза.

— Смотри, милый, сколько хочешь, — шептала она, обнимая Слава.

— Сколько же цветов в них намешано... и янтарь, и малахит.

— А у тебя небо, озеро, море, и я тону в них наслаждаясь.

— А у тебя радость и свет, и я в них растворяюсь. Они рассмеялись.

— Слав, по-моему, ты хочешь что-то мне рассказать и делаешь медовое вступление.

— Ах ты моя умница, как ты все чувствуешь.

— Дорогой мой, интуиция — это опыт прошлых жизней.

— Точно подмечено. И обо многом говорить еще рано. Через два месяца Иму исполнится двенадцать лет, и я готовлю ему сюрприз. Но я не об этом. Сейчас у Има идет быстрое развитие, его организм перестраивается стремительнее, чем у его ровесников, и сейчас важно дать ему как можно больше информации, потому что в это время он способен стопроцентно ее усваивать. К тринадцати годам я должен очень многое ему передать, поэтому у него увеличится нагрузка, время не ждет.

— Почему ты все время говоришь загадками?

— Это не загадки, а необходимость, я считаю, что внутренне он мало защищен, и здесь наше с тобой упущение.

— В чем?

— Я думаю, у него недостаточно веры, потому что именно вера, резерв — это осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. Он часто растерян, а это потеря энергии.

— А ты себя не помнишь? Ты был другой?

— Пойми, дорогая, Иму предстоит очень большая работа над собой после моего ухода.

— Что ты сказал? — впервые на Лею обрушилась какая-то неотвратимая информация, и она застыла от неожиданности. Он виновато смотрел на нее, понимая, что сказал больше, чем нужно.

Хлопнула дверь, и раздумываявший Им «предстал пред очи».

— О чем речи молвите? — испытывающе улыбаясь, задал вопрос Им.

— О тебе, воин Света, о тебе, родимый, — попадая в тон Има, ответил Слав.

— А что ж не так? Чем не угодил?

— Всем угодил, родимый, но кое-что недостаточно усвоил.

— Сейчас умоюсь и готов принять вызов, — пошутил сын.

— Мальчики, давайте обедать, — Лея пошла на кухню. Стало слышно, как постукивают тарелки, уютно и по-семейному привычно. Слав тяжело вздохнул.

— Пап, я готов, — сказал Им, вытирая руки.

— Если бы ты знал, как необходимо тебе усвоить этот урок, как я хочу, чтобы ты понял важность этих знаний.

— Мальчики, стол накрыт, — донесся голос Леи.

— Понимаешь, Им, вся жизнь человека состоит из желаний и их осуществления, и, если поймешь механизм исполнения того, чего ты хочешь, обретешь мудрость управления ситуацией, в результате — бесстрашие и внутренняя гармония, уверенность, а значит, равновесие, покой.

— Папа, поверь, я очень этого хочу.

— Ну, долго мне вас ждать, мои дорогие мальчики? — не выдержала Лея, входя в комнату. — Пообедайте и говорите сколько пожелаете.

Как по команде они отправились на кухню.

— Мое любимое, — обрадовался Им и стал уплетать морскую капусту с креветками. Лея серьезно смотрела на Слава, он почувствовал этот взгляд и беззаботно улыбнулся. Лея понимала, что у Слава, кроме его художественной мастерской, были более важные дела, о которых они не говорили. Эта тема была закрытой. Периодически он уезжал в командировки, а иногда просил не тревожить его в кабинете, и Лея с Имом охраняли его, являясь по зову. Она тихонько прошептала молитву: «Господи! Отдели и освободи меня от всего того, что меньше Божьего совершенства и моего собственного исполненного божественного плана». Настроение окончательно нормализовалось, и Лея, расцеловав своих мужчин, отправилась в университет.

— Папа, мы продолжим или как? — обратился Им к отцу.

— Конечно, конечно. Ну так вот, чтобы быть последовательным, я прошу тебя, развивай в себе уверенность, учись принимать решения, а если решил, то не сомневайся. Помнишь, что делают сомнения? А?

— Помню, они отнимают психическую энергию, то есть наши силы.

— Молодец. Ты должен помнить, что вера — это сила. Страх, беспокойство, неуверенность — это и есть безверие, именно оно перекрывает путь к исполнению твоих желаний. Ты всего достигнешь, если твои помыслы чисты, ты должен верить в то, что делаешь. Верь в свои силы. Да, бывает нелегко, но ты знаешь, что делать! Обращайся к архангелу Михаилу, к Божественному Направителю, они всегда рядом, призови их — и ответ получишь.

— Па, я это делаю.

— Еще недостаточно. Мой отец когда-то говорил: «Если ты уверен в правильности твоего действия, но у тебя не получается, ты все равно верь в то, что получится». Не отступай, будь последовательным. Не стоит тратить свою жизнь на то, что другие уже прошли, что уже известно. Ты должен научиться использовать опыт тех, кто идет впереди, ты должен много читать. Надо изучать ошибки не только свои, но и исторических личностей, народов, стран. Ну а если все равно оказываешься перед фактом неудачи, не расстраивайся, не тоскуй. Если не получилось — значит, Божественный план не совпадает с твоей волей, значит, Воля Бога должна быть для тебя благом. Понял?

— Да, понял. Как ты думаешь, па, моя дружба с Моей будет продолжаться?

— Да, будет.

— А почему ты так уверен?

— Потому что ты этого хочешь.

И они оба залились таким смехом, что Лея не удержалась и заглянула к ним.

— Послушайте, — вдруг перешел на другую тему Им, — а вы не видели фильм «Земляничная поляна?»

— О, это особый фильм, и его надо смотреть, — сказал Слав.

— Он больше не идет, я пропустил его.

— Не горюй, там основная мысль состоит в том, что человек в молодости в погоне за знаниями и славой просмотрел жизнь своих близких и только перед смертью, анализируя результат своего пребывания на земле, осознал ошибки и свою вину перед родными людьми. Перед уходом из жизни все окружающие видят его преображение.

Лея наблюдала за своими дорогими сердцу мальчиками, и ее сердце пело, она не желала ни о чем думать, ей хотелось остановить эти мгновения, и она, улыбаясь, тихонько вышла.

— Я хотел у тебя спросить вот о чем: все говорят, что идет стремительное загрязнение воздуха, а я прочел, что это ведет к ухудшению памяти людей, притуплению чувств, поэтому по телевизору показывают много

убийств и крови. Люди уже не воспринимают убийство как катастрофу. Это так?

— Вообще да... но в течение дня вибрации многих энергий ведут громадную работу по очищению и поддержанию состава атмосферы.

— А кто над этим трудится, Учителя?

— Нет, это подвластно только Творцу, а Учителя учат, как выходить на эти вибрации.

— Пап, а как бороться людям с загрязнением атмосферы и Земли?

— Вот это задача твоего поколения. Трудиться над тем, чтобы сознание человека изменилось. Чтобы человек по-новому осознал ценность человеческой жизни, значение Земли для Космоса. Все в мире и Космосе связано неразрывно: наши судьбы, судьба планеты, Космоса в целом.

\*\*\*

— Мамочка, мамочка, — приговаривал Им, входя в кабинет, где работала Лея. — Мамочка, я очень счастлив.

— Я рада, сынок, но тебя так долго не было, и я начала беспокоиться.

— Я был с Моной, она приехала на каникулы, и мы гуляли в сквере.

— На улице холодно, могли зайти домой.

— Она рассказывала мне о Франции, так интересно.

— А ты нашел, что интересное ей рассказать?

— Я рассказывал ей о вере, помнишь, мы много говорили и с тобой, и с папой?

— Почему тебе захотелось коснуться этой темы?

— Потому что мне хотелось понять очень важное для нас обоих, я говорил, что если человек серьезно определил для себя задачу и если она благородна и чиста, то Высшие Силы придут на помощь.

— Интересно, что ты хотел этим сказать?

— Мама, неужели непонятно? — Им засмеялся. — Она спросила, есть ли у меня такая задача, и я, конечно же, ответил, что есть.

— Есть?

— Мама, неужели тебе надо растолковывать? Я сказал, что у меня задача и, если хочешь точно, цель не потерять ее дружбу.

Лея подняла брови и молча, выжидательно ждала откровения.

— Ты представляешь, ма, она не смеялась, а сказала, что наши задачи совпадают. Ты представляешь! Я счастлив.

Лея благодарно обняла сына. Его откровение, доверие были для нее наградой, и она сказала:

— Приедет папа, ты ему расскажешь о вашем разговоре, а мне очень интересно, чем она занимается в свободное от школы время.

— Мам, ты спросишь у нее самой, ладно? Но я тебе говорил, что она экстерном закончила музыкальную школу. Если бы ты слышала, как она играет на фоно! Как-нибудь приглашу ее к нам, хорошо? Каникулы быстро пролетят.

— Зачем тянуть? Пригласи ее сегодня. Я свободна. Ты поможешь навести порядок, а я приготовлю что-нибудь вкусненькое. Ну как?

Им смотрел на мать, и его лицо выражало не вмещающуюся в сердце радость, из его глаз словно рассыпались искры радости. Он побежал звонить Моне. А Лея думала о том, как он быстро вырастет.

— Мама, она придет, как здорово, я сейчас протру пол, а ты не забудь яблоки с корицей, для меня нет десерта без твоих замечательных яблок.

— Не беспокойся, все будет в полном порядке, я пошла на кухню.

К приходу Моны Им особенно тщательно убрал свою комнату и на звонок в дверь бросился так стремительно, что, споткнувшись о собственные ботинки, еле удержался от падения, что немало рассмешило Лею.

— Здравствуйте, — поздоровалась, входя, Мона — вот, я принесла к чаю печенье.

— Не надо было беспокоиться, у нас все есть — смутился Им.

— Проходи, Мона, — выглянув в прихожую, улыбаясь, ласково пригласила Лея, — если мама готовила, то это чудесно, попробуем.

Мона прошла, окинув взглядом гостиную, и подошла к картине Слава, на которой были две дороги, которые сливались в одну. Она смотрела, как эти две дороги, образовав одну, устремились на высокий холм, будто в небо, в необыкновенную синеву другого мира, который закладывается здесь, на земле.

— Нравится? Эту картину папа посвятил встрече с мамой.

Мона еще некоторое время рассматривала эту картину, а потом переключилась на прекрасные скульптуры, которые делали гостиную особенной.

— Как у вас необычно, мне все нравится. Я принесла фотографии Парижа, хочу рассказать тебе о прекрасных местах этого удивительного города, — они уселись на диван и стали рассматривать виды Парижа.

Лея заканчивая последние приготовления и подумала о том, что ей очень интересно узнать о родителях Моны. Она, стараясь не мешать, накрывала стол, и настроение у нее становилось все более радостным. Наблюдая за ними, она отметила, что они очень увлечены беседой. Аура Моны нежно-фиолетового цвета говорила о высокой духовности этой девочки.

— Садитесь и продолжите разговор за чаем, — предложила Лея. Мона посмотрела на Лею, чуть покраснела, улыбнувшись, и Лея увидела, как на щеках девочки заиграли ямочки, делая ее лицо очаровательным. Сверкающие зелено-коричневые глаза выдавали принадлежность ее Монады к Сириусу. В голове мелькнула мысль: «Так вот почему у них такое притяжение, они узнали друг друга», и теперь уже радости Леи не было границ. Лея рассматривала нежно-розовую кожу девочки, словно лепестки розы, губы и нежно очерченные, будто удивленные, брови. Лея на мгновение крепко зажмурила глаза, а открыв, ощутила, как от них идет нежный белый Свет. Она явно увидела вокруг них общее поле, похожее на яйцо. Это поле пульсировало и переливалось. У Леи перехватило дыхание: «У них единая Монада, их встреча предначертана, они должны будут выполнять общие задачи». Теперь сомнений не было: это большое событие в жизни семьи.

— Мона, мне очень приятно познакомиться с тобой поближе. Расскажи о своих увлечениях кроме иностранных языков. Ты владеешь тремя?

Мона кивнула и серьезно сказала, что очень интересуется геометрией и физикой. Лее это показалось удивительным и вызвало нескрываемое восхищение столь разносторонним развитием этого милого создания. Лея знала ценность увлечения точными науками.

— Я сейчас работаю над чертежом тетраэдра, потому что потом надо будет его склеивать.

— Да, конечно, это нелегко даже для взрослых, потому что прикасаешься к сакральной геометрии.

— Мне папа говорил, что рано, но мне очень интересен принцип построения пирамид.

— Я знаю, тебе интересно, по каким математическим расчетам построена пирамида Хеопса и подземный колодец на глубине 1800 метров. Да? И по какому принципу там построен подземный город на глубине 12 этажей?

— Угадал! — обрадовалась Мона.

Лея чувствовала, что находится с собеседниками своего возраста, которые знают не меньше ее и у которых через несколько лет она будет учиться. Довольный Им надкусывал печенье и рассыпался в комплиментах маме Моны. Печенье действительно было очень вкусным, и Лея попросила передать об этом ее маме.

— А это передай от нас, — говорила Лея, заворачивая свои фирменные яблоки с корицей и ореховые пирожные. — А чем занимается твоя мама?

— Она математик в научно-исследовательском институте.

— А папа?

— Они работают вместе.

— Ты когда уезжаешь? — спросил Им, — Я как-то даже забыл спросить, потому что не хочу слышать, что скоро.

— Через несколько дней, — дразнила, смеясь, Мона, потом погрустнела и тихо сказала: — До твоего дня рождения, но я хочу сказать приятное. Думаю, для всех нас это будет маленький праздник, — и она снова улыбнулась своими неотразимыми ямочками. — Мои мама и папа приглашают вас всех к нам в гости.



Лея и Им переглянулись.

— Им, не беспокойся, мы все будем ждать приезда твоего папы.

Мона вскочила, порывисто подошла к Лее и, прикоснувшись к ее руке, заглядывая в глаза, спросила:

— А когда он приедет?

— Милые вы мои, он приедет очень скоро, если вы этого хотите, самый большой срок — это три дня.

Им и Мона запрыгали и закричали: «Ура-а-а!».

Перед Леей снова были дети, которым не терпелось поиграть.

— Потанцуем? — озорвал Им.

— Втроем, — ответила Мона, глядя на Лею.

— Хорошо, с удовольствием, — сказала Лея и торопливо надела туфли на каблуке. Им включил музыку, и они, балуясь, начали отплясывать, изображая картинки времен. То быстрый танец, который переходил в чарлстон, то медленный, переходящий в вальс-бостон. Вечер был чудесный, все насмеялись, нашутились, и в прекрасном настроении Им пошел проводить Мону.

\*\*\*

— Им, посмотри, какая россыпь звезд, просто чудо, я никогда такого не видела, — радостно говорила Мона, коснувшись его руки. Они одновременно почувствовали сильный электрический разряд и вопросительно посмотрели друг на друга.

— У тебя так бывало?

— Нет, — ответил Им, улыбаясь, — мама рассказывала, что у них с папой это бывает часто. Вероятно, наши энергии дополняют друг друга.

Мона растерянно пыталась перевести разговор на другую тему.

— Мне скоро уезжать, Париж имеет какую-то свою особенность, которая... — и она вдруг побежала к своему подъезду.

— Мона, подожди, ты куда? Я могу завтра помочь тебе склеить тетраэдр.

Мона остановилась, потом, подойдя к Им, коснулась его щеки ладонью и сказала:

— Дело в том, что человек должен сам склеить его, потому что нужно ощутить в нем поток воздуха.

При лунном свете глаза Моны так сверкали, что Им стоял замороженный, а Мона поднялась на цыпочки и нежно поцеловала его в щеку.

На мгновение Им замер, огонь охватил все его существо, он не мог произнести ни слова, не мог сдвинуться с места, словно врос в землю. Мона засмеялась, побежала к двери своего дома и скрылась в подъезде.

Им не мог уйти, он немного отошел, чтобы ему было видно, как зажжется свет в ее комнате. Она словно почувствовала, что он смотрит, зажгла свет и подошла к окну. Им ощутил горячую волну мощного чувства, бушующего в груди, которому он не мог сопротивляться, слезы застилали его глаза, и он подумал: «Как я буду жить без нее!». Она стала на подоконник, открыла форточку и, выбросив записку, выключила свет. Им понял, что она ушла в гостиную к родителям. Он подобрал записку и, зажав ее в руке, быстро зашагал домой. Он вошел к себе в комнату, зажег свет и прочел: «Ты моя судьба». Им медленно опустился в кресло и долго сидел, обалдевший от серьезности этих слов, а когда вошла Лея и увидела странное, совершенно незнакомое лицо сына, то услышала:

— Мама, я хочу жениться.

Лея подумала, что ослышалась, и медленно опустилась в соседнее кресло, но он повторил:

— Мама, я хочу жениться.

Эти слова ошеломили ее, и она, сев на подлокотник, крепко обняла сына. Они сидели так некоторое время.

— Хорошо, хорошо, сынок, пойдем на кухню.

\*\*\*

Дверь распахнулась, и счастливый Слав бросился обнимать Има и Лею.

— Милые вы мои, а у меня для вас сюрприз: день рождения Има будем праздновать на горе Синай в Иудейской пустыне.

Пауза... и все трое закричали: «Ура!». Им прыгал от восторга, а Слав предупреждал, что времени нет и что за неделю надо оформить документы. Он открыл чемодан и,

улыбаясь, начал доставать подарки: Иму привез нежно-фиолетовую рубашку и светлые вельветовые джинсы, от которых тот был в восторге, а Лее — совершенно необыкновенный берет и изящной вязки костюм изумрудного цвета.

— Им, — радостно говорила Лея, — наш папочка будто знал, что мы приглашены в гости и должны быть неотразимы.

Они бросились его целовать и благодарить.

— Так куда мы приглашены? — спросил Слав, раздеваясь и направляясь в ванну.

— Пап, можно с тобой в ванну?

— Конечно, — с гордостью ответил Слав, который накануне трудился вместе с рабочими, чтобы увеличить ванну в три раза. Лея пошла на кухню накрывать стол. Слова Има не выходили у нее из головы, но теперь со Славом они решат любые проблемы.

— Папа, у меня к тебе серьезный разговор.

— Я весь — внимание, — ответил Слав, намыливая голову.

— Нет, я не могу здесь, прости, ты с дороги, а я тебе морочу голову. Я подожду, ты должен расслабиться в ванной, полежать. Успею. Я пойду помогу маме, — сказал Им и, глубоко вздохнув, вышел.

— Мама, я не знаю, как начать разговор с папой, — словно себе, говорил Им, расставляя тарелки.

— Мы обсудим вместе, что взять с собой, когда будет известно, сколько времени продлится путешествие.

— Я не о том, ты прекрасно знаешь, о чем.

Лея посмотрела на Има и поняла, что этот разговор начнется быстрее, чем она предполагала, и промолчала.

— Им, — позвал Святослав, выходя из ванны, — ты представляешь, мы поднимемся на Моисееву гору, где Господь дал скрижали библейских заповедей, по которым надо жить человечеству. Ты доволен?

— Очень. Папа, это королевский подарок, я благодарен и буду ждать этого путешествия, но, понимаешь, у меня есть неотложный разговор, и я не знаю, как его начать.

Слав посмотрел на Лею, потом на Има, в его глазах мелькнуло любопытство и догадка о том, что речь пойдет о сердечных делах, о Моне.

— Я слушаю тебя, сынок, буду рад, если окажусь полезен.

— Папа, я хочу, чтобы ты меня понял. Возникла проблема в жизни. Я один не в состоянии ее решить и все больше понимаю, что она неразрешима, — глаза его наполнились слезами, он прижал руку отца к сердцу и продолжил: — Я первый раз не знаю решения, вернее знаю, но будут препятствия, и это меня убивает.

— Постой, постой. У тебя есть я и мама, и если тебе трудно решить какую-то проблему, то мы рядом, мы поможем.

— Нет, вы не поможете, и это перекрывает мне радость жизни.

Слав испугался, встряхнул Има и серьезно спросил:

— Что за проблемы?

— Я хочу жениться, — выпалил Им.

Слав на некоторое время замер, потом рассмеялся, глядя на Лею, и весело пошутил:

— Так в чем дело?

Им встал, посмотрел на родителей и сказал:

— Жаль, что вы так к этому относитесь. Мне больше лет, чем вы думаете. Для меня это вопрос жизни.

Лея и Слав молчали, но сказать что-то утешительное было просто необходимо.

— Им, — ласково произнес Слав, — в таком возрасте в нашей стране не женятся.

Им бросился к нему на грудь, приговаривая:

— Придумай что-нибудь, придумай!

— Придумал, — вдруг решительно сказал Слав. — Лея, давай их обручим, это не ново. Если родители Моны не против, почему бы не решиться на этот ответственный шаг?

— Папочка, для меня главное, если я буду знать, что она у меня есть. Я боюсь ее потерять. Сегодня нас ударил электрический разряд, когда мы взялись за руки, как у вас, мама рассказывала.

— Им, а искры были?— серьезно спросил Слав.

Им смотрел на отца, не понимая, шутит он или серьезно говорит, и тихо прошептал:

— Были.

Все трое рассмеялись.

— Ну, мама, — сказал Слав, вставая, — значит, целью нашего визита будет не только знакомство с родителями, но и заключение особого союза. Когда приглашены?

— Завтра, — в один голос ответили Им и Лея.

С Имом стало происходить что-то невероятное. Он вдруг начал петь и рыться в книгах, искать материалы по горе Синай. Он восхищенно говорил о том, что это дорога Христа 2000 лет назад и что это невероятно, потом подошел к Лее и Славу, которые наблюдали за ним, и серьезно сказал:

— Человек на Земле очень незащищен, и как важно, что родители — спасение детей, — потом склонил голову на плечо Леи и продолжил: — Человек, Огненный Дух и пришел на Землю, воплотившись в форму, чтобы преодолеть испытания. Спасибо за помощь.

\*\*\*

— Проходите, пожалуйста,— говорил папа Моны. Высокий и элегантный мужчина, он светился открытым гостеприимством. Лея отметила правильные черты его лица и мягкий баритональный голос. Мона была похожа на отца, это стало понятно сразу.

— Григорий, — протянув руку Лее, сказал папа Моны.

Войдя в гостиную, Лея попала в объятия мамы Моны, которая была так приветлива, что не стала скрывать своего расположения и радости от знакомства. Тоже высокая, с копной пшеничных волос, с серо-зелеными глазами, прекрасным цветом лица, она излучала такое расположение, что Лея поняла: они встретились со своими людьми.

— Эва, — протянув руку, сказала она, — полное имя Эвелин. Мона так много рассказывала о вашей семье, что я сгорала от желания познакомиться, и Григ тоже ждал встречи с вами.

Мужчины прошли в кабинет, о чем-то оживленно беседуя, оказалось, они были знакомы и встречались на каком-то крупном симпозиуме, где Григ делал доклад об энергетической системе человека, а Слав был его оппо-

нением. Довольные, они вышли в гостиную. Жанна как-то по-новому смотрела на Лею и Слава. По всему было видно, что все происходящее вызывает у нее интерес и удовольствие.

Светлая прекрасная коса делала ее похожей на юную русскую княгиню. Жанна перехватила ищущий взгляд Има и Леи и поспешила их успокоить: Мона готовит слайды Парижа, которые хочет обязательно показать гостям. Эва сокрушалась о том, что так долго живет в этом районе, но никогда не встречала Лею.

Стол был прекрасно накрыт, но никто не спешил за него садиться. Григ показывал фотографии из Греции, где они путешествовали семьей, а Жанна вызвала восхищение своей коллекцией редких бабочек и жучков. Из своей комнаты вышла Мона, Лея впервые увидела ее с распущенными, пышными и красиво спадающими по плечам волосами. Она была очень смущена. Белая блузка с классическим воротничком была украшена плиссированным коротким галстуком, поверх нее — розовый свитерок с широким вырезом, белая юбка в складку и прелестные белые туфельки делали ее удивительно привлекательной. Она скромно поздоровалась, и хозяева стали приглашать всех за стол. Им не отрывал глаз от Моны, а она очень мило улыбалась ему. Григ встал, подняв бокал виноградного столового вина, произнес:

— За всех нас!

Все радостно переглянулись, и, выпив, Эва сказала:

— Мне хочется дополнить слова мужа: у меня такое чувство, что я знала вас всегда.

— И у меня, — подхватила Мона, заливаясь краской.

Жанна словно что-то открывала для себя, но не могла вместить столь необычные обстоятельства. Лее все было понятно: отец, мать и Мона — с Сириуса, а Жанна — с планеты Меркурий. Ее слегка раскосые голубые глаза постоянно искали ответа, и она живо реагировала на желания гостей, с готовностью предлагая вкусные блюда. Прекрасные салаты были приготовлены настолько изысканно, что доставляли нескрываемое удовольствие. Жанна объявляла их названия, так как все блюда готовила вся семья, и у каждого было свое фирменное шуточное название. За

столом царило какое-то семейное веселое настроение, когда не надо было задумываться, о чем говорить, а можно смеяться над придумками авторов. Поскольку хозяева сидели напротив гостей, общение было непринужденным, каждый мог видеть друг друга и получать ни с чем не сравнимое удовольствие от разговора. Неожиданно Лея почувствовала толчок в солнечное сплетение и легкое головокружение, она прикрыла глаза и увидела быстро меняющиеся кадры: младенец, ее девочка в тяжелом состоянии, Лея не может помочь, потому что в груди нет молока, ребенок смотрит прямо в ее зрачки, и она слышит ее стон: «Ой, ой, ой». Глаза, просящие о помощи, имели взрослое выражение, сердце Леи сжимается, и она резко открывает глаза и встречается с глазами Моны.

— Что с тобой, доченька, тебе нехорошо? — спросила Эва. Мона продолжала смотреть на Лею и взволнованно прошептала:

— Мне показалось, что я... что...

Все переглянулись. Святослав встал и ласково сказал:

— Дорогие мои, вероятно, судьбе было угодно, чтобы мы встретились. Наши жизни на протяжении веков переплетались, нам повезло, что наши судьбы вновь оказались рядом, и нам предстоит еще многое вспомнить. Я предлагаю поднять бокалы за встречу!

Постепенно разговор перешел на шутливый тон, Григ пригласил всех в комнату Моны, чтобы посмотреть слайды Парижа и Греции. Рассевшись поудобнее, Лея заметила, что Им не отрывает глаз от Моны, которая закрывала проектор. Показывая Париж, она сопровождала слайды комментариями. Лея пыталась сконцентрироваться на слайдах, но глаза сами закрывались, и перед взором пробегали совершенно другие картины: дворец короля Артура и она с Эвой, фрейлины, которые прячут в складках шторы какого-то высокопоставленного вельможу от гнева королевы. Лея пытается рассмотреть вельможу: напудренный парик, строгое лицо, а глаза... глаза Грига. Лея усилием воли открыла глаза, словно очнулась, обычное легкое головокружение — и она попыталась встать, почему-то встала и Эва, и они вышли на

балкон. Эва взяла руку Леи в свою и, пристально посмотрев ей в глаза, сказала:

— Лея, вы действуете на меня магически, меня тянет к вам, мне хочется с вами говорить, я не знаю почему, но между нами существует какая-то связь.

Лея улыбнулась и обняла Эву:

— Да, конечно, дорогая, как прекрасно, что наши дети дружат.

— Им — очень развитый мальчик, — подхватила Эва, — я с удовольствием с ним беседую. Он много о вас рассказывал.

На балкон выскочила оживленная Жанна, она взялась за край балкона, прогнулась, так что ее коса едва не коснулась пола, и, загадочно раскачиваясь, спросила, желая подтверждения:

— Вы едете в Иудейскую пустыню?

— Да, это подарок Слава ко дню рождения Има.

Жанна выпрямилась и тихо сказала:

— Это моя мечта.

— Каникулы уже кончаются, — попыталась объяснить Лея, — но если тебя отпустят родители, поедem с нами.

Жанна подпрыгнула, взвизгнула и в одну минуту оказалась возле Слава и Грига, за ней вышли Лея и Эва.

— Слав, — сказала Лея, — как ты смотришь на то, если с нами поедет Жанна?

Слав посмотрел на Грига и сказал:

— Это действительно будет исключительное путешествие, решайте, мы уже начали оформлять документы.

Жанна замерла, потом умоляюще посмотрела на родителей и прошептала:

— Вы не откажете мне, мамочка, папочка, — потом взяла руку отца и торопливо стала говорить:

— Не воспользоваться приглашением неразумно. Я чувствую, если моя мечта реализуется, значит, это Воля Бога.

Лея в это время смотрела на Мону, которая сидела неподвижно и, казалось, вот-вот разрыдается: опустив глаза, она теребила салфетку.

— Мона, как думаешь, — обратился к ней отец, — отпустим Жанну с Имом?



Мона вскинула свои блестящие, наполненные слезами глаза и тихо сказала:

— Конечно, папа!

Им сидел взволнованный, ему очень хотелось, чтобы поехала Мона, а не Жанна. Он не переживет этой несправедливости. Мысль о том, что он может потерять расположение Моны, приводила его в отчаяние, и он, встав, сказал:

— У меня такое чувство, что мы попали в свою семью, я думаю, мама и папа меня поддержат. Я очень рад, что Жанна поедет с нами, если ее отпустят родители, но мне хочется сказать главное.

Лея и Слав напряженно выпрямились, они не хотели, чтобы сын допустил оплошность.

— Продолжай, — улыбаясь, заинтересованно подбодрил Грег.

— В далекие времена фараонов и царей, — словно подбирая слова, медленно говорил Им, — дети в очень нежном возрасте были в воле родителей, как и сейчас. Родители могли заранее определить их судьбу, если это не противоречило определенным правилам, — он посмотрел на Мону, которая слушала его, широко открыв глаза, не мигая, затаив дыхание. Когда их глаза встретились, она чуть улыбнулась, и Им, вдохновенный ее улыбкой, продолжил:

— Так вот, когда сердце наполнено глубоким уважением, нет, я бы сказал, благоговением перед человеком, то очень тревожно на душе.

— Почему же тревожно, если ты наполнен чувством к человеку? — не понимая, переспросила Эва.

— Неужели вы не поняли, я испытываю это к Моне?

— Тогда почему тревожно? — полушутя подхватил Григорий, глядя на Лею и Слава.

Им поймал полушутливый тон и очень серьезно продолжил:

— Тревожно потому, что можно потерять друг друга.

Мона не выдержала, встала и медленно, по-взрослому сказала:

— Мама и папа, я не хочу ехать в Париж, у меня хорошее произношение, я освоила весь курс программы.

Это рассердило Грига, и он строго сказал:

— Мона, одно другому не должно мешать.

— Конечно, — забеспокоился Им, — конечно, наоборот, все должно быть разумно, и учебу необходимо довести до конца.

Тут не выдержал Святослав и пришел на помощь Иму:

— Дорогие мои, Им очень хорошо начал о том, какие правила были в те далекие времена, когда высокая культура, разумная любовь к детям давали возможность родителям принимать верные решения. То, что дети увлечены друг другом, и то, что они прекрасно учатся, дает нам это право — я думаю это так, Григ?

Григ напряженно ждал продолжения разговора.

— Дает право предложить нам выслушать их мысли, их мечты. Это не расходится с тем, как должно быть. Ну, кто из вас начнет?

Мона торопливо встала из-за стола, вышла, словно ученица перед учителями, и тихо, но уверенно заговорила:

— Я обрела в Име друга на всю жизнь.

Григ заерзал в кресле и резюмировал:

— Ну и дружите, кто вам запрещает?

Эва непонимающе смотрела то на Има, то на Мону.

— Папа, — вдруг разрыдалась Мона, — я боюсь его потерять.

Им побледнел, взял ее руку и прошептал:

— Это навеки, поверь.

И тут снова встал Слав и весело произнес:

— А вот у меня есть предложение: если со мной согласятся Григ и Эва, то в тринадцать лет, то есть через год, если у них останутся те же чувства, мы можем отпраздновать обручение. Ничего не изменится, только они будут спокойны, что они уже связаны друг с другом, а когда достигнут совершеннолетия, смогут соединить свои судьбы на правах взрослых. А? Как вы?

Мона была счастлива, а Им смотрел на Грига и Эву, словно ждал приговора. И тут пришла на помощь Эва:

— Думаю, это чудесный вариант, а, Григ? Они будут прилежнее учиться, зная, что ответственны друг перед другом за будущее.

— Конечно, — добавила Лея, — ведь это ничего не меняет, а только добавит радость единства, уверенность.

Григ сидел, словно обдумывал что-то, потом медленно заговорил:

— Я хочу только одного — чтобы мои девочки были счастливы.

Им и Мона бросились к нему. Мона целовала отца, а Им поглядывал с любовью то на Слава, то на Лею и поглаживал Грига по плечу. Чувство благодарности переполняло его.

— Посмотрите, какой торт приготовила Мона, — громко и весело объявила Жанна. — Пожалуйста, к столу.

Долго ждать не пришлось, все радостно садились к столу, взаимопонимание добавляло какое-то особенное чувство праздника, особую радость единства, которые выливались в оживленный разговор о том, как через год, если Бог даст, они будут не только друзьями, но и родственниками.

— Мона, — подшучивал Григорий, — так ты у меня уже невеста?

— Папа, ну зачем ты так, при чем тут невеста? — заливаясь краской, бормотала смущенная Мона.

Жанна подсела к Славу со словами:

— А мои документы успеют оформить?

— Успеют, только приготовь все, чтобы я смог отнести завтра.

Эва и Лея вышли на балкон, Жанна с Григом и Славом удалились в кабинет собирать документы, а Им сидел и не отрывал глаз от Моны. Она сделала легкий знак, чтобы он сел рядом. Им с готовностью взял свою чашечку чая и, садясь рядом, шепнул:

— Какие у нас родители, как нам повезло.

— Им, я завтра рано утром уезжаю.

Он молчал.

— Теперь до лета, — словно выдохнула она с болью.

Им вдруг ясно увидел, как Мона шагает по Парижу в голубой шапочке. Длинный вязаный шарф развевался на ветру. Крупные снежинки ложились ей на плечи. Она зачарованно смотрела на Эйфелеву башню.

— Мона, у тебя есть длинный голубой шарф и того же цвета вязаная шапочка?

— Да, — ответила Мона, — я оставила их в Париже, а сюда взяла фиолетовый берет, мне казалось, он наряднее. А почему ты спросил?

— Мона, дорогая, мне пришла в голову потрясающая мысль. Слушай меня внимательно: понимаешь, я чувствую, что у нас с тобой получится очень важный для нас эксперимент, если отнестись к нему серьезно.

— Говори, прошу, говори, все, что от меня зависит, я выполню, говори.

— Мона, дорогая, давай договоримся о том, что каждое воскресенье в одно и то же время мы будем думать друг о друге.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — подхватила Мона, — мы будем пытаться выходить на связь?

— Да, если неторопливо и постоянно в одно и то же время мы будем посылать друг другу мысли, то овладеем телегинезом, тогда разлуки не будет.

— Им, какой ты молодец, я восхищаюсь тобой.

— Меня учили этому родители, у них не бывает разлук, — просиял Им.

— Какое время назначим? — нетерпеливо спросила Мона.

— Твое и мое число — три. Ты рождена третьего, а я двадцать первого. Два плюс один равно трем, так вот, самое лучшее время — три часа, но это ночь, а тебе надо спать.

— Что ты, один раз в неделю я буду ставить будильник, проблемы не существует.

— Тогда договорились: с каждого воскресенья на понедельник в три часа ночи встреча.

— Им, я переполнена радостью. Скажи, а во время путешествия тоже будем пытаться связаться?

— Конечно, главное не отчаивайся, если сначала не будет получаться, продолжай упорно каждое воскресенье выходить на связь, и обязательно получится, я помогу тебе. Если в течение часа связь не состоится, больше ни одной минуты не жди, ложись спать. Обещаешь?

— Обещаю, — сосредоточенно ответила Мона.

— Это вы о чем? — любопытно спросила Жанна. Ребята так увлеклись разговором, что не заметили, как Лея и Эва почти убрали со стола, и Лея, наблюдавшая за ними, пришла на помощь тем, что отвлекла Жанну вопросом.

— Жанна, а ты умеешь ездить верхом?

— На коне?

— Нет, на верблюде, — подхватил Им.

— На верблюде? Я не пробовала.

— Вот и попробуешь, — рассмеялась Мона.

Слав и Григ то уходили в кабинет, то выходили, о чем-то увлеченно разговаривая. Наконец Слав предложил расходиться. Рано утром уезжала Мона, и всем надо было хорошо отдохнуть. Прощались, как очень близкие друзья.

— Ты теперь не грустишь? — шепнул Моне Им.

— У меня на душе легко и спокойно: через неделю наша встреча.

Им был счастлив, он ласково пожал ей руку.

Лея обняла Мону, потом Жанну и напомнила Эве, чтобы та не забыла взять для Жанны легкую одежду, все-таки их ждет пустыня. Шумно распрощавшись, они вышли на улицу и пошли пешком, подставляя лица морозному воздуху.

\*\*\*

Путешествие было незабываемым. Самое интересное началось, когда подъехали к Мертвому морю. С одной стороны находился Африканский континент, с другой — Азиатский. Каменистый ландшафт поражал воображение. На фоне скалистых гор вырисовывалась стела, напоминавшая фигуру женщины.

— Посмотри, Им, это совершенно не вмещается в голову. Веками эта женщина заставляет путешественников фантазировать, — восхищенно говорила Жанна.

— Ну и какие фантазии у тебя рождаются?

— По-моему, она была очень любима.

— Хочешь знать правду? Правда одна: любовь увековечивает? — Им рассмеялся и объяснил, что эту женщину Господь превратил в соляной столб за любопытство, за то что не умела владеть собой.

Жанна погрустнела.

— А как ты относишься к любви, тебе кто-нибудь нравится в школе?

— Да, только он не знает об этом. Он окончил музыкальную школу и часто играет у нас на вечерах. Я хожу на все его концерты.

Им посмотрел на Жанну, и ему стало очень весело, потому что Жанна тоже была влюблена.

— Смотрите, ребята, подъезжаем к Египту, в той стороне Иордания, — объяснял Слав.

Жанна защелкала фотоаппаратом.

— Проезжаем полицейский пост, — продолжал Святослав, — въехали в Иудейскую пустыню.

— Папа, эту крепость построили крестоносцы?

— Да.

«Газик» мчался по асфальтовой дороге, вокруг простирались бескрайние пески пустыни.

— А на сколько километров тянется Иудейская пустыня, по которой водил иудеев Моисей? — спросила Жанна.

— Протяженность примерно триста пятьдесят километров, а ширина чуть больше ста пятидесяти, — ответила Лея.

— Папа, я чувствую, как в меня входит особая энергия.

— То ли еще будет.

— Жанна, ты представляешь, мы будем на том месте, где Господь дал скрижали Моисею, — радовался Им.

— Какие скрижали?

— Как какие, Заповеди, помнишь?

— Ну да, десять заповедей, конечно, помню.

— По этим Заповедям человечество живет четыре тысячи лет, — подхватил Слав.

— Им, — зашептала Жанна, — а зачем было ходить сорок лет по пустыне в триста пятьдесят километров? Они что, ходили взад-вперед?

Им рассмеялся и объяснил:

— Я думаю, тогда был другой отсчет времени, они не только ходили, они много молились, думали, медитировали, размышляли. Я думаю, сорок лет — это символика.

Ландшафт был настолько непривычным, что все время хотелось смотреть на пробегающие каменные гряды, то бурые, то коричневые, то размытые, то выпуклые, в зависимости от того, как падал на них свет. Им не только чувствовал, но и видел, как сквозь воздух с неба словно ниспадали серебристые струи праны, которые, входя в легкие, питали кровь Божественной силой. Он чувствовал прилив энергии и четко осознавал, что эти силы требуют выхода и что он будет так же, как мама, отдавать накопленные знания людям и, как отец, открывать им возможность овладения сверхсилой, которую посылает людям небо. Он будет отдавать свою любовь Творцу и через него Моне и окружающему миру.

Солнце припекало, хотелось пить, но на настроение это не влияло. Наконец они подъехали к верблюжьей станции и увидели, что кроме них путешествуют еще несколько человек. Все говорили о предстоящем нелегком маршруте и единогласно решили, что подниматься на гору следует, когда спадет жара. К горе Синай вела каменистая дорога, и Слав снарядил четырех верблюдов. Было решено отправиться в путь ночью. Жанна с нетерпением ждала новых приключений: она смотрела по сторонам, и все вокруг вызывало у нее любопытство. Она слышала, что многие пойдут пешком, и не могла дождаться, когда сядет на верблюда.

— Какое имя тебя?

Услышав обращение на ломаном русском языке, Лея обернулась. Какой-то араб стоял возле Жанны, рассматривая ее и улыбаясь, протягивал ей финики.

— Меня? Жанна, — невозмутимо ответила она.

— Вы красавица, — продолжал юноша.

— А вы откуда знаете русский язык, молодой человек? — с улыбкой включился в разговор Святослав.

— Я учился в России, меня зовут Махмуд.

— А вы откуда? — поинтересовалась Лея.

— Я с друзьями Палестина, решили видеть святые места.

— Здесь и воздух напоен энергией Моисея, — восхищенно сказал Слав, наблюдая, как Им общается с

очень старым иудеем, который, по всему было видно, всю жизнь работал на верблюжьей станции.

Пожинав, решили немного отдохнуть, а ночью отправиться в путь и к восходу солнца добраться до горы Синай.

— Между прочим, придется ехать до утра, — предупредил Слав, — верблюды будут идти шагом.

Им помнил, что сегодня воскресенье и в три часа ночи, когда он будет ехать на верблюде, должен связаться с Моной.

Отдохнув, стали собираться. Жанна ходила вокруг верблюда, который безразлично что-то жевал своими студенистыми бархатными губами, и думала о том, как страшно на него взбираться. Скоро все паломники оживленно высыпали на улицу. Ночь была светлая, ярко светила луна, освещая окрестности. Махмуд подошел к Жанне и предложил:

— Хотите, я помогу взобраться на верблюда? — и, не ожидая ответа, дал какую-то команду животному, крепко хлопнув его по бедру, дернул уздечку. Верблюд послушно опустился на колени, и Жанна с помощью Махмуда взобралась на него. Слав наблюдал эту сцену и улыбался, так как его помощи не понадобилось. Верблюд встал, и Жанна растерянно посмотрела по сторонам. Им и Лея уже медленно двигались впереди, а Слав уголком глаза поглядывал за Жанной. Когда все было готово, Махмуд подошел к Славу и, волнуясь, обратился к нему:

— Я хочу вас попросить разрешения держать уздечку верблюда Жанны. Я буду идти рядом с ее верблюдом, хотя есть сопровождающие погонщики.

— Хорошо, Махмуд, только не отставайте. Девочка может испугаться. Мы все будем идти друг за другом или рядом.

— Жанна, ты не откажешься от помощи Махмуда? — спросил Слав.

— Нет, пожалуйста, спасибо большое, — обрадовалась она.

Постепенно все успокоились, и караван отправился. Яркие крупные звезды, загадочно мигая, покрывали небосвод, они были значительно крупнее и ярче, чем те, к которым все привыкли. Луна тоже светила ярко.



Слав беседовал с Махмудом, который рассказывал о чудесном студенческом времени в России.

— А где вы учились?

— Я окончил медицинский институт. На тот год, что впереди, готовлюсь в аспирантуру.

Эхом отдавались шаги верблюдов и паломников, которые решили только пешком пройти святой путь.

Им ехал немного впереди, а Лея задумалась о том видении, которое посетило ее, когда они были у родителей Моны и Жанны. Ей не давал покоя это грудной ребенок... эти глаза... глаза Моны. Что-то кармическое в этом есть, сделала она заключение, все объяснит жизнь. Им радовался, что может быть предоставлен своим мыслям. Он думал о том, что это большое счастье — видеть красоту святой дороги, хотелось ничего не упустить, дышать каждым мгновением вечности. Когда часы показали 2 часа 45 минут, Им заволновался. Он смотрел в небо и шептал:

— Отец мой Небесный, если на то будет Твоя Святая Воля, сделай так, чтобы встреча состоялась.

Верблюды шли своими горделивыми покачивающимися походками, а ночь эхом повторяла их шаги. Им постарался ощутить, что плотно сидит на верблюде, и на всякий случай подтянул ремень, который его страховал. В медитации он мог расслабиться и съехать с седла. Когда убедился, что все в порядке, начал дыхательные упражнения, которые помогали ему сосредоточиться. Расслабление освободило мышцы, и энергия, посланная в «третий» глаз, трансформировалась в упорядоченные вибрации торсионного поля. Перед взором Има возник сначала туман, а потом он ясно увидел спящую Мону. Она подложила руку под щеку и спокойно дышала. На ее столике лежала открытая тетрадь, где Им прочел: «Связь с Имом не состоялась, он забыл обо мне». Для Има это был гром среди ясного неба.

— Почему не состоялась? — закричал он.

Мона открыла глаза, стала оглядываться по сторонам, потом села и сказала:

— Им, это ты? Я чувствую твое присутствие.

Им так громко закричал, что Слав оторвался от Жанны и Махмуда и вместе с Леей подъехал к нему. Увидев

закрытые глаза и расслабленное тело, они все поняли. Держась на небольшом расстоянии, они терпеливо ждали, охраняя его, потому что идущие пешком паломники стали переговариваться, показывая на расслабленное тело Има. Слав успокоил их жестом.

— Им, это ты? — повторила Мона. — Мы же договаривались, и я сделала все так, как ты сказал.

— Прости, Мона, я не учел разницу во времени с Парижем. Все хорошо, я не забываю о тебе ни на одну минуту. Я сейчас на верблюде, а Жанну охраняет хороший парень Махмуд.

— Вам там очень интересно? — спросила Мона.

— Очень, но я буду стараться, чтобы ты была рядом и многое увидела из того, что буду видеть я.

— Спасибо, — сказала Мона.

Им открыл глаза, улыбка играла на его лице. Слав и Лея тоже улыбались, хотя и тревожились за его еще не окрепший организм, но Им всем своим видом дал понять родителям, что он в норме, и они спокойно продолжили поездку.

Начался восход. Жанна распустила свою косу, и прекрасные шелковые волнистые волосы покрыли пышной пелериной ее плечи. Она была старше Моны на один год и именно сейчас выглядела девушкой. Чувствуя, что на нее смотрят, любуясь, она то и дело встряхивала головой, от чего шелк волос взлетал и вновь опускался на ее плечи, волнуя воображение. Махмуд старался все время притягивать ее внимание, рассказывая историю своей жизни, а она смотрела на него глазами, полными восхищения. Махмуд был для нее экзотическим миром, в котором все граничило со сказками Шахерезады. Его смуглая кожа и удивительно детские глаза делали облик светлым и поэтичным, и она прониклась к нему доверием. Путешествие приобрело для нее особую окраску восторга. Общение с Махмудом, который как бы опекал ее, приподнимало ей настроение. От удовольствия, которое ей доставляло общение с этим «заморским юношей», она то и дело поправляла свои красивые волосы. Когда их глаза встречались, она краснела, и в эти минуты они никого и ничего не

замечали. Из их глаз словно исходили лучи солнца, и они забывали смотреть по сторонам, потому что вся красота, созданная Творцом, была в них, потому что где любовь, там и Бог.

Лея и Святослав переглядывались, а Им делал вид, что не замечает ничего, чтобы не смущать их. По крайней мере, он мог насладиться панорамой причудливо нагроможденных каменных глыб, мог вспомнить лицо Моны, почувствовать, как любовь к девушке сливается с любовью к Творцу, который так загадочно и так совершенно все сотворил. Он словно впитывал в себя все, что видел. Он чувствовал особое состояние души, когда сердце способно вместить информацию более высоких вибраций.

Солнце показало свой огненно-красный диск, преобразив все вокруг. Растянутая каменная гряда тянулась вверх. Здесь нужно было сойти с верблюдов и остальной путь проделать пешком. Плоские формы толстых бурых пластин служили лестницами, по которым предстояло подниматься. Подъем в некоторых местах был нелегким, и уставшая после езды на верблюде Жанна уже опиралась на Махмуда как на единственного в мире защитника. Всем подниматься было нелегко, Лея опиралась на руку Слава, а Им спокойным и размеренным шагом преодолевал подъем в гору. Скоро они оказались на более ровном месте, где располагалась маленькая христианская церквушка. У Има перехватило дыхание, и он прошептал:

— Неужели на этом месте был Христос? Проходил здесь? — и вдруг он на мгновение замер, а потом из его груди вырвалось: — Папа, посмотри, вся гора залита потоками фиолетового пламени.

Слав и Лея поспешили к нему и крепко обняли.

— Золотко мое, как точно ты чувствуешь энергии, — тихо шептала Лея.

— Молодец, сын. Это очень важно.

Подошли Жанна с Махмудом, и Им спросил:

— Ребята, видите это чудо?

Махмуд улыбнулся и сказал:

— Очень красиво, но Жанночка устала, пусть посидит.

— Присматривай за ней и не отставайте, — попросил Слав и снова продолжил: — Чтобы пережить такое, сынок, ни с чем не сравнимое ощущение восторга Божественной Благодати, надо увидеть все это своими глазами.

Слав обнял Лею и повернулся назад, чтобы видеть, как поднимаются в гору паломники. Подождав отставших, все тихо вошли в церковь, построенную тысячу лет назад.

Шла служба. Греческий священник, очень скромно одетый, читал молитвы на своем языке. Несколько паломников пели в церкви. Эта служба была какой-то личной. Люди словно не видели друг друга, они были поглощены молитвой и единением с Всевышним.

Те, кто входил, тоже тихо слушали и рассматривали росписи этого маленького храма. Изображение Моисея привело всех в восторг, и вошедшие стали благоговейно вслушиваться в молитвы. Священник начал молиться громче.

— Папа, а ты знаешь, он читает псалмы Давыдовы.

Слав приподнял брови и спросил:

— А откуда ты знаешь?

— Папа, честное слово, — сказал шепотом Им, — я понимаю, что он говорит, — и стал тихонько переводить:

— Господь, Свет мой и спасение мое; кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей; кого мне страшиться?

Жанна и Лея подошли ближе и стали прислушиваться, а Им бегло переводил:

— Научи меня, Господи, пути твоему и наставь на стезю правды, ради врагов моих.

— А почему ради врагов? — удивилась Жанна.

— Тише, Жанночка, — шепнула Лея.

— Не предавай меня на произвол врагам моим, — продолжал Им.

Все присутствующие стали опускаться на колени и тихо молиться.

После небольшой службы, умиротворенные молитвами, они вышли из церкви и стали подниматься еще выше. Паломники разбрелись, осваивая священное место, где Моисей получил скрижали. Казалось, всех переполнял религиозный восторг.

Им, Слав и Лея переживали яркие видения Высших Сил: все трое пребывали в просветленном состоянии радости и покоя.

В католический храм они зашли ненадолго, надо было продолжать путь, спуститься к женскому монастырю Святой Екатерины. Махмуд поддерживал Жанну, а она, счастливая, сообщила, что служба в церкви действовала на нее волшебным образом.

— У меня так хорошо на душе, что я намерена молиться, это так успокаивает, освобождает.

Спустившись с другой стороны, они оказались у входа в монастырь. Кроткие монашенки разрешили посетить их обитель, где все дышало святостью и покоем. Они пригласили их разделить с ними трапезу. За столом было все по-домашнему, и это располагало к откровенной беседе. Одна очень пожилая монашенка подошла к Иму, обняла его и сказала:

— Все будет хорошо, надо учиться расти испытаниями, ты выдержишь, — а потом, благословив, добавила:

— У тебя много дел на Земле, помни об этом.

Слав подморгнул Иму, а Лея ласково пожала руку монашенке. Потом она подошла к Жанне и Махмуду и погладила их по головам. Когда они вышли, за ними вышли несколько послушниц и долго махали вслед рукой.

Обратно ехали молча. Говорить не хотелось, на душе царила Божья благодать и умиротворение. Им думал над словами монашенки: он и сам чувствовал, что впереди его ждет какая-то особенная ответственность, к которой готовил его отец.

\*\*\*

— Жанна, я буду тебе писать, я обещаю.

Она смотрела на Махмуда, и глаза ее наполнялись слезами.

— Я буду ждать, — прошептала она вслед уходящему Махмуду. Он еще несколько раз оглянулся, словно пытался хорошенько запомнить образ белокурой красавицы, которая поселила в его душу щемящую тоску.

Когда он смешался с толпой палестинцев, Жанна отвернулась и через мгновение уже рыдала на плече у Леи, которая обняла ее, вытерла слезы и сказала:

— Успокойся, он будет поступать в аспирантуру в нашем городе, он мне говорил. Так что встретитесь.

— Лея, мне кажется, что он неотделим от этой пустыни.

В поезде Жанна грустила, она уже забыла, что там, дома, есть мальчик, который играет на скрипке.

— Это совсем другое, — шептала она Имму, — это невероятная тоска. У меня так не было.

Им улыбнулся и сказал:

— Я тебя понимаю.

День рождения праздновали в поезде, и это было прекрасным знаком. Слав сказал:

— Я хочу сын, чтобы ты всегда был в пути, в пути своей души.

Для своих двенадцати лет Им выглядел на пятнадцать. Высокий, стройный, с правильными чертами лица и чуть вьющимися темными волосами, он был похож на юного викинга. Резкая перемена настроения осталась позади, в его детстве. Теперь его манера держаться резко изменилась, перед всеми был удивительный юноша, который притягивал к себе открытостью и разумностью, сдержанностью и уверенностью.

За окном мелькали города, и души всех четырех были наполнены радостью перемен.

\*\*\*

— Не забывай молиться. Молитва — это устремление к самому тайному в себе. Я хочу, чтобы ты больше знал о сердце, потому что это очень важно. Знаешь символ сердца?

— Нет.

— Шестиконечная звезда. Это место, где живет душа. Поэтому сердце — это очень важно. У каждого есть свой внутренний наставник, слушай его. В сердце есть пространство, которое является проводником эмоций и информации. Есть племена, которые общаются без слов, сердцем. Знай, что именно сердце может воссоздать тот мир, к которому ты стремишься с помощью сознания.

Нужно уметь связывать сердце со своим внутренним миром. Об этом будем говорить более подробно тогда, когда подойдем к изучению Мер-Ка-Ба. Теперь отдыхай, — и отец, ласково похлопав сына по плечу, вышел.

Им знал, что Слав не одобрял, когда он часто выходил на связь с Парижем, поскольку тревожился за его не окрепший еще организм, но успокаивал себя тем, что осталось всего два месяца до приезда Моны и что сеансы будут короткими.

Времени было уже много, поставив будильник на три часа, Им заснул. В три часа, разбуженный и немного отдохнувший, он стал готовиться к сеансу. В Париже был час ночи. Выполнив дыхательные упражнения и продав все необходимое, он четко направил сознание на объект, теперь сеансы были подготовлены с двух сторон, и он скоро услышал:

— Им, я чувствую, что ты здесь.

Он увидел милое сердцу лицо и улыбнулся.

— Им, я надеюсь, что мы продолжим и ты расскажешь подробнее, как этого достигаешь, чтобы до приезда могла серьезно изучить необходимую литературу по телепатии. Я к экзаменам подготовилась, и мне не терпится размышлять об этом.

Несмотря на предупреждения отца, Им не мог отказать Моне:

— Хорошо. Слушай, наше сознание — это единое мировое начало. Именно сознание создает информацию, которая сохраняется в закручивании сверхвысоких частот. Я сначала подключаюсь к Единому информационному полю, затем вступает телепатия, восприятие образа. Когда ты приедешь, я тебе помогу, чтобы ты не только телепатически слышала меня, но и могла видеть мой фантом, как я сейчас вижу тебя.

— Ты меня видишь?

— Конечно. У тебя розовая рубашечка с вышивкой и оборочками.

Мона растерянно стала натягивать на себя одеяло:

— Так ты всегда меня видел?

— Ты стала еще красивее. Почему ты спишь с подколотыми волосами? Волосы должны отдыхать.

— Им, как я жду нашей встречи!

— И я. Наши сеансы будут короче, я говорил почему. До встречи!

— До встречи, — проговорила Мона, думая, что сеанс окончен, а Им смотрел в ее прекрасные глаза, наполненные слезами, и думал о том, что она единственная.

\*\*\*

Новая выставка Слава оказалась великолепной. Последний месяц он пропадал в мастерской, приходил усталый, но довольный. Им часто его навещал и удивлялся сложности темы, которую он выбрал.

— Папа, — говорил он, — взять планеты вселенной и делать скульптуры существ, которые населяют их, — это очень смело и прекрасно. Я видел выражение лиц людей, которые стояли в недоумении и какой-то растерянности, но с большим интересом и вопросом в глазах.

— Моя задача — подтолкнуть человека к размышлениям, размышление — двигатель сознания. К сожалению, они не предполагают, что эти существа действительно реальны. Многие из них обитают на планетах в тонких мирах и живут своей обычной жизнью. Рождаются, влюбляются, имеют детей, умирают, чтобы снова родиться, чтобы бесконечно продолжать крутиться в череде воплощений. А пока их тела уплотнятся, планеты станут пригодны для жизни. Человек, когда по земному умирает, возрождается после отдыха, чтобы исправлять те ошибки, которые допустил раньше, другими словами, эволюционирует, так же и планеты. Они обязательно возродятся, просто время жизни человека и планет несоизмеримо.

— Папа, я горжусь тобой.

— А я тобой, — потрепав сына по волосам, сказал Слав, — пора домой.

Они вышли на свежий воздух и, жадно вдыхая весенний ветерок, медленным шагом пошли по знакомым улицам.

— Сейчас мы придем, я немного отдохну и удалюсь в кабинет, скажешь маме, когда она вернется, что я на задании.



Пообедав, Слав подошел к окну, долго смотрел на небо, потом резко повернулся и скрылся в кабинете.

Им знал, что слово «задание» очень важное в жизни его родителей. Об этом они не говорят, а когда Им интересовался, то отвечали, что не хотят загружать его юную головку, что всему свое время. Он почему-то вспомнил гору Синай и человека, от которого во все стороны расходилось серебристое сияние. Им хорошо помнил его лицо, когда умирал, когда отец, растирая ему ноги, шептал: «Помоги, Учитель, моя энергия на исходе, помоги, и да будет Свет миру!».

Перед ним, как сейчас, стояла картина, которую он наблюдал как бы со стороны: сильное, мускулистое тело накрыло его, и он ощутил себя. Открыв глаза, увидел мужественное лицо, похожее на греческую скульптуру, которую он видел среди скульптур отца.

Этот, казалось, великан делал ему искусственное дыхание вдуванием воздуха в рот. Он хорошо помнил этот поток живительной струи воздуха. Когда он окончательно пришел в себя, мужчина, который был словно из света, улыбнулся ему и сказал:

— И пока Я есмь в мире,  
Я есмь Свет миру.

И так же, как на горе Синай, растворился в белом свете. Папа сказал ему тогда:

— Сын, тебя спас сам Владыка Серапис Бей. Помни, тебя ждет очень серьезная работа на Земле, ничего так просто не бывает.

Папа предупредил, чтобы об этом он ни с кем не говорил. И Им хранил эту тайну. Разве мог это забыть? Разве могли события жизни выветриться чудо из памяти? Он прилежно учился, много читал, многим интересовался, он уже в этом возрасте готовил себя к ответственности.

Очень часто папа говорил, что мама себя не щадит, отдавая слишком много энергии, можно не восполнить ее, тогда и он не поможет. Мама давала обещание, а потом делилась своей радостью, что ей удалось спасти ко-

го-то «словом», объясняя человеку очень важное для его жизни, кого-то энергией, помогая преодолеть физический недуг. И в первом случае, и во втором требовались силы, а они не беспредельны на Земле. Им видел, что отец гордится мамой, ее жертвенностью, и понимал, что родители отличаются от других родителей, как и он сам. Их семья жила как бы по другим законам, во всем доверие и договоренность, во всем обязательность и исполнительность. В доме никогда не было разговоров о деньгах, хотя лишних в запасе не было. Иногда мама говорила:

— Подожди, Им, вот получим зарплату, тогда сможем себе позволить.

Это никогда не портило настроения, это было просто жизнью.

\*\*\*

Поездки к Рине всегда приносили удовольствие. Слав шутил:

— Рине сейчас не до нас, но мы вторгнемся в ее пространство.

— Как я рада, что у нее наконец любовь. Прошлый раз, когда ты был в командировке, она приезжала: преобразилась, вся горит, румянец во всю щеку.

— А ты, моя любовь, горишь ко мне?

Слав обнял Лею, не дожидаясь ответа, и Лея почувствовала, как горячая волна прокатилась по ее телу. Как же он дорог ей! За все прожитое с ним время у нее осталось ощущение, что они встречаются, как в юности, и каждая встреча — радость. Его сдержанность и одновременно пылкость держали Лею в особом тоне ожидания.

Открыв дверь, Рина без умолку говорила о том, как она ждала и как все хорошо, и торопила, чтобы проходили в гостиную. В гостиной сидел Павел, его необычное лицо привлекало внимание. Густые черные брови, светло-карие глаза, удлиненный нос делали его похожим на церковные изображения.

— Типичный представитель созвездия Цефея, — шепнул Слав Лее.

Павел спокойно рассматривал их, потом, словно спохватившись, привстал и резко двинулся навстречу, ковер скользнул под его ногой, и он вытянулся перед гостями на полу во весь рост. Рина начала так смеяться, что не могла остановиться. Павел поднялся, слегка улыбаясь, извинился, а Слав и Лея не знали, то ли смеяться, то ли сочувствовать.

— Пашенька, не робей, теперь они увидели, что ты живой человек, а не застывшая икона, — продолжала смеяться Рина.

Павел ласково посмотрел на нее, а она, легонько толкнув на диван, прыгнула ему на колени, прижимаясь к щеке, спросила:

— Ну как, посмотримся?

Тут уже Лея и Слав залились смехом. Большой и медлительный, он дополнял маленькую и миниатюрную, как статуэтка, острую на язычок Рину.

— Павел сейчас вернулся из Киева, ну, чего ты молчишь? — сказала она, не отрывая от него влюбленных глаз. — Я же говорила, что они моя семья.

— Я помню, Риночка, помню, конечно, расскажу, не торопи меня.

— Так, — скомандовала Рина, — всем мыть руки — и за стол, у меня все готово, — и она увлекла Лею на кухню. Подруги обнялись.

— Почему Има не привезли?

— Он собирается сдавать экзамены экстерном, ему не до развлечений, хочет Моне сделать сюрприз.

— Лея, он такой взрослый, по-моему, у него идет особая перестройка энергий. Он так преобразился, выглядит юношей и мыслит очень четко. Да, кстати, бери это блюдо, а я понесу это.

Когда они вошли, мужчины мирно беседовали. Павел работал на реставрации храмов, так что говорить было о чем.

Когда обед подходил к концу, Рина предложила съездить на святой источник и подышать воздухом. Набрав с собой еды, они отправились на пикник. Погода стояла прекрасная. Весна словно выпустила на волю солнце, и молодые женщины вооружились шляпами, дабы сберечь нежность кожи своих лиц.

Сегодня ветераны, пожилые люди, казались Лее моложе. Предстояла очередная встреча, к которой они готовились. Беседа так и называлась: «Ответы на вопросы». Сидящие в зале перешептывались, улыбались, и в глазах у них можно было прочесть: мол, посмотрим, получим мы ответы или просто поговорим.

— Ну, — улыбаясь в ответ, сказала Лея, — начнем, пожалуй. Сегодня я буду счастлива ответить по мере своей возможности на ваши вопросы.

— Можно мне? — хитро прищурясь, но серьезно спросил мужчина, который в прошлый раз скептически слушал лекцию. — Я бы хотел знать, как вы просто можете объяснить, что там, наверху? В небе?

— Я буду прикасаться к знаниям древних мудрецов и отвечу через их труды. О том, что на небе, говорит мать Исида через Гермеса Трисмегист: «В небе обитают боги, которыми, как и всем сущим, правит Творец Вселенной. В эфире обитают звезды, которыми правит великое светило Солнце; в воздухе обитают демонические души, которыми правит Луна. На земле обитают люди и животные, которыми правит тот, кто в данное время рожден царем. Считается, что сами боги рождают царей, достойных продолжать их дело на земле».

— Ну при чем здесь цари? — удивился мужчина.

Тогда Лея пояснила:

— Ну, пусть президенты.

— Так что, президентов посылает Бог?

Лея искала, как доступно объяснить, не забираясь в дебри:

— Есть такая притча, вы все ее знаете: «Во главе стоит тот, кого заслужил народ».

— А можно мне спросить? — обратилась приятная женщина. — Вы в начале беседы назвали имя мать Исида, кто это?

— Отвечу с удовольствием. В веках, переживаемых человечеством, были свои Богоматери, это Исида, Кали, мать Мария, в Японии Гуань Инь и другие, все они являются Божьей Матерью.

— Ну, это все хорошо, но я бы хотел знать, что нас

ждет там, наверху? Говорят, наука уже многое знает, — снова заговорил мужчина.

Лея чувствовала, что они вновь возвращаются к тому, что их волновало в данный момент, как каждый, у кого подходит время, когда возраст дарит каждый год как награду, как Божью милость, и Лее хотелось подбодрить, успокоить и рассказать то, что ей известно. Она продолжила:

— Есть удивительная книга Конан Дойля «Жизненная миссия», где рассказывается об исследованиях на тему жизни после смерти, причем герой пытается рассказать об этих открытиях, участником которых являлся непосредственно сам. Он рассказывает, что тот мир, в который нам всем предстоит перейти, очень похож на наш, с той лишь разницей, что тело становится более совершенным, оно не болит, это астральное тело. Там нет калек, страдающих болезнями, нет богатых, нет бедных. Люди встречаются с теми, кто им был дорог: друзья, родственники, супруги.

Послышался смех. Мужчины шептались и смеялись. Заметив, что Лея обратила на это внимание, один, что постарше, сказал:

— А если у меня их было четыре?

— Кого? — не поняла Лея.

— Жен, — захихикал старик, и зал дружно его подержал.

— А-а, ну тогда будете жить с той, кого больше всего любили, — сказала шутливо Лея.

Старик приподнял брови и широко улыбнулся.

— Смерти нет, — убеждала Лея. — Жизнь будет продолжаться, только надо побольше добрых дел делать здесь, на Земле, тогда и там дела найдутся. Не расстраиваться по пустякам и быть примером для тех, кто идет за нами. — В зале царило приподнятое настроение, разговор шел непринужденно и с легким юмором, что очень радовало Лею.

— А ад есть? — спросила все знающая старушка, которая часто кивала головой и пессимистически улыбалась.

— Ну, во-первых, ад и рай внутри нас, а, во-вторых, есть определенные стадии, через которые проходит че-

ловек. Первая стадия — это как бы переход в другой мир. Вторая — когда человек в полусонном состоянии. Тогда в его сознании проходит его земная жизнь, вероятно, это и есть ад, потому что человек переживает вновь свои ошибки, падения и от этого страдает. Все зависит от того, что находится в памяти человека. А вот когда у него заканчивается этот период, его встречают близкие и родственники.

— И что, они там рассказывают про все?

— Нет, там люди не говорят, там общение происходит на уровне мысли. Человек также занимается работой, но работой по душе. То есть о чем мечтал, там это возможно.

— Ну успокоила, прямо бальзам на душу, — заключили все те же веселые старики.

— Кто видел по телевидению фильм «Однажды я уже умирал»? Никто? Он шел на канале «Россия». Я расскажу. Великий ученый Раушенбах, академик, один из основателей космонавтики, занимавшийся философией и богословием, рассказывал, как он умирал и что ему был дан выбор, две дороги. Одна вела прямо, там было много света, зелени, ярких цветов, и это была дорога к смерти. Другая, неудобная, грязная, в серых тонах, там двигались люди, это была дорога в жизнь. Я, сказал он, выбрал жизнь. После этого я живу уже два года. И теперь не боюсь умирать. Вы почитайте «Жизнь после Жизни», автор Моуди, это очень интересно.

— А где ее взять? — спросила старушка слева. — Я бы с удовольствием почитала.

— Я вам принесу, — успокоила ее Лея.

— И мне, и я хочу, можно почитать? — слышались голоса.

— Хорошо, читайте все, но ответственной за книгу будет... как ваше имя-отчество?

— Татьяна Ивановна, — ответила повеселевшая старушка.

— Хорошо, завтра принесу и отдам вам, Татьяна Ивановна.

— А можно еще вопрос? — спросила одна из женщин. На ней был белый платочек в мелкий синий горох

и широкая светлая кофта. Старушка выглядела опрятно и как-то по домашнему (большинство из присутствующих оставались на ночь в реабилитационном центре ветеранов, поэтому никто не спешил).

— Конечно, задавайте, — ответила Лея.

— Так мы на Землю вернемся?

— В основном люди возвращаются, чтобы исправлять допущенные ошибки, совершенствоваться.

— А в церкви говорят по-другому, — смущаясь, констатировала та же старушка.

— Человек имеет свободную волю, — объясняла Лея, — если вы не верите, я не могу вам в этом помочь, я не могу заставить вас верить в то, во что верю сама. Это право каждого. Вспомните слова из Библии: «По вере и дается». Вы размышляйте, взвешивайте, что ближе вашей душе, чтобы вы родились снова или нет? Прислушайтесь. К себе, своему сердцу, оно обязательно подскажет ответ. Просто я уверена, что причины наших болезней, привычек, вообще взгляд на все, что нас окружает, идут из прошлых жизней. А всему начало — наша мысль, потому что именно она управляет сознанием. Мысль готова спасти нас и разрушить. Желаю вам всем самого светлого в ваших мыслях, это залог вашего здоровья и долголетия. Спасибо за внимание.

\*\*\*

В классе было шесть мальчиков и пять девочек. Иму бросилось в глаза, что многие старше его, и он никак не мог понять, что такого он может рассказать, чего бы они не знали. Жанна пригласила его по просьбе ребят, которых уверила в том, что Им многим интересуется и может ответить на многие вопросы. Чего хотела Жанна, Им не понимал.

— Ребята, — начал Им, — я, честное слово, не знаю, что имела в виду Жанна, я знаю совсем не больше вас. Может, просто начнем с того, что каждый расскажет, чем он интересуется, тогда и всем будет интересно.

— Им, — заговорила Жанна, — ты не думай, что это какой-то один класс, здесь собрались ребята из четырех классов, только те, кого интересует новое или то, о чем

в школьной программе ничего нет. Клара и Лев вообще из колледжа и все равно пришли.

Лев встал и начал: «Люди не хотят верить в то, чего они не видели и не знают. Мы собрались обменяться информацией, что ли. Всего прочесть невозможно, вот и расскажем друг другу, что встретилось интересного. Я, например, очень интересуюсь алхимией, всегда любил химию и знаю, что из ртути или свинца можно получить золото. Ученые уже получили белое порошкообразное золото, но для этого нужны особые условия, а у нас нет ни электронных весов, ни других дорогих приспособлений, но я буду химиком».

— Алхимия существует не только в среде веществ, алхимия существует и внутри нас. Я говорю о той алхимии, которая меняет наши понятия, наш характер, наши поступки. По-моему, это не менее интересно, — продолжил Им.

— Вот это меня интересует больше всего, — подхватила Клара и какая-то светленькая девушка.

— Расскажи об этом, — попросила Жанна, — ребята ведь просят.

— Ты меня не познакомила с ними, — шепнул ей Им.

— Ой, действительно! Каюсь! Это Левушка, но мы называем его Лев, потому что когда он сердится, то рычит. — Все рассмеялись. — Это Аленочка-дюймовочка, где появится, там цунами проявится. — Алена покорно опустила глаза, чем вызвала новый взрыв смеха. — Это Клара, с ней надо быть осторожнее, она знает приемы борьбы. Это Бэлла, сама по себе, если что-то не так, как хотелось бы ей, она удаляется по-английски, и самое интересное, что никто не успевает этого заметить, она просто растворяется. Эта милая девушка Инна, тихоня, не знаешь, чего от нее ожидать. Меня ты знаешь, ну а больше ничего такого стоящего нет. — Девчонки залились громким смехом, а ребята стали воинственно подниматься с мест.

— Ах да, простите, здесь есть еще кое-кто, совсем выскочило из головы, — продолжала шутить Жанна. — Это Роберт, коротко Роб, на него можно положиться. Это Иосиф, далеко не оправдывает свое библейское



имя. Константин — особый случай. Тимур — одиночка, он совсем забыл о своей команде, осторожен, но естественен. И, конечно же, Серж, достояние школы, все девчонки вздыхают, когда он «проплывает» мимо.

На протяжении всей тирады Жанны раздавались новые взрывы смеха. У Има поднялось настроение, казалось, он давно знает этих классных ребят, с которыми весело и, вероятно, будет очень интересно. Когда Жанна увидела, что Им стал сосредоточенным, она скомандовала:

— Перерыв окончен.

Им, улыбаясь, стал подбирать слова, чтобы продолжить начатую тему:

— Человеческое тело — это сумма энергий, которые представляют собой силу. Эту силу мы используем на общение, на выполнение работы, и нам надо постоянно ее восполнять, чтобы клетки тела не теряли ее. Если человек накапливает обиду, злость, месть, то клетки засоряются, в них как бы образовывается осадок, и он не пропускает обновленные энергии, что вызывает отрицательное изменение в организме. Чтобы этого не случилось, мы пользуемся, алхимией. Мы заменяем отрицательные эмоции положительными. Конечно, это непросто и требует большой работы души. Например, в споре человек обидел тебя, за то что ты сказал что думаешь. Ты чувствуешь, что не виноват, но обида разъедает душу. Алхимия помогает осознать незначительность этой обиды, ты начинаешь работать над собой. Анализируешь свою реакцию и приходишь к выводу, что твоя совесть чиста, так как ты выразил свою точку зрения, и, если он не принял ее, это не повод переживать. Осознав это, обида проходит. К этому человеку ты уже не испытываешь отрицательных чувств, наоборот, стараешься относиться к нему так, как относился до ссоры. Алхимия помогла тебе обрести равновесие и гармонию.

— Вся жизнь на это уходит, — вздыхая, проговорил Иосиф.

— Конечно, — улыбнулся Им, — жизнь на Земле — это учеба, как говорит мой папа, а мы друг для друга — учителя.

— Но ведь есть и Великие Учителя, — тихо сказала Бэлла.

— Это особый разговор, конечно, есть, и эта тема по-настоящему интересная.

— Пожалуйста, а что ты об этом знаешь?

— Я? Я знаю, что миром руководит Великое Братство Адептов. Эти Учителя — сверхлюди. Их на земле пятьдесят-шестьдесят Человек. Члены этого Братства способны общаться на очень больших расстояниях и излучать силу на огромное количество людей. Они посылают мыслеобразы огромной силы, которые улавливаются гениями. Это прекрасная музыка, поэзия, живопись, научные открытия.

— А вообще чем они занимаются? — спросила Алена.

— Они трудятся на благо людей, существуют лаборатории, где они делают свои открытия, многие из которых держат в секрете, потому что эти знания могут быть использованы человеком во вред.

— А где они живут? — снова спросила Алена.

— Имея высокие вибрации, они живут в Ашрамах, которые находятся в Тибете, на Гималаях, на Алтае, — ответил Им.

— А кого они там учат? — спросила Жанна.

— Они учат нас, посылая мысли о совершенствовании наших душ, через алхимию, учат познавать без предрассудков. Например, Великого Учителя Сен Жермена называли Чудо-Человеком Европы. Он воплощался на Земле и жил среди людей, чтобы помогать, и о нем очевидцы рассказывали легенды. Например, он появлялся в разные века, и те, кто видел его в ранней юности, встретившись с ним через пятьдесят-шестьдесят лет, были потрясены тем, что он оставался в том же молодом возрасте. Умел наращивать и изготавливать бриллианты, профессионально играл на фортепиано, скрипке, великолепно рисовал, писал стихи. О нем можно много говорить, но лучше почитать. Есть его книга «Курс Алхимии, или Наука самотрансформации».

— Ну а как это, Им? Где он сейчас? — перебивали друг друга ребята.

— Сейчас он Вознесенный Владыка и по-прежнему трудится на благо человечества.

— А как же книга написана?

— Он продиктовал, и ее записали те, кто своей жизнью обрел доверие Высших Сил, те, кто обладает высокими вибрациями и способен слышать то, что передают Учителя.

— Это же надо, неужели среди людей есть Великие Учителя? — не унималась Алена.

— Есть прекрасная книга Антаровой «Две жизни», там очень основательно об этом написано, почитайте, я ничего нового вам не рассказал, обо всем можно узнать через книги Елены Рерих, Елены Блавадской, Марка и Элизабет Профет.

— У моих родителей эти книги есть, — с гордостью сказала Клара. — Я сейчас позвоню маме, и мы все пойдем к нам чай пить.

— Неудобно, — сказал Константин.

— Неудобно спать на потолке, — отпарировала Алена.

— Действительно, не хочется расходиться, — подержал Алену Серж.

Разрешение было получено, и ребята шумной гурьбой отправились в гости к Кларе.

\*\*\*

Им готовился к экзаменам, он должен был сдать экстерном за восьмой и девятый классы. Родители его одобряли: мол, что терять время, если есть желание, да и с Моной был уговор: они решили учиться в десятом классе. После экзаменов его ждала долгожданная встреча, и это вдохновляло и придавало силы.

— Им, — услышал он голос мамы, — тебя к телефону.

— Алло, привет! Спасибо большое. Ну вот видишь Жанна, а ты волновалась. Он пишет часто, что? Приедет? Я совсем забыл, что он будет поступать в аспирантуру, это же здорово, поздравляю. Рад за тебя. Мне приятно, что ты доверяешь мне свои сердечные дела. Да. Я очень жду приезда Моны. Спасибо. Пока.

Им повесил трубку. При мысли о Моне теплая волна разлилась в груди, и он прилег на диван и стал мечтать. Бегущие белоснежные облака, которые он видел сквозь стекло окна, говорили ему о быстротечности вре-

мени. Вчера он обнаружил совершенно удивительное явление: порезав палец, он смотрел, как кровь наполняла ранку и стекала с него. Он сосредоточился и стал напряженно с любовью смотреть на порез, словно аккуратно штопал кожу, соединяя ее края мыслью. Скоро кровь остановилась, и только красная полоска напоминала о порезе. Об этих явлениях ему говорил отец, но одно дело — слышать, а другое — испытать самому и справиться с этим. В тот момент ему казалось, что это доступно каждому, если сосредоточиться. Он посмотрел на свой палец и вдруг вспомнил нежные пальчики Моны, когда они бегали по клавишам пианино. Он думал о том, как они будут гулять с ней по парку, кататься на качелях, мечтать о будущем, глядя на эти плывущие облака, и сердце его переполнилось счастьем жить.

— Им, к тебе можно? — спросил Слав.

Им встал навстречу отцу, обнял его.

— Я помешал тебе, о чем ты думал, сынок?

— Я слушал, как поет моя душа.

— И о чем же она поет?

— Я так переполнен радостью, мне кажется, что она поет оттого, что живет.

— Это хорошо, самое время поговорить о сердце, давай присядем на диван, — и Слав, удобно расположившись, начал разговор:

— Я бы хотел знать: ты хорошо себе уяснил, что мир, который вокруг нас, люди создали своими мыслями и чувствами? Я хочу, чтобы ты понял очень важный момент, который состоит в том, что человек оторвался от Земли и неба, а так не должно быть. Земля, небо и мы неотделимы, это как треугольник. Диагональ идет из верхней точки к Земле, понимаешь? Земля — небо. По Земле она идет по прямой к тебе, то есть к людям, а потом снова поднимается в небо. Энергии, идущие с неба, трансформируются, попадая в зону Земли, и только тогда передаются человеку. И вот если ты будешь воспринимать это разумом, то это одно, а если сердцем — это другое, тогда ты услышишь небо. Основная масса людей воспринимает информацию умом, логикой, и только часть людей способна воспринять окружающий мир

сердцем. Есть такое выражение: «Сердце подскажет», это потому, что оно имеет свое восприятие. Ты замечал, что, видя животное, которое к тебе тянется, ты внутри себя ощущаешь, что понимаешь собаку или кошку, я уже не говорю о лошадях. Люди способны понять друг друга без знания другого языка, человека другой национальности, потому что это идет на уровне сердца. Ты уже взрослый и понимаешь, что твое взросление идет значительно стремительнее, чем у твоих ровесников. Это особенность твоей индивидуальности, предрасположенность, другими словами — программность самой природы, это неспроста.

— Папа, Мона и ребята, с которыми я сейчас общаюсь, не уступают мне ни в чем.

Слав улыбнулся и привычно потрепал сына по голове.

— Да, идет новое поколение, но это исключение, вот почему я веду этот разговор. Разговор идет о тебе, и мне важно, чтобы ты чаще задумывался о сердце и искал в нем священное место, которое будет связывать тебя со всем живым на Земле, и не только. Чтобы приступить к серьезной работе, чтобы научиться создавать Тело Света, то есть Мер-Ка-Ба, ты должен все знать о сердце. Как только сдашь экзамены, сразу начнем серьезно работать над тетраэдром, ты уже знаешь, зачем это надо.

— Папа, пожалуйста, давай еще поговорим о Мер-Ка-Ба.

— Прежде всего это огромные возможности во благо. Это возможности, которые открывают путь человечеству, но с этим надо быть очень осторожным. Если человек не отвечает высоким нравственным нормам, он просто может погибнуть, прикоснувшись к высоким вибрациям. Тебе необходимо тренировать память, воображение и, конечно же, определить свои убеждения. Овладев Мер-Ка-Ба, человек способен ускоренно развиваться. Я много об этом говорю, потому что тебе предстоит научиться соединиться с электрической системой внутри тела. Это небезобидно, в этом есть кое-какая опасность, поэтому тебе задание: делай медитации на серд-

це, ищи пути, как в него войти, пробуй. Я подкорректирую. Обычно при таких медитациях сердце может немного ныть, это происходит оттого, что у человека в детстве было много душевных травм, начиная с процесса рождения. У тебя рождение было благополучным, а та травма, о которой ты помнишь, даст о себе знать ненадолго. Все неприятные ощущения пройдут.

— Папа, я смогу в медитации быть в том месте, где люблю гулять, где мы сидели с Моной?

— Конечно, но лучше взять нейтральное место, берег моря, потому что работа серьезная, и нежелательно, чтобы тебе помешали. Обязательно представь себе алтарь, где горит огонь жизни в сердце, ты знаешь, мы с тобой уже пытались это делать.

— Папа, вы с мамой передвигались в пространстве с помощью Мер-Ка-Ба?

— Нет.

\*\*\*

Сегодня Им ждал друзей. Мама купила сладостей, хорошего чая, папа поджарил кусочки белого батона в тостере вместе с сыром и красиво уложил их на большом блюде. Мама поставила на стол салат из фруктов и яблоки с корицей. Когда все было готово, они ушли к Тине и Вэлу.

Им чувствовал, что с этими ребятами ему интересно, потому что они тоже пытаются заглянуть в неизведанное. Они не раз уже говорили обо многом, спорили, но не ради спора, а ради того, чтобы проверить себя, чтобы убедиться в правильности поиска. В дверь позвонили, и Им торопливо пошел открывать. На пороге стояли Жанна, Алена, Клара и Инна. Они смущенно вошли и стали щебетать, крутясь в прихожей у зеркала. Снова звонок — и дружная стайка ребят завершила всю компанию. Девять человек, которые стабильно посещали совместные встречи, мелькнуло в голове Има, хорошее число. Пожалуй, самым привлекательным из мальчиков был Роберт, он всегда особенно смотрел на Жанну, но она словно не замечала его. Она вздыхала по Махмуду, который приедет почти в одно время с Моной, приедет поступать в аспирантуру именно в этот город.

— Ого, — пошутил Константин, глядя на стол, — да здесь есть чем поживиться.

Все дружно рассмеялись.

Ребята с удовольствием рассматривали скульптуры Слава. Им приглашал ребят на выставки отца и был этим очень горд. Но то, что ребята увидели дома, привело их в неопишуемый восторг. На кухне вода текла не из кранов, а из ртов двух львов. Стол стоял на ногах тигров, холодильник рассмешил всех, потому что забавная черепаха, подняв лапку, разрешала открыть дверцу в свой живот. Кухонная мойка была в форме дельфина, часы вмонтированы в голову инопланетянина. В общем, все, что они видели, привело их в восторг.

— Им, можно я буду отвечать за чай? — спросила Жанна.

— Конечно, — обрадовался Им.

Всегда сосредоточенный Роберт заговорил:

— Ребята, предлагаю продолжить наш разговор о пирамидах.

— Давайте, — подхватили ребята.

— Нет, Роб, ты в прошлый раз начал разговор о каких-то правилах совершенства, так ведь? Вот и продолжай, — предложил Иосиф.

Роберт не заставил себя ждать и с увлечением сообщил: оказывается, есть девяносто отдельных трактовок совершенствования, которые открывались только ученикам мистических школ. Все дело в скрытых психических силах.

— Им, помнишь, мы с тобой говорили о том, что методы психического развития принадлежат к различным философским школам.

— Да, — продолжил Им, — если бы люди осознали божественность своей природы, они бы осознали и возможность общения с Высшими Силами. Психическая энергия — это путь ко многому. Философские школы сохраняли этот секрет, и если передавали, то на тайном языке «сензар».

— Тайные знания открывались и способом символов, арабскими цифрами, — подхватил Иосиф.

— Совершенно верно, — обрадовался Им, — эти символы вырезались на плитах и хранились на алтарях мистических школ.

— Ну а что на них написано, прочитали? — спросила Клара.

— Конечно, — улыбнулся Им. — Только выполнять это ох как трудно, требуется слишком много условий.

— И что, все ученики выполняли? — поинтересовалась Инна.

— Как всегда. Кто-то выполнял, а кто-то не выполнял и вылетал из учеников, — резюмировал Роберт.

— Ребята, ближе к делу, не томите, что надо было выполнять? — нетерпеливо спросила Алена.

— Аленочка, — засмеялся Константин, — тебе это не грозит, ты не потянешь.

— Помалкивай, — огрызнулась Алена.

Им улыбнулся и сказал ей:

— Первое, это самоотречение. Надо отказаться от личной жизни, если хочешь жить в Духе. Надо закалить свою душу против обольщения эгоизмом, быть довольным своей судьбой, уничтожить гордость и себялюбие.

— Ну я же говорил, Аленочка, что не потянешь, — продолжал шутить Константин.

— Можно подумать, что ты потянешь.

— Разговор идет о древних мистических школах. У них был свой путь, а у нас будет свой, — успокоил Им.

— Вот именно, — согласилась Алена.

— Ребята, мы сейчас говорим немного о другом, если у нас будет ответственность, волевая направленность на ту задачу, которую мы поставим перед собой, если мы будем вместе, горы свернем, — сказал воодушевленно Им.

— Что именно? — не терпелось узнать Алене.

— Сначала работать над собой через самоанализ.

— Отслеживать свои поступки и мысли, — продолжила Жанна.

— Если мы будем вместе, многое сможем сделать полезного и для себя, и для других, — заключил Им, — а пути наши открыты, и мы найдем к ним дороги, у меня много планов в голове.

— И у меня, и у меня, — зашумели ребята.



— Костя, ты добрался до яблок и уже почти все уничтожил, — обнаружила Алена, протянув руку к чаю.

— А я когда увлечен разговором, то автоматически поедаю все вокруг, — взмолился Костя.

Все дружно рассмеялись.

— Да нет, правда. Дома писал статью в школьную газету, так десять строчек напишу и что-нибудь должен бросить в рот, наверное, от усердия происходит быстрое сгорание, — оправдывался Костя.

— Да мясорубка ты, вот и все, — хохотала Алена.

Костя вскочил и пошел на Алену, та, в свою очередь, с писком стала прятаться за спинами ребят.

— Ну ладно, хватит, кому еще чаю? — скомандовала Жанна. — Между прочим, мы отклонились от темы, собиравшись говорить о пирамидах.

— Торопись, пока Костя не проглотил чайник, — продолжала хохотать Алена.

Успокоившийся Костя небрежно бросил:

— Алена, я тебя придавлю, как «Ленин буржуазию».

— Ну хватит, Алена, — сказала Инна, — когда я в детстве ездила с родителями к пирамидам, только ходила следом за ними по этим лабиринтам и думала, зачем люди настроили эти проходы. А теперь бы совсем другому смотрела на все.

— И все же, кто их построил? — задумчиво произнесла Клара.

— По этому вопросу много предположений, — ответил Роберт.

— Есть достоверная версия, что пирамиду Хеопса построил Гермес Трисмагист, он же Меркурий, — ответил Им, — именно эта пирамида обладает тремя уровнями сознания.

— Ничего себе, — заговорил наконец Иосиф.

— В пирамиде три камеры, то есть три помещения, — продолжал Им, — для фараона, царицы и колодец.

— Какой еще колодец? — удивилась Алена.

— Я слышал, что-то говорили у нас дома, когда приходили друзья родителей, — припоминал Роберт, — что там есть глубокий колодец.

— Глубина его больше полутора километров, — объяснил Им, — и именно с него начиналось испытание.

— Какое испытание? Это же гробница, — недоумевал Иосиф.

Им улыбнулся и продолжил:

— Оказывается, все было задумано для того, чтобы проводить в этой пирамиде церемонии. В саркофаге не было фараона, и эта комната проветривалась. А значит, здесь проходили посвящения. Мне рассказывал отец, что колодец — это первое место, где должен начать свое посвящение человек. Отец был там. Колодец — это первый уровень сознания, где он познавал «черный луч из Земли», потом его переводили к белому лучу, в саркофаг фараона. Человека закрывали на два-пять дней, где посвящающий должен был проделать определенное задание.

— Вот бы Алену закрыть, — буркнул Костя.

— Ну дай послушать, — возмутилась Алена и спросила:

— А что было в склепе царицы?

— В склепе царицы человек проходил восстановление. Да, забыл очень интересный момент: при входе в камеру царицы, прямо на камне, был отпечаток, словно на фотографии, лицо Иисуса Христа, точно такой, как на плащанице. Вообще, ребята, надо видеть это все самим.

— Я помню, родители говорили, что там находят все новые комнаты и что мусульмане совершали там свои захоронения, — увлеченно дополнила Инна.

— Знаете, ребята, одно дело — слушать то, что видел кто-то, другое — видеть своими глазами, я предлагаю копить деньги. Летом можно даже поработать где-нибудь, да и родители помогут, когда будут видеть, что на благое дело.

Счастливым Им предложил:

— Поднимите руки, кто отправится к пирамидам?

Руки подняли все.

— Нас девять, а это число космическое, и оно принесет нам удачу, — заключил Им.

Все были в приподнятом настроении и в том особом единстве, когда общая цель придает силы и торжественность.

— Греем чай по-новой, — сказал Костя, подхватив чайник, и ринулся на кухню. Ребята рассмеялись. Иосиф сидел рядом с магнитолой, он нажал кнопку, и чудесная музыка завершила их разговор.

— Потанцуем, — объявил Иосиф.

— Чайник поставил, — отчитался Костя и повернулся к Алене. — Пойдем танцевать, ты со мной не порть отношения, а то, когда поедем к пирамидам, я тебя под шумок замурую, и не узнают, где могила твоя.

По всему было видно, что Костя влюблен в Алenu. И под общий смех она гонялась за Костей, пытаясь вцепиться в него, но спас ее Роберт.

— Приглашаю, — церемонно склонившись перед ней, он закружил ее в непонятном танце, так как совершенно не умел танцевать, что вызвало новый взрыв смеха.

Иосиф что-то говорил Жанне, Константин, взяв за руку Инну, что-то шептал ей на ухо, а когда увидел, как беседуют Им и Клара, извинившись, подошел к ним.

— Ребята, я так рад, что попал в нашу «девятку».

Им засмеялся, ему нравился Костя своей открытостью и балагурством, он угадывал в нем вдумчивого человека, и Костя не заставил себя ждать, сказав:

— Самое загадочное в пирамидах, что они геометрически связаны с Землей, Луной, Солнечной системой и человеком.

Им обнял Костю и Клару, и они пошли втроем танцевать, выделявая ногами смешные кренделя, чем рассмешили всех.

\*\*\*

Экзамены были позади, теперь Им стал старше на два класса. Лето обещало много интересного, а главное — через три дня приезжала Мона. Весна действовала на Има вдохновенно, как и на всех его друзей. Стройный и развитый во всех отношениях, он легко общался с людьми любого возраста и тонко чувствовал собеседника. Жанна сообщила, что приехал Махмуд, он ждал их прихода. В дверь позвонили, и Им, открыв дверь, увидел белозубую улыбку Махмуда и лучезарную Жанну. Счаст-

ливая девушка, распустив свои великолепные волосы, была обворожительна.

— Проходите, — пригласил Им, но ребята решили скорее идти в парк, и он, захлопнув дверь, присоединился к ним.

— Ну ты молодец, Жанна разговаривала мне, что ты сдал экстерном экзамены.

— Мона тоже что-то задумала, говорит, подготовила сюрприз, — торопливо сообщила Жанна.

— Ну, ты молодец-чудак. Я даже слова точно подобрать не имею, чтобы высказать восхищение, что я очень рад снова увидит вас, Жаннет.

Они шли по направлению к парку, и Им тоже восхищался Махмудом, его последовательностью: влюбился, решил и приехал. В прошлый раз там, на горе Синай, у Махмуда на голове был клетчатый платок, подхваченный толстым шнурком, а сейчас он был другой. Открытый лоб и красивые, лежащие волнами блестящие волосы, прекрасный европейский костюм делали его очень привлекательным.

— Я все это время практиковал наша больница, теперь буду лечить вас, — рассмеялся Махмуд. Жанна тоже смеялась, а Им думал о том, что говорил отец о сердце. Он понял, что если бы Махмуд молчал, то все равно сердце подсказало бы, что он добрый, порядочный и вообще отличный парень и общение с ним доставляет удовольствие.

— Ты знаешь, Им, я очень полюбил Жанну. Я счастлив, что она такая. Три года аспирантуры, и она подрастет, — сказал Махмуд, слегка обняв Жанну и заглядывая ей в глаза, — и тогда я ей отдам свое сердце, ты не против, Жанна?

— Махмуд, — засмеялась Жанна, — это большой срок, целых три года, за это время может много всего произойти. Я могу уехать учиться в другой город.

— Ты перестанешь меня любить? Да? Ты это хочешь говорить? — допытывался Махмуд.

— Нет, я хочу сказать, что Им и Мона должны через полгода обручиться, вот я что хочу сказать.

— Ах вот оно как! Так что, мы тоже можем обручиться? Наш закон не позволяет до свадьбы... я буду беречь

тебя, пока ты вырастешь. Ты так хочешь? Ответь мне. Я буду очень счастлив. Хочешь?

— Да, — ответила Жанна и по-детски уткнулась в грудь Махмуду.

Им был свидетелем очень интимного разговора, и его это трогало, потому что только при очень близких сердцу людях ведутся такие доверительные разговоры.

— Им, — обратился Махмуд, — я завтра напишу письмо старшему брату и попрошу у него разрешения. Я рассказывал ему о Жанне и обо всех вас. Я тосковал, очень ждал встречи. Я видел всех вас во снах, и все мои мысли крутились вокруг вашего города и пшеничных волос Жанны. Первое исполнилось, теперь главное — сдать экзамены в аспирантуру, да, Жаннет?

— Да, — улыбаясь, подтвердила Жанна.

Им увидел на ее руке красивый браслет с изображением слонов, а на платье, чуть ниже талии, такой же формы пояс.

— Это золото? — спросил Им, понимая, что это подарок Махмуда.

— Да, у нас оно не такое дорогое, как у вас, — ответил Махмуд. — Я и Моне привез браслет, ты же не обидишься, если я ей подарю.

— Конечно, нет! — ответил Им, размышляя над тем, что он-то не подготовил подарка Моне. Он обязательно что-то придумает. Вернее, он подготовил ей книги Боба Фриссела, но вот что-то женское!.. спасибо Махмуду, подсказал.

— Приедет Мона, устроим вечеринку, хорошо? — предложил Им.

— Хорошо, — ответил Махмуд. — Да? Жаннет, хорошо, правда?

— Конечно, — ответила Жанна. — Мы с Моной приготовим деликатесы. Увидите, как мы вкусно умеем готовить.

— О, мы сомнения нет, — рассмеялся довольный Махмуд, — теперь остается встретить Мону, когда она приезжает?

— Через два дня, — выпалил Им.

Жанна тут же подхватила:

— Мама уже волнуется, да и папа, не говоря уже о том, как соскучилась я.

— Предлагаю покататься на чертовом колесе.

И Им пошел брать билеты. Как приятно было оказаться над городом, плавно поднимаясь над верхушками деревьев. Има переполняло предвкушение предстоящей встречи, и, когда колесо находилось на самой высокой точке, он сожалел, что нет парашюта, с которым бы он прыгнул и летел над деревьями, идущими людьми и кричал: «Я люблю Мону! Как я счастлив!».

Накатавшись на колесе, они зашли в маленькое кафе, где играла чудесная музыка. Подкрепившись, единоголосно решили покататься на лодке по красивому искусственному маленькому озеру. Им сидел за веслами, а Махмуд и Жанна о чем-то живо беседовали смеясь.

— А вот и не сделаешь, и не сделаешь, — дразнила Жанна.

— Смотри, — сказал Махмуд, выпрямляясь и прыгая в воду.

Им ничего не понял, только услышал истошный крик Жанны:

— Да я пошутила, пошутила, вылезай, пожалуйста.

— А ты скажи громко, что любишь, тогда выйду.

Жанна умоляюще смотрела то на Махмуда, который барахтался в воде, то на Има.

— Да скажи ему, прошу, он тонет.

— Не я должен просить, Жанна, а ты крикни ему, что любишь, и он влезет в лодку.

Катающиеся люди образовали круг из лодок, с любопытством наблюдая эту комедию.

— Да люблю, люблю, — прокричала Жанна и заплакала.

Махмуд забрался в лодку. Для него, южанина, вода была еще холодной. Он тревожно смотрел то на Жанну, то на Има.

— Она плачет, почему? — озабоченно спрашивал он.

— Наверное, потому, что ей жалко, что тебе холодно, да, Жанна? — пояснил Им.

— Да, — ответила Жанна и попросила: — Давайте скорее домой, ему надо обсохнуть.

Мокрый Махмуд оставлял за собой следы на асфальте, и недоуменные взгляды прохожих сопровождали всех троих до самого дома.

\*\*\*

Лея проводила Слава на заседание, а сама решила еще понежиться в постели. Ей хотелось вздремнуть, но темные шары в воздухе, периодически появляющиеся перед глазами, наполняли тревогой сердце.

— Мама, — без стука ворвался в спальню Им, — мама, что-то плохо, что-то происходит. Я чувствую, что-то случилось.

— Успокойся, я папу проводила, не притягивай отрицательную энергию, держи себя в руках. Ну что может быть плохого, что?

У Леи разболелась голова, тревога витала уже в воздухе. Им тяжело опустился в кресло, у него начался озноб. Лея надела халатик и тихо попросила:

— Им, помоги мне. Если ты расстраиваешься, идет потеря психической энергии, а у меня вдвойне. Прошу тебя, успокойся, — и она пошла на кухню принести горячего чая сыну. Когда она вошла, то поразились его бледности. Он тихо сказал:

— Мама, с Моной плохо.

В дверь постучали, хотя был звонок. Лея пошла открывать, на пороге стояла потерянная Эва и перепуганная Жанна.

— Проходите, проходите.

Эва, тяжело переступая через порог, подала Лее телеграмму. Лея прочла: «Мона тяжело в состоянии. Отправили самолетом, встречайте...» Дальше уже Лея не читала.

— Я по телефону поговорила с аэропортом Парижа и с теми, у кого она жила. Все было хорошо, ее проводили, и когда она вышла из автобуса у самолета, то уронила сумочку. Все поторопились в самолет, а она присела и стала собирать то, что раскатилось по земле. В это время машина, которая заправила самолет, развернулась и, не заметив ее, сбила. С перепугу она вскочила на ноги... В Париже настаивали на том, чтобы вызвать

врача, но она отказалась, а в самолете потеряла сознание. С самолета сообщили, чтобы на поле подогнали «скорую помощь».

Им тихо спросил:

— Когда надо ехать?

— Самолет уже час в воздухе, через два прилетит, только бы она была жива, — шептала Эва. — Григ поднимает на ноги врачей, он будет ждать нас в аэропорту. Вы собирайтесь, мы к вам подъедем. Жанна, садись за руль, я не в состоянии.

— Хорошо, мамочка, пойдем, — и они вышли.

Лея и Им выходили из оцепенения.

«Если она смогла подняться на самолет, то все цело», — думала Лея.

«Может быть повреждена голова, если потеряла сознание», — думал Им.

Они торопливо оделись и быстро вышли на улицу. Когда подъехали к аэропорту, на поле уже стояли машины скорой помощи, а отрешенный Григ ходил взад-вперед. Объявили посадку самолета, натянутые, как струны, они бросились на поле.

Мону несли на носилках. Им увидел ее застывшее лицо.

«Нет! — кричала его душа. — Нет!»

В машину скорой помощи было позволено сесть только матери, остальные ехали с Жанной. Для Има время остановилось, все в машине молчали. «Скорая помощь» мчалась, громко издавая сигнал о беде, и от этого холодило спину. Подъехав к больнице, два санитары быстро пронесли носилки и скрылись за дверью. Все, словно потерянные, медленно побрели вслед за ними, понимая, что теперь жизнь Моны в руках врачей.

— Мама, прости, я останусь здесь.

— Конечно, золотко мое, а я встречу с работы папу, и мы придем, — ответила Лея.

— Я вас отвезу и поеду за Махмудом, он все же врач, — прошептала Жанна. Лея сочувственно пожала руки Эве и Григу и села в машину.

Лея вошла в квартиру, и совершенно незнакомое чувство властно постучало в душу словами:



— Скорей бы пришел Слав, — она не знала, чем заняться, и почему-то принялась за уборку. Понимая бессмысленность этой работы, отправилась на кухню, все падало из рук, и она, не выдержав, набрала номер мобильного телефона.

— Я уже поднимаюсь по лестнице, лифт не работает.

Повернулся ключ, и вошел Слав. Лея бросилась к нему, он чуть отстранил ее от себя, произнеся:

— Знаю, спокойно, не надо так, дорогая, ты же обещала владеть эмоциями. Все знаю. Все знал три года назад.

— Как? — не поняла Лея.

Он обнял ее и тихо сказал:

— Помоги мне, не хнычь, сейчас потребуются наши сверхсилы. Я думал, это случится через несколько месяцев, но значит, мне пора.

— Что ты говоришь, я ничего не понимаю, прошу, объясни, любимый, при чем тут ты?

Слав быстро подставил лицо под холодную струю воды и сказал:

— Пошли в больницу, я не голоден.

\*\*\*

В коридоре больницы собралась вся семья Моны, Им, Махмуд, который добился того, чтобы его пропустили в реанимацию. За это время врачи обследовали Мону, и все с нетерпением ждали выхода Махмуда, от которого надеялись узнать то, что могли не сказать врачи. Он вышел, и Им первый бросился к нему с надеждой, но он, окинув всех влажными глазами, прошептал:

— Мужайтесь.

— Слав, что же это? — Лею знобило, и она, прижимаясь к нему, почувствовала, что с ней что-то творится и она не в силах с этим совладать.

— На внутреннем экране я вижу кровоизлияние внутренних органов, повреждены печень, селезенка, — тихо прошептал Слав.

Семья отошла к окну, Жанна рыдала, Григ стоял с неподвижным лицом, Эва тихонько плакала, Махмуд,

словно виноватый, стоял в стороне. Им рванулся к Славу.

— Отец, — словно безумный, шептал он. — Спаси ее, ты можешь, я знаю. Папа, я гибну, спаси меня, — он опустил и обнял колени отца, причитая: — Спаси, ты можешь.

Слав гладил его по голове, успокаивая:

— Хорошо, сынок, хорошо, родной, успокойся, ее иммунитет, как и у тебя, сильнее, чем у других. Есть только один выход... — Им не дал договорить отцу, он с мольбой смотрел в глаза Слава и приговаривал:

— Используй это, прошу, используй этот выход!

Слав подозвал Махмуда, который внимательно выслушал его, кивая головой и что-то приговаривая.

— Да, да, понимаю, — и, исчезнув, появился с белым халатом. Проходившие мимо Слава и Махмуда врачи вели привычный для них разговор, который донесся до Леи и Има.

— Ну, пусть морочат голову, ей осталось жить несколько часов, — и медсестра добавила: — Да уже никакая операция не поможет.

Лея и Им присоединились к убитой горем семье, а подошедший к ним Слав попросил всех ехать домой.

— Я сам эту ночь буду дежурить у нее, а завтра кто-то из вас подменит меня. А сейчас вы ничем не поможете ей.

Махмуд поднял глаза, полные упрека: мол, чего морочить голову, Мона умирает.

Лея все поняла: назад ходу нет, и, успокаивая всех, предложила выйти из больницы. Григ возмутился, но Лея сказала:

— Если Слав взялся за это, Мона будет жить. Вы этого хотите?

— Да, — ответил растерянный Григ и послушно пошел к машине. Вся семья, словно под гипнозом, безропотно повиновалась, потому что выхода никто не видел. Махмуд, как врач, остался дежурить в коридоре, а Лея и Им взяли такси.

— Скорее, пожалуйста, — просил Им таксиста, — мы опаздываем, нам надо помочь человеку.

Войдя в квартиру, Им метался, говоря, что надо торопиться, но Лея сказала, что необходимо снять негатив водой. Она быстро приняла душ, затем это сделал Им. Они знали, что предстоит работа, и нелегкая, работа, которая требует внимания и повышенной концентрации.

Они лежали, расслабляясь и входя в состояние, когда должны выйти из тела. Им умел это делать, но только для того, чтобы покататься на облаках, сейчас же надо было отдать целенаправленно много энергии. Совместными усилиями они старались создать экран, это удалось далеко за полночь. Направляя энергию на помощь Славу, Лея внезапно попала в прямой канал и увидела, как Мона открыла глаза и, глядя в ее зрачки, страдальчески произнесла:

— Ой, ой, ой.

На мгновение Лея оцепенела, и лента видения подхватила вибрации памяти прошлого. Она видит на своих руках грудного ребенка, девочку, которая ищет грудь, пытается тянуть молоко, но молока нет, и снова еле слышное: ой, ой, ой.

— Эва! — закричала Лея, — Эва, доченька! — она трясла ее безжизненное тельце, и ее сердце рвалось на куски.

Экран снова показал Мону, и теперь уже Лея не сомневалась, что в одной из жизней Мона была ее дочерью, которую звали Эва. Тогда Лея не уберегла ребенка, ребенок умер.

— Мона! — кричала Лея. — Девочка моя, живи! Прощу, живи!

Мона улыбнулась, и Лея провалилась в глубокий сон, словно в небытие.

На следующий день солнце уже садилось, когда Им поменял ей очередное полотенце на голове, пропитанное его сильной энергией.

— Я так долго спала? — спросила Лея и увидела усталое лицо сына.

— Да, мамочка, я не мог отойти от тебя, я боялся тебя оставить, чтобы пойти в больницу. Ты долго была вне

тела, тебя же папа предупреждал, что это опасно, я очень тревожился.

Лея чувствовала слабость, ее тошнило, кружилась голова.

— Как Мона? — забеспокоилась она.

— Она жива. Жанна звонит через каждые два часа.

— Боже мой, сыночек, что будет со Славом, — и слезы безвольными струйками стекали по ее лицу...

— Он там, больше никого не пускают к ней. Родители сидят в коридоре.

— Когда придет Слав? Когда придет Слав?

— Не беспокойся, мамочка, он сказал Жанне, что освободится через два дня, — заверил Им.

«Опять число три», — мелькнуло в мыслях у Леи.

— Мамочка, ты не выходи, тебе нужен отдых, я сейчас включу медитативную музыку, проветрю комнату, ты должна восстановиться.

В голове Леи опять мысль: «А восстановится ли Слав?».

— Я бы хотел поехать в больницу, ты не против?

— Конечно, сынок, конечно.

Дверь захлопнулась, и на Лею навалились тяжелые мысли. Она припоминала подробности разговора со Славом, его фразы звучали в ушах: «если успею», «надо торопиться», «мы больше не сможем об этом говорить», «я должен успеть многому научить Има».

«Что же это такое?» — стучало в висках. И вдруг страшная догадка: «Он спасает Мону ценой своей жизни». Лею словно парализовало, она не могла шевельнуться, ни о чем думать, казалось, время остановилось и она находится в пустоте. И неизвестно, сколько времени она находилась бы в этом состоянии, если бы не раздался телефонный звонок. Лея вздрогнула и не сразу поняла, что нужно сделать, у нее не было сил протянуть руку. Превозмогая себя, она дотянулась до телефонной трубки и услышала:

— Мамочка, все врачи в шоке, страшный диагноз исчез, все органы в порядке, — радостно сообщал Им.  
— Почему ты молчишь?

— Сыночек, как Слав?

— Хорошо, не волнуйся, он выходил, обнимал меня. Григ сказал, что теперь мы одна семья. Он понял, что Слав обладает силой. Mamочка, милая, как я счастлив. Сегодня ночью он снова будет дежурить у нее, а завтра вечером Мону переведут в палату. Почему ты молчишь? Ты плохо себя чувствуешь?

— Им, когда вернется Слав?

— Он говорил, что на все ему надо три дня.

«Уже около двух дней прошло», — подумала Лея.

— Если ты приедешь сюда, то увидишь его.

— Хорошо, я приеду.

Лея с трудом поднялась и пошла в душ. Живительные струи прохладной воды врачевали ее. Она медленно оделась и, не торопясь, вышла из дома. Поймав такси, быстро приехала в больницу. Эва бросилась к Лее и, смеясь и плача, обнимала ее. Григ, как ребенок, бурно отреагировал на ее появление. Жанна и Махмуд в белом халате сидели и о чем-то тихо говорили.

— Где Им? — спросила Лея.

— Ему разрешили провести с Моной два часа, — радостно сообщила Эва.

Увидев Лею, Махмуд резко встал и, отозвав ее, шепотом сказал:

— Произошло что-то невероятное, Славу все разрешают, он поступает так, как считает нужным, они не вмешиваются, а он никого туда не впускает. Позвал Има, он ему нужен.

Лея понимала, что именно эти два часа Слав на отдыхе, а Им вместо него дает энергию Моне. Она резко встала и хотела уже пойти туда, но Махмуд сказал:

— Нет, он не разрешил. Вам нужен отдых.

Лея попыталась взять себя в руки и отключиться от всех мыслей. Она вышла с Эвой на воздух. Солнце садилось, его красный диск образовывал огромную белорозовую ауру. Непрошенные мысли летали, словно надоедливые мухи:

«Он боялся нашей привязанности, он тревожился, что нам будет трудно без него». Она почти не слышала того, о чем говорила ей Эва.

— Вы спасли мою дочь, я таких людей не встречала. Вы обладаете чем-то сверх...

Лея грустно улыбнулась и сказала:

— Все мы здесь, на Земле, чтобы помогать друг другу. Для этого мы и приходим на Землю.

— Если бы так думали все! Лея, моя душа, мое сердце — они больше не мои. Я дарю свою жизнь вам. Я ваш друг, подруга, если хотите — мать, служанка, и для меня нет на свете роднее вашей семьи. Мона — это наше дитя. Мы дали ей жизнь, а ваша семья вернула ей жизнь, — Эва тихо плакала и улыбалась.

Лея обняла ее и сказала:

— Да, милая, Мона и моя дочь, только тогда ее звали, как тебя, — Эвой.

Эва подняла глаза, не понимая, что она имеет в виду, а Лея продолжала:

— Тогда она умерла. Ей было всего четыре месяца. А сейчас она будет продолжать жить, и это счастье.

— Когда? Я не могу понять, о чем ты?

Лея прижала ее к себе и тихо сказала:

— Тогда, очень давно, когда мы были другими. Мы все родные друг другу. Если бы это люди поняли.

Лея дождалась Има, и, простившись со всеми до завтра, они отправились домой. Молча сели в машину, молча доехали и вошли в квартиру. Лея молча стала готовить ужин, Им молча ел. Лея смотрела на его бледное лицо и понимала, что эмоции здесь ни к чему.

— Я все понял... на экране я увидел, как уходят силы отца и как входят в Мону.

Лея молча подвинула Иму тарелку.

— Скажи, он сделал это потому, что я его просил? Скажи, прошу, ма? — и глаза его наполнились слезами. Он ждал ответа.

— Им, ты уже взрослый. Человек всегда перед выбором. Но есть еще карма, помнишь, мы говорили. Есть отработка судьбы. Есть долг жизни, и на протяжении веков мы отдаем то, что задолжали в прошлых воплощениях. Мог ли Слав поступить по-другому? Мог. Все зависело от его выбора. Он поступил так, как считал нужным,

он отдал долг дорогой ценой, вернув жизнь Моне. Ради вашего счастья.

Им, не мигая, смотрел на мать, пытаясь осознать то, что услышал, а она продолжала:

— Теперь подумай, какая ответственность ложится на тебя и на Мону. Вы должны пойти дальше нас.

\*\*\*

Им был в больнице, а Слав, отрешенный и похудевший, тихо лежал на диване. У него поднялась температура, и Лея хлопотала, стараясь приготовить то, что могло бы ему хотя бы немного восстановить силы.

— Подойди ко мне, дорогая, я хочу смотреть на тебя, гладить твоё лицо, ласкать тебя взглядом.

— Любимый, — сказала Лея, садясь возле него и целуя ему руки.

— Пока Има нет дома, нам надо поговорить. Ты все понимаешь, милая, стресс моего организма необратим. Я использовал суперэкстрасенсорику на клеточном уровне, я заменил ей поврежденные органы. Прошу, никаких трагедий, о подробностях никому.

Слезы градом катились по её лицу, она не могла себя сдерживать, только быстро смахивала их со щек и гладила его слабые руки.

— Просто я думал, что это случится на четыре-пять месяцев позже, но, видно, так должно быть. Ты все поняла: Им и Мона — одна Монада, близнецовые пламена, две дополняющие друг друга половинки. Не исключено, что, если бы Мона погибла, они не смогли бы встретиться еще много веков, — он помолчал и продолжил: — Вот какая основная просьба: в моем кабинете все поменяй, я буду находиться там.

— Что поменять, милый?

— Должно быть все белое. Занавески, накрой кресла белым бархатом, помнишь, мы привезли из Египта? Вынеси живые цветы. Проветри хорошо комнату, должен быть очень свежий воздух. Через три дня мы попросаемся. У нас еще есть время, и мы о многом поговорим. Для меня сейчас главное — Им. Я не успел передать ему то, что необходимо для него, но я думаю,

что еще успею. Когда через три дня я войду в кабинет, больше не беспокойте меня. Войдете в комнату еще через три дня. Мне нельзя мешать, я должен быть один. Это связано с дыханием, мне нужно создать мощное тело Света. Мы с тобой мало говорили о возможности Мер-Ка-Ба, не было времени. Прodelав шесть дыхательных упражнений в полном покое, я смогу подойти к сферическому дыханию, а связавшись со своим Высшим «Я», согласую остальные упражнения, чтобы создать средства Вознесения через пятнадцатое, шестнадцатое, семнадцатое упражнения. И только тогда перейду к основному для меня шагу, восемнадцатому упражнению, которое живым использовать запрещено. Именно восемнадцатое упражнение поможет мне создать скорость Света, и я перейду в другое измерение. Восемнадцатое упражнение на время вернет меня к Истоку, а, отдохнув, я снова получу задание, но на это уйдут века. Теперь ты знаешь то, о чем мы почти не говорили, поэтому ты должна все это принять мужественно, зная, что наша встреча впереди неизбежна, это дело времени. Остальное скажу, когда придет Им, я устал.

Лея тихонько встала, задернула шторы и вышла. Когда она вошла в кухню, то была удивлена, что Им дома. Он стоял у окна и смотрел на плывущие облака.

— Я все слышал.

— Хорошо, значит, не надо повторяться.

— У меня горит в груди, — он подошел к матери, прижался к ней, как в детстве, и прошептал: — Помоги пережить это, мама, ты сильная. Как мы будем жить без Слава?

— Сейчас, когда ты устал, малейшие эмоции забирают вдвойне больше энергии. Поднимись над своим низшим человеческим «Я», прими обстоятельства, успокойся и иди отдыхать, это сейчас самое главное.

\*\*\*

Утром Слав вышел из своего кабинета, и они с Имом начали беседу. Лея в это время выполняла его поручения.



— Им, у меня теперь нет сил и времени показать тебе то, к чему вел. Я хотел научить создавать тебя поле Света вокруг себя, потому что тебе это понадобится в будущей работе, но это поправимо. В страну приезжает человек, лучше которого никто не сможет научить этому. Разыщи его, найди его книги, подготовься, но уроки бери только лично у него. Запомнил?

— Как его имя, папа?

— Друнвало Мельхиседек.

— Так это он в детстве показал мне розовых ангелов?

Слав улыбнулся:

— Он узнает тебя, главное — будь внимателен. Эти упражнения не прощают ошибок. Поезжайте к нему с Моной. Потом обучишь своих ребят.

— Папа, я все понял, я слышал твой разговор с мамой, прости. Ты же видишь, я держу себя в руках. Скажи мне, прошу, мы увидимся когда-нибудь?

Лея вошла в гостиную и села рядом с ними.

— Увидимся, конечно. Ты помнишь монашенку, которую мы встречали в монастыре под горой Синай? Ты помнишь, что она сказала?

— Она сказала, что я нужен на Земле.

— Правильно, у тебя очень важное дело на Земле, и мы встретимся, если ты не нарушишь космических законов, понял?

Им наклонил голову.

— Ну, ну, ну, только не раскисай и помни: ты Воин Света. И будь достоин.

\*\*\*

Жанна, Махмуд и Им были у Моны в больнице, когда Григ и Эва зашли навестить Слава. Лея накрыла стол, и все дружно с шутками уселись. Казалось, все знают что-то важное, но не говорят об этом. Лея пошла за фруктами, а тем временем начался разговор.

— Григ, — начал Святослав, — я должен уехать в длительную командировку и хочу тебя попросить. Будь главой и для моей семьи. Эва, будь сестрой Лее. Может так случиться, что я к январю не вернусь. Это моя просьба.

— Не беспокойся, Слав, все, что поручишь, выполню.

— Обручение Има и Моны должно состояться. И еще я хочу сказать, что наши дети отличаются от других. Они должны быть вместе, вместе будет легче выжить и заниматься важными делами.

— Да, да, конечно.

— А вы знаете, что учудила Жанна? — со смехом заговорила Эва. — Она тоже хочет обручиться с Махмудом. Представляете, какая глупость?

— Нет, это не глупость, — сказал Слав, — сейчас, когда нравы молодежи потеряли свои критерии, пусть с юности имеют одного друга. Это сохранит их силы и направит на учебу, мечту и добрые дела.

— Наверное, это верно, — поддержал Григ, — это воспитает ответственность.

— Махмуд — мусульманин, он будет охранять честь девушки до свадьбы, — поддержала Лея.

— А куда ты едешь, можно узнать? — любопытствовала Эва.

— Я напишу, — грустно улыбнулся Слав и посмотрел на Лею.

Эва строила планы, куда вместе поедут летом, Григ ее поддерживал. Наливая чай, Эва почувствовала, что разошлась молния на юбке, она встала и потихоньку юркнула в кабинет Слава. Увидев все белое, она позвала Лею:

— Это что, сейчас модно?

Лея нахмурилась, но, сбросив недовольство, пошутила:

— А ты что, не знала? Белое — это же классика.

— Да, ты права, надо подумать. Лея, прости, я все время чувствую какую-то тайну вашей семьи. Вы обладаете какими-то знаниями, возможностями, которые нам недоступны. Я математик, но не могу все вместить, вычислить.

— Вам хорошо с нами? — спросила Лея.

— Очень.

— А это главное.

Эва обняла Лею и сказала:

— Как же я тебя люблю, как мне тебя всегда не хватало!

— Спасибо, милая.

В дверь позвонили. Лея открыла и увидела взволнованную Рину.

— Проходи, дорогая, — и она крепко ее обняла. — Сейчас я тебя познакомлю, — и они вошли в гостиную.

— Вот, знакомьтесь, это моя Рина.

Рина понимала, что Лея напряжена и отвлекается праздной болтовней. Сердце ее дрогнуло, когда она увидела бледного и осунувшего Слава. Он беседовал с Григом и Эвой, которые, увидев вошедшую, обрадовались.

— Мы много о вас слышали, а теперь и увидели, — улыбаясь, сказала Эва.

— Очень приятно, — приподнявшись со стула и протянув ей руку, тепло продолжил Григ.

— Я тоже о вас все знаю и о ваших красавицах дочерях, — она пыталась попасть в тональность беседы и рассказала о прекрасном празднике воздушных шаров.

— Если бы вы видели усеянное разноцветными шарами небо, это восхитительное зрелище.

Еще немного поговорив, гости засобирались.

— Слав, ты, когда будешь уезжать, позвони, мы тебя проводим, — по-семейному тепло сказала Эва. Лея и Рина переглянулись, а Эва порывисто бросилась к Славу, дотронувшись до его руки, благодарно прошептала:

— Спасибо тебе, дорогой человек, ты стал нам братом. Спасибо за Мону.

Григ осторожно обнял Слава и добавил:

— Все будет хорошо, я позабочусь о твоём здоровье, только скорее возвращайся, путевка в лучший санаторий будет тебя ожидать. Если бы ты знал, как стал мне дорог.

Попрощавшись, они ушли.

Слав улыбнулся Рине, и извинившись, пошел в кабинет.

— Тебе что-нибудь нужно, дорогой? — спросила Лея.

— Нет, все хорошо, я устал, постараюсь заснуть, — ответил Слав и закрыл дверь кабинета.

Рина была членом семьи, поэтому расшаркиваться перед нею не было необходимости. Рина смотрела на Лею и молчала, а потом вдруг сказала:

— Он уникальный человек, то, как он мужественно держится, просто потрясает. Дома у меня все в порядке пока, Павел — хороший муж, он сейчас реставрирует старую церковь, а я скорее к вам, хоть одним глазком увидеть своих родненьких. Я очень хотела видеть вас, думаю, увижу — и обратно. Жаль, Има не дождусь, да и Мону хотелось бы увидеть, но уж в другой раз, мне торопиться надо.

Ей хотелось еще раз взглянуть на Слава, сказать ему теплые слова, и, пока Лея убирала со стола, она заглянула в кабинет. Увидев перемену в комнате, она все поняла. Тихо притворив дверь, встретила с глазами Леи.

— Боже мой, я не думала, что это так скоро. Он готовится к Вознесению?

— Да.

— Лея, неужели ничего нельзя изменить? Может быть, его можно спасти?

— Рина, я тебе звонила, и ты знаешь все, не надо об этом. Слав знает лучше нас с тобой, и, если бы был выход, он бы использовал его. И вообще, давай не будем невежами, мы знаем, что Слав уйдет в другую дверь, чтобы жить. Он выполнил свое дело на Земле, а нам еще много надо трудиться. Это удел земной жизни, и никто не может его избежать. Надо один на один выдержать этот переход в другое измерение, и нужно быть к этому готовыми.

— Кстати, Лея, я купила прекрасный белый натуральный шелк. Я бы пошила и тебе, и себе, но ты же знаешь, нужно самому это сделать. У Слава есть?

— Да. Он в Индии шил себе сам.

— Родненькая, помни, я всегда рядом, если понадобится, дай знать, а теперь мне пора.

Закрыв дверь за Риной, Лея автоматически убирала со стола.

Осталось два дня, мелькали мысли, надо позвонить в институт, предупредить. «Эти дни, часы, минуты я должна быть рядом с ним».

\*\*\*

Им знал, что завтра он уже не увидит отца. Дух Воина уже принял эти обстоятельства. Ему хотелось быть рядом с ним. Он вошел в гостиную, мама лежала на диване, а отец, одетый в белый хитон, сидел, держа ее ноги на своих коленях. Он любил массировать ей ступни, снимая напряжение. Она смотрела на него, он на нее, и, казалось, они хотят запомнить друг друга на века.

«И все же у них в глазах тоска, сами меня учат принимать обстоятельства, быть отрешенным от происходящего, а так прощаются, что сердце стонет», — думал Им, наблюдая за родителями, и ноющая боль обволакивала его сердце.

Слав, заметив Има, сказал:

— Береги мать, за тебя я спокоен. Я надеюсь, ты все усвоил, о чем я говорил. Не пытайся сам выходить на связь со мной. Это бесполезно. Я буду приходить обязательно, но только во снах.

Лея поднялась и пошла готовить сок, а Слав продолжал:

— Ты сегодня должен склеить тот тетраэдр, который начал, и покажешь мне. Когда ты освоишь у Друнвало Мельхиседека Мер-Ка-Ба, обучи своих друзей. Помни, ты остаешься на Земле, чтобы создать мощное Поле Света. Таких сообществ на Земле несколько. Именно их усилиями под руководством Великих Учителей Земля удерживает равновесие в один из самых тяжелых моментов планеты. Ты сам свидетель катаклизмов на Земле: землетрясений, тайфунов, пожаров и других человеческих несчастий. Все это прекратится, если на Земле создадутся сообщества, подобные тем, что создашь ты со своими друзьями. Создашь своим образом жизни, моралью и нравственностью, наконец своими знаниями. Только при таком условии вы будете способны нести в человеческие массы Свет Души. Создав общее с друзьями Поле Света, вы будете замечены в разных уголках

Земли такими же сообществами, как ваше. Великие Учителя Света вам помогут. Общаясь на громадном расстоянии, вы будете способны нормализовать физическую и духовную жизнь планеты. Человечество начнет быстрее развиваться, и вы сделаете свой вклад в наступающий Золотой Век.

Им смотрел на отца, сознавая то громадное доверие, которое он оказывал ему, и слезы благодарности застилали глаза, делая облик отца нереальным. Он рванулся к нему, но был остановлен взглядом, в котором сосредоточилась сила души:

— Ты все понял? Вот и хорошо.

Лея принесла свежий сок, и все трое пили, как в добрые времена, будто это был обычный день.

— Я пойду отдохну, мне нужны силы, вечером Им покажет мне тетраэдр, а Лея — свою прекрасную улыбку, — и он вошел в кабинет.

Им поторопился в свою комнату и стал трудиться над повторными чертежами тетраэдра, ему хотелось порадовать Слава. Он решил склеить их несколько. Лея пошла в спальню, перед ее глазами проносились странные встречи со Славом три года назад. Она думала о том, как он оттягивал их встречи и как пылко реагировал на них, как он, знающий все наперед, мог быть таким человеческим, несущим столько радости и света в семью. Она думала о том, что три года жизни с ним дали Иму опыт духовной жизни, который нарабатывается десятилетиями. Кто же он, родной, любимый, недосягаемый?

Вечером Слав с Имом говорили о тетраэдрах и их значении, о том, чтобы Им силой своего воображения смог создать большой тетраэдр, в который мог бы войти, раскинув руки, как на рисунке Леонардо да Винчи, о том, как сумел бы поместить внутри большого тетраэдра меньший, т. е. второй, и третий, который будет еще меньше. Слав говорил неторопливо, спокойно и тихо, а Им горячо и с готовностью принимал его наставления.

Лея сидела, откинувшись в кресле, и прислушивалась к себе: внутри нее, словно анестезия, что-то обволакивало организм, она успокоилась окончательно, осознавая, что Слав идет на Преображение и что это

конечная цель каждого человека, если он заслужит это своей жизнью.

— У меня к вам просьба, — сказал, вставая, Слав, — ваша жизнь должна продолжаться так, как это было раньше, когда мы были вместе. Никакой скорби, никаких прощаний, — и он направился к кабинету.

— Святослав, — окликнула Лея и подошла к нему вплотную: — Ответь мне, кто ты?

Он улыбнулся и сказал:

— Один из них, — и плотно прикрыл за собой дверь.

Как ни странно, Лея и Им эту ночь спали так крепко, что, проснувшись утром, не сговариваясь, позавтракали и пошли каждый по своим делам: Им к Моне в больницу, а Лея в университет.

Вернувшись, избегали любого разговора о Славе, они знали: ему нельзя мешать своей тоской.

На вторую ночь Лея и Им видели один и тот же сон: огромные столбы пульсирующего фиолетового пламени словно ниспадали с неба, а на их фоне белое облако в виде всадника, удаляющегося высоко в небо.

На третью ночь у них снова было одно и то же видение: огромный лабиринт, по которому шли высокие люди в белых одеждах, среди них был Святослав.

Когда на четвертый день они вошли в кабинет Слава, он был пуст.

*Конец первой книги*

Галлея  
Эзотерический роман  
**ОНИ СРЕДИ НАС**

***По вопросу приобретения книги  
обращаться по тел. (+7-861) 261-20-24.***

Подписано в печать 23.05.2005. Формат бумаги 60х84 <sup>1/16</sup>  
Бумага офсетная 80 г/м<sup>2</sup>. Заказ 15/05/ПР. Тираж 500 экз.  
«M&D production» (ИП Вольная Н. Н. свидетельство № 30423110350002)